

Р 27
133.

Проблемы нервной и душевной жизни.

ВЫПУСКЪ I.

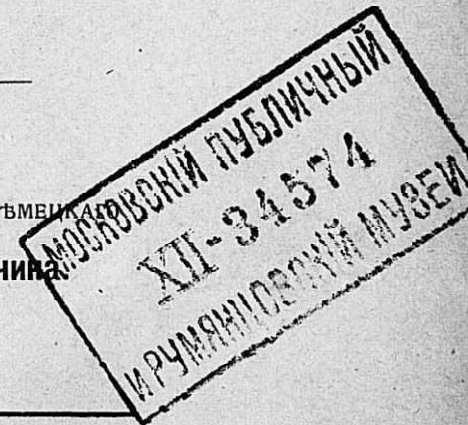
801-16
1054

Д-ръ М. Фридманъ.

ПСИХОЛОГІЯ РЕВНОСТИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЦКАГО

П. Кручинина

ИЗД-ВО "СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ".

МОСКВА.—1913.

2014143622

МОСКВА.—1913.

Типографія Торговаго Дома „МЫСЛЬ“, Петровка, 17.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Среди многочисленныхъ изслѣдованій, на которыхъ зиждится наше познаніе науки о человѣкѣ, изслѣдованія духовной дѣятельности въ области религіи, искусства, политики и культуры, разсматриваемой съ психологической точки зрѣнія, занимаютъ довольно видное мѣсто; напротивъ того, крупные аффекты и сильныя проявленія чувствъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ подвергаются теоретическому изслѣдованію, хотя именно они еще больше, чѣмъ наше познаніе являются господствующими рѣшающими факторами нашихъ поступковъ. Разсмотрѣніе психологическихъ основъ и сущности ревности принесло бы громадную пользу не только художникамъ и поэтамъ, но и соціологамъ, криминалистамъ, моралистамъ и особенно педагогамъ; тѣмъ не менѣе до сихъ поръ за исключеніемъ случайныхъ небольшихъ замѣтокъ и очерковъ наука разсматривала проявленія ревности лишь въ психопатологіи.

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что мы практически знакомимся съ аффектами уже

благодаря повседневному житейскому опыту; ихъ наименованіемъ и характеристикой мы обязаны популярной психологіи; необходимо также признать, что и у теоретическаго изслѣдованія имѣется въ концѣ концовъ едва ли другой научный матеріалъ, кромѣ того же общаго опыта. Тѣмъ не менѣе расположеніе и изложеніе послѣдняго на основаніи психологическихъ принциповъ должно принести большую пользу. Чему же учить насъ повседневный житейскій опытъ относительно ревности? Онъ совершенно справедливо отличаетъ этотъ аффектъ отъ законнаго чувства соревнованія и разумѣтъ подъ нимъ необоснованное и слѣпо-страстное возбужденіе при переживаніи чьей-либо конкуренціи. Житейскій опытъ несомнѣнно склоненъ видѣть въ ревности первоначальное, сильное и специфическое чувство.

Къ чему же приводитъ насъ, однако, систематическое изслѣдованіе? Оно показываетъ, что ревность происходитъ непосредственно изъ наиболѣе общаго свойства всѣхъ чувствъ,—изъ того, что всѣ они постоянно связаны съ интенсивными стремленіями. Ситуація состязанія, конкуренціи предполагаетъ наличность условий, которыя, съ одной стороны, чрезвычайно укрѣпляютъ эти стремленія, и которыя могутъ повыситься до уровня импульсивнаго влеченія. Съ другой стороны, оказывается, что это страстное влеченіе чрезвычайно часто ста-

новится абсурднымъ и вреднымъ,—въ тѣхъ случаяхъ особенно, когда лишь конкурентъ въ законной формѣ выполняетъ свою функцію,—зритель же, вслѣдствіе возбужденныхъ и въ немъ импульсовъ, не хочетъ быть исключеннымъ. Таковъ основной процессъ ревности. Какъ, однако, послѣдняя укрѣпляется въ дальнѣйшемъ и развивается, это объясняется лишь изъ сложныхъ условий, которыя выяснятся при ходѣ нашего изложенія и которыя мы постараемся еще разъ резюмировать въ заключительной главѣ. Вообще же, очень наглядное, такъ называемое, экспериментальное доказательство этой теоріи даетъ намъ „спортъ“; онъ показываетъ, какъ изъ ревностнаго затрудненія само собою возникаетъ соревнованіе, благовидная форма ревности.

Если и ревность является обычно инстинктивно проявляющимся побочнымъ продуктомъ состязанія, то иногда мы можемъ подмѣтить явленія, какъ разъ обратныя этому. Ревность пробуждается въ этихъ случаяхъ и индуцируется другими аффектами. Если супругъ благодаря раздорамъ, разладу и т. п. перестаетъ довѣрять своей женѣ и начинаетъ за нею слѣдить, то отсюда быстро вытекаетъ чувства соревнованія по отношенію къ знакомымъ супруги. При борьбѣ двухъ теченій искусства, при спорѣ между протестантизмомъ и католицизмомъ, при борьбѣ сѣвера и юга Германіи

за преобладаніе и въ другихъ подобныхъ же случаяхъ мы наблюдаемъ замѣчательное сопутствующее явленіе. Всякій разъ имѣется на лицо опредѣленный вещественный объектъ борьбы; но готовность къ борьбѣ приводила и приводитъ всегда къ общему наблюденію за всѣми дѣлами и жизнью врага. Тѣмъ самымъ вытекаютъ непосредственно общія чувства соревнованія, а потому и мысль, что противникъ—всесторонній конкурентъ. Мы знаемъ, что въ результатъ получается отсюда: различныя художественныя школы въ достаточной мѣрѣ испортили другъ другу жизнь. Католицизмъ въ Германіи страннымъ образомъ превратился въ могущественную политическую партію съ той фикціей, будто между нимъ и протестантизмомъ существуютъ основныя политическія противорѣчія, все равно, какъ между либеральнымъ и консервативнымъ направлениемъ. Несмотря на то, что борьба между сѣверомъ и югомъ Германіи давно уже утратила конкретный объектъ, мы недавно еще наблюдали сильнѣйшую партикуляристскую ревность послѣдняго по отношенію къ первому,—по крайней мѣрѣ во всѣхъ экономическихъ, хотя зачастую также и въ политическихъ вопросахъ. Какимъ образомъ, наконецъ, „бдительность“ нашей прессы по отношенію къ иностранной политикѣ воспитала невѣроятную и опасную интернаціональную ревность,—

этого мы коснемся подробнѣе въ нашей предстоящей работѣ.

Эти немногіе примѣры показываютъ намъ, что психологическое разсмотрѣніе проблемы ревности способно пролить свѣтъ на разнообразныя явленія личной и общественной жизни; цѣлью нашего изслѣдованія и является установить именно такую точку зрѣнія, а вовсе не дать исчерпывающую коллекцію доказательнаго матеріала. Кромѣ того, вообще подлежитъ сомнѣнію, имѣло ли бы смыслъ или вообще было ли бы возможно составленіе такой коллекціи.

Только въ главѣ четвертой, гдѣ мы коснемся процессовъ блѣзненной ревности, мы попытаемся наглядно сопоставить всѣ клиническія наблюденія,—въ главѣ же о чрезвычайно интересныхъ и психологическихъ поучительныхъ проявленіяхъ ревности въ царствѣ животныхъ мы постараемся привести всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя. Поскольку наша попытка подошла къ разрѣшенію поставленной нами задачи, предоставляемъ судить читателю.

I.

Что такое ревность и чѣмъ она вызывается?

Относительно ревности мы вообще, насколько мнѣ извѣстно, не имѣемъ еще ни одной болѣе или менѣе исчерпывающей работы, хотя этотъ аффектъ давно уже занималъ наше мышленіе и хотя чрезвычайно великъ интересъ, который удѣлялся ему со стороны новѣйшихъ писателей. Въ то время, какъ въ классической драматургіи трековъ мы едва имѣемъ слабые намеки на этотъ аффектъ,—великій знатокъ человѣческой души, Шекспиръ въ „Отелло“, въ „Зимней сказкѣ“, въ „Цимбелинѣ“, въ комедіяхъ „Мѣра за мѣру“, въ „Веселыхъ кумушкахъ“ и во многихъ другихъ клалъ его въ основу своихъ твореній. Шиллеръ въ „Разбойникахъ“, „Коварствѣ и любви“, въ „Мессинской невѣстѣ“ и въ „Маріи Стюартъ“ рѣзкими штрихами обрисовалъ эту страсть; Гете въ „Торквато Тассо“, Лессингъ въ „Эмиліи Галотти“ и въ „Миссъ Сарра Симпсонъ“, — между тѣмъ,

какъ современная французская драматургія уже нѣсколько десятилѣтій пользуется ревностью, какъ наиболѣе употребительнымъ и благодарнымъ матеріаломъ для своихъ твореній. То, что въ итальянской поэзіи и оперѣ вплоть до новѣйшаго времени ревность играетъ выдающуюся роль, чрезвычайно понятно: напротивъ того, не лишентъ особаго интереса тотъ фактъ, что германскіе драматурги современности, не исключая и Ибсена, со значительно меньшимъ увлеченіемъ обращались къ этому аффекту.

Не смотря на то обстоятельство, что практическая психологія ревности безчисленное число разъ служила объектомъ изслѣдованія поэтовъ, мы все же считаемъ далеко не излишнимъ условиться уже въ началѣ нашего изложенія относительно единообразнаго ея опредѣленія. Почти всѣ называютъ ревность страстью и представляютъ себѣ при этомъ слѣдующую постепенность: чувство—аффектъ—страсть. Точно такимъ же образомъ можно идти отъ досады къ гнѣву и затѣмъ къ мести, отъ удовольствія къ радости и къ наслажденію. Аффектъ является при этомъ повышеннымъ чувствомъ, соединеннымъ съ влеченіемъ къ удовлетворенію или къ разряженію. О страсти же мы говоримъ въ томъ случаѣ, когда аффектъ становится постояннымъ и тѣмъ самымъ принимаетъ вредное или нежелатель-

ное направлѣніе. Одновременно съ этимъ въ рѣзкой формѣ проявляется и желаніе, какъ на примѣръ, въ понятіяхъ алчности, честолюбія. Въ психологіи страсть опредѣляется нѣсколько разнообразнѣе и иначе. Въ то время, какъ древніе (стоики, Платонъ и т. п.), исходя изъ своего субстанціональнаго понятія души, видѣли въ ней рабство души, Лейбницъ довольно справедливо охарактеризовалъ ее, какъ желаніе, а Кантъ ¹⁾, какъ чувственное стремленіе, превратившееся въ постоянную склонность, при чемъ онъ, правда, присоединялъ сюда же и чрезвычайно мало понятное положеніе: „Гдѣ много аффекта, тамъ мало страсти“.

Изъ современныхъ психологовъ Вундтъ ²⁾ идетъ слишкомъ далеко, настаивая на исключеніи изъ психологіи этого понятія, какъ слишкомъ популярнаго и многосмысленнаго; Липпсъ ³⁾, напротивъ того, выражается чрезвычайно опредѣленно: „Кто склоненъ къ сильнымъ аффектамъ, того называютъ и страстнымъ. Страсть вообще—это продолжительное состояніе особой возбудимости по отноше-

¹⁾ Ср. подробно историческій обзоръ у Folkman'a „Lehrbuch d. Psychologie“. 3-е изд. 1884, II т., стр. 522.

²⁾ Wundt „Grundriss d. physiol. Psychologie“, 5-е изд., 1903, II т., стр. 226.

³⁾ Lipps „Leitfad. d. Psychologie“, 2-е изд., 1906, стр. 311.

нію къ опредѣленнымъ видамъ психологическихъ явленій и комплексовъ таковыхъ и къ вытекающимъ изъ нихъ стремленіямъ и желаніямъ“.

Если мы захотимъ убѣдиться въ томъ, является ли ревность дѣйствительно страстью въ этомъ сложномъ смыслѣ или же только простымъ чувствомъ, или аффектомъ, то мы можемъ непосредственно обратиться къ нашему самонаблюденію. Если границы послѣдняго и безъ того уже чрезвычайно узки, то въ сферѣ чувствъ оно является особенно недостаточнымъ. Это заходитъ такъ далеко, что относительно элементарнѣйшихъ вопросовъ, касающихся внутренней конструкціи чувствъ, возрѣнія наиболѣе великихъ современныхъ психологовъ рѣзко расходятся другъ съ другомъ. Чувства всегда вѣдь представляютъ собою нѣчто второстепенное, они проистекаютъ изъ полученныхъ ощущеній или представлений,—благозвучіе, на примѣръ, изъ аккорда, душевное страданіе изъ непріятнаго извѣстія. Между тѣмъ, никто иной, какъ Вундтъ выставляетъ положеніе, что качественная особенность чувствъ получаетъ свое внутреннее выраженіе въ чрезвычайно многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ, настолько же многочисленныхъ, насколько различны ощущенія и комбинаціи ощущеній, изъ которыхъ исходятъ чувства. Подавляющее большинство психологовъ утвер-

ждаетъ, однако, наличность еще двухъ разновидностей: они либо пріятны, либо непріятны. Все различіе заключается далѣе лишь въ самихъ ощущеніяхъ и затѣмъ еще — при аффектахъ—въ сопутствующихъ вазомоторныхъ и мимическихъ импульсахъ. Вундтъ, напротивъ того, видитъ въ чувствѣ пріятнаго и непріятнаго лишь общее свойство всякаго чувства (на ряду съ ихъ всякій разъ своеобразной природой) и добавляетъ сюда еще два дальнѣйшихъ главныхъ направленія: они всякій разъ кромѣ того носятъ либо напрягающій, либо освобождающій характеръ,—и далѣе возбуждающій или парализирующій. Эта характеристика тоже не пользуется широкимъ сочувствіемъ. Раздѣленіе наиболѣе интенсивныхъ чувствъ, аффектовъ на стеническіе (напримѣръ, гнѣвъ, мужество) и астеническіе (напримѣръ, страхъ, боязнь), правда, очень старо, и многіе психологи (Мюнстербергъ, Липпсъ и Годль) предполагаютъ, на мой взглядъ, вполне справедливо, что въ чувствѣ непосредственно заложено стремленіе, главный элементъ воли. Тѣмъ самымъ учитываются уже направленія чувствъ, о которыхъ говоритъ Вундтъ; тѣмъ не менѣе изъ наличности столь глубокихъ разногласій относительно психологической природы чувствъ явствуется, что наше самонаблюденіе неспособно дать намъ какія-либо опредѣленные и яркія

разъясненія по этому поводу. И кто читалъ, напримѣръ, въ прекрасной психологіи Годля его подробное изслѣдованіе чувствъ, тотъ несомнѣнно пришелъ къ выводу, что попытка спеціальнаго анализа чувствъ не даетъ въ концѣ-концовъ плодотворныхъ результатовъ.

Отсюда самъ собою намѣчается путь для психологическаго изслѣдованія ревности. Вопросъ, идетъ ли тутъ рѣчь о простомъ чувствѣ или о сложномъ явленіи, можетъ остаться пока мѣстъ неразрѣшеннымъ; очень сомнительно, поддается ли онъ вообще разрѣшенію. Мы должны, однако, сдѣлать слѣдующее: во-первыхъ, установить тѣ переживанія и явленія, при которыхъ говорятъ обычно о ревности; во-вторыхъ, найти ощущенія и чувства, постоянно сопутствующія ей, а благодаря этому и наиболѣе существенныя; и въ-третьихъ, опредѣлить тѣ поступки и стремленія, которые имѣютъ мѣсто при явленіяхъ, вызывающихъ обычно въ насъ ревность.

При всемъ томъ мы не должны упускать изъ виду того соотношенія, въ которомъ стоитъ ревность съ другими аналогичными чувствами, главнымъ образомъ съ завистью, съ недоброжелательствомъ и др. Во всякомъ случаѣ, всѣ краткія опредѣленія, встрѣчающіяся довольно часто, въ родѣ того, напримѣръ, какъ: „ревность есть стремленіе къ единоличному обладанію желаннымъ объектомъ или субъ-

ектомъ“, — не могутъ быть признаны удовлетворительными¹⁾. Съ самаго начала ясно, что ревность относится къ обширной группѣ тѣхъ аффектовъ, которые возбуждаютъ въ человѣчествѣ взаимное враждебное чувство; при-смотрѣвшись ближе, мы увидимъ, что два вида этихъ аффектовъ во все времена и эпохи оказывали наиболѣе сильное и вредное вліяніе: первый проистекаетъ изъ могущественнаго фактора своекорыстія и себялюбія, второй — изъ треній, возникающихъ благодаря личнымъ противорѣчіямъ, гнѣву, мстительности, антипатіи и т. п. Передъ нами возникаетъ еще одинъ важный и интересный вопросъ: нѣтъ ли у человѣка еще третьей категоріи, — первичной наклонности къ жестокости, — желанія безъ всякой причины причинить зло своему ближнему? На этотъ вопросъ англійскій психологъ Бенъ, чрезвычайно остроумный и добросовѣстный изслѣдователь, отвѣтилъ утвердительно: мы также должны согласиться, что при ненормальныхъ условіяхъ, при такъ называемой „moral insanity“ и у большинства вырождающихся алкоголиковъ такіе хищные инстинкты дѣйствительно имѣются налицо, и что сюда относится кромѣ того и садизмъ сексуально извращенныхъ людей.

1) Въ равной мѣрѣ мы не можемъ согласиться и съ опредѣленіемъ Спэнноу: „Ревность есть связанная съ завистью ненависть къ любимому объекту“.

Извѣстный голландскій этнологъ Штейнмецъ¹⁾ въ своемъ добросовѣстномъ изслѣдованіи счелъ нужнымъ опровергнуть тотъ взглядъ, что существуетъ въ качествѣ нормальнаго чувства первичное и необоснованное стремленіе къ жестокости по отношенію къ своему ближнему. Онъ утверждаетъ, что всякій разъ можно найти какой-либо мотивъ, обусловленный местию, воздѣйствіемъ религіозныхъ идей (лежащихъ, напримѣръ, въ основѣ отвратительной склонности къ обезглавленію у туземцевъ острова Суматры), своего рода упоеніемъ власти, стремленіемъ поработать и попирать ногами другихъ (этотъ мотивъ знакомъ, напримѣръ, сѣверо-американскимъ индѣйцамъ); сюда же относится то, что мученія другихъ у первобытнаго человѣка вызываютъ своего рода нервное возбужденіе, проявляющееся, напримѣръ, и въ склонности многихъ нашихъ согражданъ къ чтенію уголовной литературы.

Чрезвычайную роль играетъ кромѣ того необдуманность и непониманіе послѣдствій жестокости, проявляющіяся особенности въ мученіи животныхъ у взрослыхъ и еще больше у дѣтей. Одинъ изъ такихъ мотивовъ чрезвычайно ясенъ. Кровожадность Нерона, который,

1) Steinmetz „Ethnol. Studien z. Entwicklung d. Strafe“, 1894, стр. 5—89.

какъ извѣстно, наслаждался убійствомъ своихъ подданныхъ, безусловно не въ природѣ человѣка.

Должны ли мы, однако, видѣть въ ревности такой новый, третій мотивъ чувства, который сѣетъ вражду между людьми, или же она, подобно склонности къ жестокости, есть лишь послѣдствіе вышеупомянутыхъ обоихъ факторовъ, представляющихъ собою рычаги и основы подавляющаго большинства членовѣческихъ поступковъ и чувствъ? Присистекаетъ ли ревность изъ личной вражды? Повидимому, дѣло обстоитъ именно такъ: враждебныя чувства, несомнѣнно, проявляются по отношенію къ сопернику, когда тотъ въ соревнованіи изъ-за горячо-любимой женщины одерживаетъ побѣду,—очень часто развязкой такой драмы является борьба не на жизнь, а на смерть. Но неужели же дѣйствительно въ такихъ случаяхъ личная вражда является причиной ревности, а не служить скорѣе лишь послѣдствіемъ ея? Предположимъ другой практическій случай: теща симпатизируетъ зятю. Послѣ выхода дочери замужъ она начинаетъ, однако, ревновать ее, такъ какъ дочь всецѣло отдастъ свою любовь мужу. Въ этомъ случаѣ она можетъ вполнѣ ясно сознавать, что не смотря на ревность она все же попрежнему симпатизируетъ своему зятю; изъ личной антипатіи, такимъ образомъ, ея чувство не возник-

ло. Но бываетъ и какъ разъ обратное явленіе: въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ негры пользуются всеобщемъ презрѣніемъ, негръ похищаетъ, положимъ, у бѣлаго возлюбленную или жену,—или же у насъ какая-нибудь аристократка вступаетъ въ связь съ кучеромъ. Унизится ли при этомъ бѣлый или мужъ аристократки до того, что будетъ ревновать жену къ сопернику? Я полагаю, что нѣтъ. Однако, имъ несомнѣнно овладѣваетъ чувство мести, презрѣнія или заклтой вражды.

Насколько малую роль для возникновенія ревности играетъ личная вражда, вытекаетъ также и изъ того, что, какъ извѣстно, ревность очень часто направляется противъ незнакомаго человѣка. Мы предполагаемъ невѣрность жены, но не знаемъ соперника или же лишь догадываемся, когда испытываемъ ревность къ бывшему, теперь, быть можетъ, уже умершему любовнику. Наконецъ, мнѣ представляется чрезвычайно интереснымъ въ психологическомъ отношеніи замѣчаніе нашего современнаго романиста графа Кейзерлинга, специалиста въ изображеніи эротики, который говоритъ о своемъ героѣ устами друга, рассказывающаго объ его увлеченіи: „Онъ слушалъ всегда неохотно. Мысль о прекрасной женщинѣ въ соединеніи съ кѣмъ-либо другимъ, кромѣ него, была для Гюнтера всегда

ненавистна“. Изъ этихъ немногочисленныхъ примѣровъ ясно, что по поводу личнаго отношенія къ сопернику могутъ быть налицо самыя различныя обстоятельства: можно ему симпатизировать, можно совсѣмъ его не знать или знать очень мало, можно относиться къ нему со слишкомъ большимъ презрѣніемъ для того, чтобы испытать ревность, и можно, въ концѣ концовъ, быть его заклятымъ врагомъ. Здѣсь, такимъ образомъ, мы не можемъ найти существеннаго мотива ревности.

Какъ же, однако, обстоитъ дѣло съ эгоизмомъ, съ личнымъ интересомъ? Послѣдній представляетъ собою несомнѣнно наиболѣе могущественный рычагъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ; въ концѣ концовъ, позади него скрывается лишь тотъ фактъ, что на каждое раздраженіе, на каждое переживаніе реагируетъ прежде всего „я“ во всемъ его цѣломъ.

Поэтому всѣ чувства пріятны или непріятны лишь въ зависимости отъ ихъ отношенія къ этому „я“. Даже комплексы альтруистическихъ чувствъ, въ родѣ любви къ ближнему, состраданію и даже половой любви, сводятся гипотетически къ этому въ духѣ англійскаго утилитаризма. Быть можетъ, къ этой обширной сферѣ относится и ревность? Вѣдь мы наблюдаемъ при ней то, что дѣлаетъ другой; но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ его поступокъ производить впечатлѣніе на насъ.

Развѣ у вышеупомянутой тещи не былъ задѣтъ въ первую голову ея эгоизмъ тѣмъ, что новый членъ семьи настолько устранилъ ее изъ сердца дочери? И если изъ двухъ чиновниковъ одинъ опережаетъ другого, то развѣ прежде всего не будетъ страдать отъ этого самолюбіе послѣдняго? Конечно,—но возникнетъ ли при этомъ ревность или, можетъ быть, другое чувство, будь то оскорбленное самолюбіе или зависть? Развѣ мы испытываемъ ревность къ богатому сосѣду? Конечно, нѣтъ. Мы можемъ испытывать при этомъ только зависть. Предположимъ такой случай: вышеупомянутый чиновникъ, опередившій товарища,—те-нѣй, онъ назначенъ министромъ,—неужели же бывшій товарищъ будетъ испытывать къ нему ревность? Эта мысль, конечно, нелѣпа. Можно сказать, что этотъ министръ опередилъ столько же коллегъ, что каждому изъ нихъ не приходится изъ-за этого убиваться. Тѣмъ не менѣе, я сошлюсь на указанный нами случай прелюбодѣянія между госпожею и слугою; это должно было, конечно, совершенно подавить самолюбіе мужа. Также и по отношенію къ министру возможно совершенно иное чувство, въ которомъ оскорбленное самолюбіе находитъ себѣ выраженіе: зависть.

Если мы захотимъ точнѣе опредѣлить послѣднюю, то сумѣемъ сказать: зависть есть смѣшанное съ чувствомъ досады сожалѣніе о

томъ, что другой обладает или завладѣваетъ цѣнностью, столь желанной для насъ самихъ.

Тутъ самое существенное то, что другой чѣмъ-то обладаетъ; помимо этого въ этомъ понятіи нѣтъ ничего особеннаго, ни стремленія, ни желанія. Относительно ревности мы уже узнали, что въ ней не играютъ существенной роли ни личная вражда, ни оскорбленное самолюбіе; къ сущности дѣла оба эти чувства, однако, не относятся, такъ какъ они могутъ быть и при отсутствіи ревности, и при наличности все же очевиднаго соперничанія; и наоборотъ, ихъ можетъ—правда, очень рѣдко—и не быть, а ревность все же будетъ налицо.

Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ мы все же мало знаемъ ее. Намъ необходимо поэтому разсмотрѣть еще нѣсколько практическихъ случаевъ. Актеръ можетъ стать свидѣтелемъ шумнаго одобренія, выпавшаго на долю его товарища по сценѣ. Если даже онъ находится съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, если даже и самъ пользуется успѣхомъ, то все же ему будетъ довольно трудно отрѣшиться отъ извѣстнаго чувства ревности при томъ условіи, конечно, что самъ онъ относится съ интересомъ къ своей дѣятельности и до нѣкоторой степени честолюбивъ. Какимъ образомъ, однако, это возможно? Развѣ все не обстоитъ въ полномъ порядкѣ, раз-

въ одобреніе, выпавшее на долю товарища, отняло что-нибудь у него? Развѣ онъ въ правѣ желать другому зла? Все, это, однако, не играетъ тутъ никакой роли. Но вотъ нѣсколько другихъ примѣровъ. Нѣмецко-американскій писатель Зильсфильдъ удивительно наглядно описалъ импровизированное состязаніе, устраивавшееся лѣтъ пятьдесятъ-шестьдесятъ назадъ пассажирскими пароходами на Миссисипи. Когда одинъ пароходъ настигалъ другой, то этотъ послѣдній пускался съ нимъ въ гонимы; большая часть пассажировъ принимала живѣйшее участіе въ этомъ состязаніи, хотя это своеобразное удовольствіе и грозило серьезною опасностью, такъ какъ машины работали при этомъ до крайнихъ предѣловъ напряженія. Капитанъ волновался,—разсказываетъ Зильсфильдъ,—онъ не сводилъ глазъ съ противнаго парохода, который благодаря своей сильной машинѣ опередилъ уже пять другихъ. Капитанъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, скрежеталъ зубами и судорожно кусалъ губы. И когда, наконецъ, машинистъ по настоянію нѣсколькихъ дамъ и одного пожилого господина открылъ вентиль, и „Вашингтонъ“ пришелъ къ цѣли на двѣ минуты раньше ихъ парохода, капитанъ стоялъ весь облитый потомъ, съ глазами на выкатѣ. Разказчикъ, американскій пассажиръ, напалъ на машиниста. „Если бы вамъ такъ ужъ хотѣлось и если бы

не было капитана, я бы убилъ машиниста на мѣстѣ. Честь для меня на первомъ планѣ!”

Здѣсь передъ нами, такимъ образомъ, случай, когда на карту не поставленъ ни чело-вѣкъ, ни какая-либо реальная цѣнность, гдѣ никто ничего не добивается, особенно же сами пассажиры, но гдѣ въ жертву риска приносится жизнь,—все исключительно ради „чести“ или, вѣрнѣе говоря, исключительно ради увлеченія импровизированнымъ состязаніемъ. Истинный *agent provocateur* здѣсь—соревнованіе самихъ пароходовъ; оно, точно смерть, увлекаетъ за собою и всѣхъ пассажировъ.

Одинъ изъ нашихъ современныхъ драматурговъ, Фомеллеръ въ своей пьесѣ („Любовники графини Арманьякъ“) попытался изобразить силу ревности, а въ другой пьесѣ еще ярче въ качествѣ цѣльной психологической проблемы—значеніе стремленія къ власти и вызванной этимъ стремленіемъ ревности. Здѣсь, въ „Концѣ герцога Бокканера“ нежеланіе быть свидѣтелемъ постоянныхъ успѣховъ побѣдоноснаго полководца и будущаго зятя побуждаютъ честолюбиваго герцога послать адмирала въ экспедицію; въ это же время онъ тайкомъ снаряжаетъ второй флотъ, коварной задачей котораго служить въ критическій моментъ, когда побѣда уже будетъ несомнѣнна, напасть съ тыла на собственное же войско и

тѣмъ самымъ уготовить ему тяжкое поразженіе. Больше того: умный старикъ предвидитъ, что его полководецъ пойметъ, навѣрное, двойственную игру, и что онъ долженъ пожертвовать жизнью, которую тотъ дѣйствительно требуетъ отъ него въ искупленіе. Онъ любитъ своего талантливаго полководца и зятя и все-таки не можетъ примириться съ мыслью, что побѣдные лавры увѣнчаютъ еще разъ его чело. Такимъ образомъ, и здѣсь, гдѣ писатель ставитъ своей непосредственной проблемой психологію соревнованія, отсутствуетъ какая бы то ни было личная неприязнь или вражда, а также и какая бы то ни было реальная цѣнность въ качествѣ объекта соперничества; наоборотъ, корыстные цѣли совершенно не играютъ тутъ роли, тутъ приносится въ жертву даже собственная жизнь, и душою честолюбиваго герцога владѣетъ не что иное, какъ только героическій импульсъ унижить соперника въ мнѣніи народа. Мотивомъ остается, такимъ образомъ, лишь стремленіе къ власти, и оно-то именно и изображается въ драмѣ чрезвычайно рельефно, хотя на мой взглядъ, и слишкомъ пространно.

Для психологическаго толкованія своеобразной и опасной страсти имѣетъ большое значеніе еще одинъ фактъ; хотя она и можетъ показаться намъ искаженіемъ первона-

чально прекраснаго идеала, но все же въ наиболѣе рѣзко выраженной формѣ, какъ извѣстно всякому, и какъ подробнѣе мы покажемъ ниже, мы находимъ ее въ царствѣ животныхъ и даже на относительно чрезвычайно низкихъ ступеняхъ послѣдняго. Въ доказательство я приведу лишь одинъ примѣръ, извѣстный, конечно, по собственнымъ наблюденіямъ всякому, у кого есть собака. У меня была молодая крысоловка, и долгое время я почти никогда не выходилъ безъ нея изъ дому. При этомъ она то и дѣло убѣгала отъ меня, не обращала на меня ни малѣйшаго вниманія, и мнѣ постоянно приходилось подзывать ее. Но стоило мнѣ встрѣтить кого-нибудь и пойти вдвоемъ, какъ животное совершенно преображалось. Оно не отставало отъ меня ни на шагъ, старалось пролѣзть всегда между мною и моимъ спутникомъ и прилагало всѣ усилія, лишь бы выразить свою привязанность: бросалось на меня, лаяло, махало хвостомъ, словомъ, дѣлало все, что было въ распоряженіи ея собачьей натуры. Эта собака—въ противоположность другимъ представительницамъ ея породы—очень боялась другихъ собакъ; когда же къ намъ въ домъ являлась другая, хотя бы гораздо болѣе сильная и большая, злоба ея не знала границъ. Она кидалась тотчасъ же на соперницу, начинала кусать ее и почти не обращала вниманія

на полученныя ею почетныя раны. Такая форма взаимной ревности собакъ, конечно, хорошо всѣмъ извѣстна.

Но и поведеніе животного въ первомъ случаѣ имѣетъ вполне очевидную причину; собака была неприятна необычайная конкуренція моихъ спутниковъ, и она лѣзла вонъ изъ кожи, лишь бы выразить свою преданность мнѣ.

Удоелетворимся же этимъ и постараемся резюмировать то, что удалось намъ вывести изъ нашихъ наблюденій.

Прежде всего ясно: ревность вызывается къ жизни всегда лишь состязаніемъ, конкуренціей. Цѣль или объектъ послѣдней носитъ своеобразный и специфическій характеръ: могущественные факторы, которые обычно сѣютъ вражду между людьми,—эгоизмъ и корыстолюбіе, съ одной стороны, и чувство личной вражды, съ другой, не играютъ здѣсь рѣшающей роли, хотя очень часто и усиливаютъ и подчеркиваютъ значеніе и послѣдствія ревности.

Если мы спросимъ себя, какова же эта цѣль, то намъ прежде всего придется очертить сферу дѣйствія аффекта. Въ эту сферу не входятъ ни обладаніе, ни какая-либо реальная цѣнность; на послѣднюю направлено то чувство, которое столь часто сопутствуетъ ревности и тоже такъ присуще чело-

вѣку, но которое значительно менѣе благородно, чѣмъ ревность: зависть. Наше чувство вращается почти исключительно вокругъ проявленія опредѣленной дѣятельности. Здѣсь необходимо различать двѣ крупныя сферы: во-первыхъ, ту, которая издавна считалась монополіей ревности и о которой прежде всего думаешь при упоминаніи этого слова—любовь къ лицу другого пола (а также и половая любовь извращенныхъ людей къ собственному полу, которая отличается повидимому особенно сильно выраженной и всегда имѣющей налицо ревностью). Вторая область обнимаетъ всѣ остальные ~~человѣческія~~ стремленія, касающіяся профессій, занятій, спорта, внеполовыхъ родственныхъ и дружескихъ отношеній между людьми науки и искусства и наконецъ—что играетъ немаловажную роль—политической и національной жизни.

Какъ извѣстно, во взаимномъ соревнованіи ревность проявляется тѣмъ менѣе, чѣмъ больше идетъ рѣчь о практическихъ реальныхъ цѣностяхъ. Купецъ, ремесленникъ и даже политическія партіи находятся другъ съ другомъ въ постоянной борьбѣ за существованіе. Купецъ, напримѣръ, долженъ постоянно учитывать „конкуренцію“, чтобы не оказаться позади другихъ. Здѣсь, однако, почти всегда человѣкомъ владѣетъ самый трез-

вый интересъ; убить конкурента, лишь бы только остаться побѣдителемъ, аналогично герцогу въ вышеупомянутой пьесѣ,—отъ этого стремленія онъ чрезвычайно далекъ. Наоборотъ, объединеніе въ гильдіи и союзы стало въ настоящее время весьма жизненной необходимостью. Ревность играетъ, такимъ образомъ, гораздо болѣе видную роль тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ идеальныхъ цѣностяхъ, гдѣ на сцену выступаетъ честь, общественное мнѣніе, положеніе, и особенно конечно, любовь.

Какъ же обстоитъ, однако, дѣло съ субъектомъ ревности? Это какъ разъ наиболѣе сложный вопросъ. Между причиной аффекта и его послѣдствіемъ скрывается широкая пропасть. Сама по себѣ личность соперника вначалѣ играетъ второстепенную роль. Мы видѣли, что чувство было одинаково сильно и тогда, когда субъектами были пароходы; вышеупомянутого актера мучилъ только успѣхъ товарища; къ самому ему онъ не испытывалъ никакой неприязни. Тому, кто ревнуетъ въ любви, не нужно вовсе знать своего противника. Здѣсь, однако, обнаруживается своеобразная особенность—удвоеніе субъекта ревности; послѣдняя направляется въ значительно болѣе мѣрѣ противъ субъекта, который является въ то же время и объектомъ ревности,—противъ жены, мужа или вообще любимого

человѣка. При неполной любви это проявляется не въ такой мѣрѣ; теца направить свой аффектъ противъ зятя и лишь въ очень незначительной степени на дочь; братья и сестры гораздо больше ревнуютъ другъ друга, чѣмъ своихъ родителей. Кромѣ того характеръ чувства, играющаго преобладающую роль въ любовной ревности, совершенно отличается отъ чувства истинной ревности; по отношенію къ мужу или къ любимой женщинѣ пробуждается недовѣріе или негодованіе на невѣрность. Но этого мы коснемся лишь въ послѣдней главѣ нашего очерка.

Если для развитія чувства ревности личность соперника играетъ въ общемъ второстепенную роль, поскольку аффектъ пробуждается непосредственно самимъ фактомъ, какъ таковымъ, — успѣхомъ актера или полководца, у собаки — появленіемъ спутника. — то этому рѣзко противорѣчитъ другая сторона вопроса. Какимъ образомъ объясняется то, что такъ часто роль соперника играетъ видную роль? Нашъ актеръ едва ли испыталъ бы чувство ревности, если бы успѣхъ выпалъ на долю какого-нибудь знаменитаго героя его искусства, напримеръ: Зонненталя, Кейнца, Сормы или Дузы, или наоборотъ, — если бы счастье вдругъ улыбнулось какому-нибудь юному новичку. Тогда онъ испыталъ бы, можетъ быть, даже то свое-

образное чувство радости за другого, которое образуетъ здѣсь прямую противоположность ревности. Отвѣтить на этотъ вопросъ вовсе не трудно; соперникъ долженъ быть способенъ на соревнованіе, онъ долженъ быть до нѣкоторой степени равноцѣненъ съ личностью, испытывающей чувство ревности. Это, конечно, справедливо но отвѣтъ все же не касается самой сути вопроса. Негрѣ за которымъ стала бы ухаживать наша барышня, увидя его гдѣ-нибудь на сценѣ, — несомнѣнно соперникъ; въ любви все дѣло исключительно въ другомъ полѣ. А юный новичокъ на сценѣ могъ, быть можетъ, стать въ послѣдствіи чрезвычайно опаснымъ соперникомъ болѣе старшаго товарища.

Суть дѣла связана скорѣе съ природой чувства ревности вообще. Присмотрѣвшись ближе и постаравшись проанализировать это чувство самихъ себя, мы подмѣтимъ прежде всего лишь общее непріятное ощущеніе, которое, какъ таковое, очень напоминаетъ чувство зависти и вообще не всегда можетъ быть отдѣлено отъ послѣдняго. Кромѣ того, однако, въ комплексѣ чувствъ заложенъ и второй, въ большинствѣ случаевъ сильный импульсъ, — стремленіе устранить соперника и самому занять его мѣсто. Ревность чиновника къ его быстрѣе успѣвающему коллегѣ имѣетъ тотъ смыслъ, что онъ самъ хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ; капитанъ, сердце котораго билось уча-

щеннымъ темпомъ, испытывалъ страстное желаніе самому перегнать „Вашингтонъ“; нашъ герцогъ Бокканера отдалъ свою жизнь, лишь бы отнять лавры у своего полководца и зятя; а честолюбивый врачъ, слышавшій о многочисленныхъ паціентахъ своего сосѣда, стремится перетащить ихъ къ себѣ. Это чувство играетъ дѣйствительно рѣшающую роль въ ревности. Но если дѣло обстоитъ такъ, тогда было бы бессмысленно, если бы какой-нибудь судья стремился устранить министра или извѣстный актеръ своего юнаго коллеги. Но именно поэтому-то они и не испытываютъ ревности. Точно также и берлинецъ не станетъ домогаться любви дѣвушки, которая была о себѣ настолько ничтожнаго мнѣнія, что бросилась на шею какому-то негру.

Такое пониманіе сути дѣла обнаруживаетъ передъ нами, однако, еще кое-что. Націи—во все не конкуренты въ обычномъ смыслѣ этого слова: нѣмецъ не хочетъ стать вовсе французомъ, и наоборотъ. Но зато у обоихъ ихъ есть сильное желаніе—къ сожалѣнію, черезчуръ сильное—выбить другъ друга изъ благоприятной политической или экономической позиціи. И взирая очами Аргуса на преимущественное положеніе другъ друга, они развиваютъ свою національную ревность. Въ этомъ, въ сущности, нѣтъ ничего особеннаго. Своеобразие и опасность этого чувства заклю-

чается въ томъ что оно проявляется непосредственно, безъ всякой разумной цѣли или основанія, что оно носитъ характеръ влеченія или импульса.

Какое дѣло актеру, если его коллега съ тѣмъ же правомъ, какъ и онъ, настаиваетъ на своемъ мѣстѣ въ „подлунномъ мірѣ“ и дѣйствительно занимаетъ его? Какую пользу извлекаетъ герцогъ Бокканера изъ того, что онъ низвергъ не своего врага, а именно своего друга? И какой вредъ приносить ревнивому сушругу, если его жена относится дружелюбно къ другому человѣку? Что побуждаетъ школьниковъ, изъ которыхъ каждый учится, конечно, лишь для самого себя, прилагать всѣ усилія лишь бы опередить другъ друга въ преуспѣяніи? На это отвѣчаютъ обычно, что тутъ преобладающую роль играетъ честолюбіе, стремленіе къ почету и славѣ. Присмотрѣвшись, однако, ближе, мы увидимъ, что, въ сущности, въ этомъ честолюбіи заложена опять-таки ревность. Въ этомъ направленіи наилучшимъ объектомъ наблюденія служить ребенокъ съ его простыми душевными переживаніями; педагогика ни разъ уже занималась разрѣшеніемъ этого важнаго и интереснаго вопроса. И наличность стремленія играть извѣстную роль едва ли можно предполагать у ребенка; несомнѣнно, однако, что въ немъ чрезвычайно сильно стремленіе къ самоопредѣленію по отноше-

нію къ окружающей средѣ. И въ самомъ дѣлѣ, его честолюбіе выражается въ томъ, что онъ сравниваетъ свою работу, свои занятія, свои отмѣтки и похвалы съ таковыми же у ближайшаго конкурента, — что онъ стремится всѣми силами занять первое мѣсто, — укрѣпляемый, правда, очень часто въ этомъ стремленіи „честолюбіемъ“ родителей. Онъ старается, такимъ образомъ, оттѣснить на задній планъ другихъ дѣтей только по той причинѣ, что ему „возвышеніе“ кажется пріятнымъ, и наоборотъ, „отодвиганіе“ неприятнымъ и тягостнымъ. Если задаться дальнѣйшимъ неумолимымъ вопросомъ, почему это обстоитъ именно такъ, то мы уже не найдемъ для этого никакихъ психологическихъ данныхъ *). Во всякомъ случаѣ, тутъ играетъ, правда, еще роль чувство тщеславія.

Тщеславіе характеризуется довольно точно однозначнымъ нѣмецкимъ словомъ „Gefallsucht“ (желаніе нравиться); понимая его

*) Практическое доказательство этого приводилось не разъ. Если школьная система оставляетъ въ сторонѣ распредѣленіе учениковъ по ихъ успѣхамъ, то соревнованіе и честолюбіе сводятся почти на нѣтъ. Необходимо, однако, признать, что чувство собственного достоинства ребенка повышается, если онъ занимаетъ видное мѣсто, и понижается, если онъ отодвигается на задній планъ. Но честолюбіе означаетъ нѣчто большее, оно равносильно недовольству и раздраженію ребенка

въ этомъ смыслѣ, мы должны согласиться съ тѣмъ, что есть много честолюбивыхъ дѣтей, которыя, однако, отнюдь не тщеславны и даже не слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ. Честолюбіе сводится здѣсь по существу лишь къ стремленію къ обоюдному соревнованію, которое мы по праву можемъ назвать „обоюднымъ рвеніемъ“. Здѣсь, такимъ образомъ, отсутствуютъ отрицательные спутники ревности, недружелюбное отношеніе къ конкуренту и практическая безцѣльность соревнованія. Подобно тому, какъ въ спортѣ, ревность можетъ здѣсь быть полезной, возбуждая рвеніе и трудолюбіе.

Вообще же честолюбіе въ практической жизни мы не сумѣемъ психологически истолковать въ иномъ смыслѣ. Съ этою цѣлью я и привелъ выше слова Зильсфильда; у того американца шло дѣло о „чести“, когда пароходъ, на которомъ онъ былъ лишь пассажиромъ, быстротою хода долженъ былъ по-

такими же хорошими или даже лучшими успѣхами другихъ; то, однако, что другой ребенокъ учится такъ же хорошо, это само по себѣ не можетъ поставить чувства собственного достоинства товарища. Здѣсь, такимъ образомъ, лишь зависть и ревность могутъ быть рычагами, такъ называемаго „честолюбія“. Если послѣднее не пробуждается искусственно школьной системой, то его въ большинствѣ случаевъ почти совершенно незамѣтно.

бить всѣ остальные. Такое честолюбіе является соревнованіемъ безъ всякой цѣли и содержанія, и если у герцога Бокканера цѣлью честолюбія было стремленіе къ власти, то онъ безусловно гораздо лучше удовлетворилъ бы его, если бы способствовалъ побѣдѣ своего, а не непріятельскаго флота. Такимъ образомъ, и тамъ стремленіе унижить соперника въ общественномъ мнѣніи было существеннымъ мотивомъ и всѣмъ смысломъ его честолюбія. Этимъ мы, однако, не хотимъ сказать, что ревность и честолюбіе попросту тождественны, хотя они и совпадаютъ во многомъ другъ съ другомъ. Обладать честолюбіемъ значитъ стремиться достигъ возможно большаго значенія въ глазахъ другихъ.

Это положеніе заслуживаетъ особаго вниманія. Намъ становится понятнымъ тотъ странный фактъ,—который такъ часто упускается нами изъ виду, потому что мы къ нему слишкомъ привыкли,—что тотъ, кто идетъ вмѣстѣ съ нами и подлѣ насъ, нашъ „конкурентъ“, играетъ, такъ сказать, роль нашего противника. Въ сферѣ нашихъ стремленій пути товарищей могутъ идти параллельно, но они могутъ и скрещиваться. Въ первомъ случаѣ, — какъ въ примѣрѣ объ актерѣ, съ пароходами на Миссисипи и школьниками,—помимо такъ называемаго честолюбія вообще нѣтъ мотивовъ къ ревности; во второмъ же случаѣ люди ста-

новятся соперниками въ стремленіи къ обладанію однимъ и тѣмъ же предметомъ, безразлично идетъ ли рѣчь о любви къ одному и тому же человѣку, о вербованіи кліентовъ и покупателей, о лучшей карьерѣ и т. п. Тутъ соревнованіе и стремленіе устранить конкурента вполне естественны: они попросту являются инстинктомъ самосохраненія. И все же въ такой борьбѣ возникаетъ зачастую страстная ревность, несоотвѣтствующая реальнымъ объектамъ спора; если конкуренція дѣйствительно становится враждебной и въ личномъ отношеніи ожесточенной, то можно спорить съ увѣренностью, что причина этого лежитъ въ импульсѣ ревности.

Такимъ образомъ, наиболѣе отрицательной, но въ то же время и своеобразной особенностью ревности служить то, что она сама по себѣ проявляется независимо отъ реальныхъ мотивовъ и что безчисленные противорѣчія, тѣсно связанные съ человѣческимъ сожителемъ и сотрудничествомъ вообще, она дополняетъ новымъ, острымъ и къ тому же ирраціональнымъ моментомъ. Лишь благодаря этому, слѣдовательно, становится ожесточеннымъ и горячимъ всякій ученый споръ; и если мы едва ли можемъ надѣяться, что ужасы войны когда-либо вообще исчезнутъ среди культурныхъ народовъ; это объясняется не столько несовмѣстимостью дѣйствительныхъ

интересовъ сколько тѣмъ, что человѣческую ревность едва ли можно когда-либо искоренить.

Отрицательная сторона всякаго импульса, влеченія заключается преимущественно также и въ томъ, что при отсутствіи опредѣленнаго и яснаго мотива всегда очень трудно предвидѣть его конецъ. Ревность все равно, какъ данаидова бочка, которая никогда не наполняется, потому что у нея нѣтъ дна. Относительно другихъ мотивовъ природа позаботилась лучше; она предохраняетъ организмъ при помощи специфическихъ непріятныхъ чувствъ, сопутствующихъ всякому пресыщенію. Ощущеніе пресыщенія служитъ хорошимъ примѣромъ: удовлетворенной жаждѣ свойственно извѣстное чувство утоленія, послѣ полового акта наступаетъ утомленіе и зачастую легкое угнетеніе, страсть дѣтей къ играмъ превращается очень быстро въ чувство усталости и скуки. Для ревности же существуетъ лишь та преграда, которая имѣется для всякаго проявленія чувства: вмѣшательство нашей разумной воли. Каждый разумный человѣкъ понимаетъ, что это чувство дѣйствительно безцѣльно и несомнѣнно въ социальномъ отношеніи отрицательно; оно считается неблагороднымъ и потому по возможности подавляется въ самомъ зародышѣ.

Можно ли вообще сравнить ее съ какимъ-ли-

бо нашимъ прирожденнымъ обычнымъ влеченіемъ? Быть можетъ, она подобна скупости, метительности и т.п., по самой своей природѣ уже аномальна? Я полагаю, что такое воззрѣніе идетъ вразрѣзъ съ психологической особенностью аффекта, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ. Ревность покоится на свойственномъ всякому человѣку воздѣйствіи чувства, развитіе котораго, правда, можно подавить, все равно, какъ стремленіе къ возмездію и мести, но которое все же не чуждо никому. Попробуйте-ка критически прислушаться къ самимъ себѣ: не закопашатся ли въ васъ какія-либо чувства, когда вы услышите о крупныхъ успѣхахъ вашего бывшаго школьнаго товарища? Или лучше посмотрите на кучку людей, которые взбираются на высокую гору: у кого есть еще силы, тотъ старается перегнать идущихъ впереди, а послѣдніе въ свою очередь стараются не обращать вниманія на усталость и стремятся впередъ, лишь бы придти первыми. И развѣ мы не наблюдаемъ каждый день всеобщее соревнованіе въ борьбѣ за общественное положеніе, которое не останавливается ни передъ какими затратами силъ и средствъ, лишь бы только не быть „хуже другихъ“? Развѣ и государство съ полнымъ сознаніемъ не эксплуатируетъ общечеловѣческое тщеславіе, раздавая своимъ гражд-

данами высшіе знаки отличій въ формѣ орденовъ и титуловъ?

Итакъ, въ чувствѣ самомъ по себѣ нѣтъ ничего аномальнаго, оно вполне естественно и, несомнѣнно, имѣется у каждаго человѣка. Однако, та высшая ступень, на которой мы называемъ ее страстью и потому осуждаемъ, достигается лишь въ исключительныхъ случаяхъ: изъ ея происхожденія нетрудно вывести тѣ условія, которыя приводятъ его къ этому. Такія условія сводятся къ слѣдующимъ тремъ: сила чувства, сопутствующаго данному проявленію нашей дѣятельности, — стереотипный характеръ и частое повтореніе послѣдняго и, въ-третьихъ, слабость или отсутствіе парализующихъ моментовъ. Все это настолько общеизвѣстныя и легко понятныя вещи, что намъ придется коснуться ихъ лишь вкратцѣ.

Сила чувства проявляется лишь тогда, когда ея практическая цѣнность высока. Мы знаемъ уже, что относительно нашего аффекта это не играетъ особой роли. Зависть возбуждается этимъ легко, активная же страсть значительно менѣе. Если же сама дѣятельность проявляется, однако, интенсивно и горячо, если съ нею тѣсно связано общественное вниманіе и ожидаемое одобреніе, и если, наконецъ, она включаетъ въ себя взаимоотношенія людей, то въ числѣ рычаговъ этой дѣятельности, несомненно, имѣетъ мѣсто и ревность. Ясно, такимъ

образомъ, къ чему мы клонимъ. Сюда относятся художники всякаго рода, представители науки, политическіе и военные вожди и то что аналогичное явленіе наблюдается и въ спортѣ, не можетъ насъ удивить, особенно если мы примемъ во вниманіе, что и животное можетъ приблизиться здѣсь къ человѣческимъ чувствамъ. Если бы дѣло обстояло не такъ, то едва ли можно было бы воспитывать скакуновъ, у которыхъ страсть къ состязаніямъ, по-видимому, дѣйствительно заложена въ крови.

До сихъ поръ мы имѣемъ лишь поэтическія описанія развитія ревности. Любовная ревность, съ которой знакомимся ближе лишь въ уголовныхъ процессахъ, соприкасается главнымъ образомъ съ совершенно отличнымъ отъ нея аффектомъ недовѣрія и стремленіемъ къ возмездію. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ основаніе предполагать, что и въ истинномъ соревнованіи, — этимъ словомъ мы исключаемъ изъ ревности ея эротическій элементъ, — начальныя стадіи почти всегда чрезвычайно слабы. Это мы можемъ вывести не только изъ нашихъ собственныхъ наблюденій, но и изъ того общаго факта, что наиболѣе рѣзкія проявленія мы встрѣчаемъ лишь на почвѣ разнообразныхъ и безчисленныхъ повтореній критической ситуаціи, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Лишь въ этомъ случаѣ чувство растетъ, подобно лавинѣ, и этимъ объясняется, что, въ сущности,

только въ области жизненной карьеры и родственныхъ связей образуется соревнованіе; къ любви при ея значительно большей интенсивности это относится въ той же мѣрѣ не можетъ. Впрочемъ, и здѣсь развитіе аффекта не можетъ идти слишкомъ быстрымъ темпомъ,—мы говоримъ, конечно, только о нормальныхъ людяхъ.

Печальнымъ послѣдствіемъ этого обстоятельства является то, что ревность отравляетъ преимущественно самыя интимныя и близкія отношенія, тѣ, гдѣ эгоизмъ и личная вражда обычно смолкаютъ,—сферу семьи, дружбы и товарищества. Одинъ изъ нашихъ древнѣйшихъ культурныхъ документовъ—Библія, настолько полонъ этими фактами, что братоубійство и братскую измѣну въ исторіяхъ о Каинѣ и Авелѣ и объ Іосифѣ и его братьяхъ онъ ставитъ почти во главу своего изложенія; вину при этомъ онъ возлагаетъ всецѣло на соревнованіе и на зависть. Къ понятію ревности, какъ мы уже говорили, эта близкая связь носителя и виновника страсти почти не имѣетъ отношенія. Вѣдь возможно даже, что животное, наприкладъ, собака, начинаетъ ревновать совершенно чужого ей человѣка. Только что упомянутой особенностью—первоначально незначительной интенсивностью чувства и его устремленіемъ на близкихъ людей объясняется то, что обычно ревность можетъ быть столь успѣшно подавлена.

Огромное большинство людей не знаетъ ее, исключая, конечно, незначительныхъ, неизбежныхъ ея проявленій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это не удастся, мы имѣемъ передъ собою наличность страстного темперамента, который вообще съ трудомъ владѣетъ собою. Тутъ передъ нами, такимъ образомъ, неблагородные, завистливые и своекорыстные характеры. Тогда подавленіе этого чувства умышленно не совершается, особенно, когда личная вражда между соперниками и безъ того уже налично, и въ тѣхъ случаяхъ, когда ревность проявляется въ качествѣ массоваго явленія, среди художественныхъ и политическихъ партій и далѣе между націями. Здѣсь вполне естественно, что альтруистическое чувство и соображенія осуждаются почти на полное подавленіе.

Этимъ мы можемъ заключить наше разсмотрѣніе происхожденія и сущности чувства ревности. Но и теперь, однако, мы все еще не можемъ дать точнаго отвѣта на то, что въ психологическомъ отношеніи скрывается за нимъ. Тѣмъ не менѣе, постараемся все же резюмировать вкратцѣ наши выводы.

Ревность есть чувство или аффектъ, который возникаетъ при состязаніи или даже лишь при участіи другого лица въ какой-либо сферѣ дѣятельности, связанной съ проявленіемъ особен-

но сильного чувства; ревность проявляется въ формѣ непріятнаго ощущенія, связаннаго со стремленіемъ къ устраненію противника.

II.

Психологическая основа ревности.

До сихъ поръ мы старались установить тотъ фактъ, что и безъ всякихъ опредѣленныхъ мотивовъ въ насъ непосредственно возникаетъ непріятное чувство, когда мы только видимъ, что другой принимаетъ участіе въ сферѣ той дѣятельности, которая насъ самихъ глубоко интересуетъ, — что одновременно столь безосновательно и безцѣльно, но первоначально и безъ всякой личной вражды по отношенію къ другому мы испытываемъ желаніе вытѣснить его изъ этой сферы дѣятельности или лишить его возможности успѣха. Такого рода психическую реакцію мы называемъ ревностью, и главнѣйшимъ нашимъ выводомъ до сихъ поръ было то, что она овладѣваетъ нами первично, т.е. инстинктивно или импульсивно, аналогично обратному чувству состраданія и вытекающему изъ него желанію помочь. Эта реакція утрачивается, однако, въ значительной мѣрѣ свою рѣзко выраженную форму, когда

мы одновременно обращаемъ вниманіе, на то, что первоначальное чувство въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно мало интенсивно, поскольку по крайней мѣрѣ соперникъ не нарушаетъ наши серьезные реальные интересы. Не только благодаря многократнымъ повтореніямъ, но и вслѣдствіе всевозможныхъ стеченій обстоятельствъ этому чувству присуща, однако, способность повышать мало-помалу свою интенсивность до достиженія имъ степени бурной страсти.

Въ этомъ также нѣтъ ничего удивительнаго, и религіозное чувство, испытываемое истинно-благочестивымъ человѣкомъ, тоже не сразу можетъ побудить его къ рѣзкимъ проявленіямъ силы. Если мы хотимъ выяснить психологическое происхожденіе этой реакціи, то мы должны постараться взять ее въ наиболѣе чистой формѣ. Наболѣе яркую аналогію, если не попросту совершенно идентичное проявленіе ревности, мы находимъ въ царствѣ животныхъ.

Если мы задаемся вопросомъ, что слѣдуетъ понимать подъ тѣмъ подчеркиваніемъ факта, что реакція носитъ первичный и импульсивный характеръ, — то мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что онъ возникаетъ совершенно независимо отъ представлений, какъ это, напри- мѣръ, имѣетъ мѣсто съ чувствомъ голода или жажды. Наоборотъ, представленіе о состояз-

ни въ нашихъ собственныхъ интересахъ съ самаго начала чрезвычайно отчетливо и важно, но оно даетъ намъ непосредственно безъ разсуждений и мотивовъ импульсъ оттъснить другого соискателя. При жадности на насъ оказываетъ дѣйствіе сужденіе о высокой цѣнности денегъ,—при мстительности мы даемъ себѣ отчетъ, что оплачиваемъ за испытанную несправедливость и что хотимъ умышленно сдѣлать другому зло; даже при зависти у насъ съ самаго же начала возникаетъ мысль, насколько хотимъ мы получить то, что есть у другого. Все это, какъ обычно говорятъ, рефлекторныя чувства въ противоположность къ чувствамъ инстинктивнымъ. Послѣднія толкаютъ насъ непосредственно на поступокъ, такъ, напримѣръ, голодъ или половое влеченіе направлены на немедленное удовлетвореніе. Извѣстно, конечно, что хотя реакція обычно не тотчасъ же осуществляется, но лишь потому, что это осуществленіе парализуется въ качествѣ нецѣлесообразнаго рѣшенія нашей воли. Тенденція къ тому заложена въ насъ самихъ, и животное, не знающее такихъ парализующихъ воздѣйствій, не сдерживаемое дрессировкой или контръ-импульсомъ, въ родѣ страха, обнаруживаетъ дѣйствительно тотчасъ же ревность, какъ только ее чувствуетъ.

Дальнѣйшею особенностью инстинктив-

ныхъ чувствъ является то, что они обусловлены лишь въ одномъ смыслѣ, и реакція совершается безъ разбора. Голодный хочетъ только пищи, ревнующій только достиженія успѣха соперника, который возбуждаетъ въ немъ ревность. Для оскорбленнаго мужа не будетъ вовсе удовлетвореніемъ, если онъ лишитъ своего соперника чиновъ и званія. Этимъ удовлетворится, быть можетъ, вторичное враждебное чувство по отношенію къ этому человѣку, но вовсе не ревность. Для зависти же совершенно достаточно, если ея носитель можетъ сказать, что благодаря научнымъ заслугамъ онъ достигъ эквивалента богатству другого,—или если у него злобный характеръ, то зависть можетъ найти удовлетвореніе въ томъ, что объектъ ея испытаетъ какое-нибудь тяжелое горе.

Главной основой этой характеристики ревности было то, что мотивъ честолюбія, который обычно используется для ея психологическаго толкованія, не былъ нами признанъ ея дѣйствительнымъ двигателемъ. Мы говорили выше, что честолюбіе само наполовину ревнивое чувство, наполовину же внутренне родственное стремленіе.

Если, однако, читателю показалось, что мы недостаточно доказали наше утвержденіе, то мы надѣмся, что теперь намъ удастся нагляднѣе убѣдить его въ этомъ.

Мы подходимъ теперь къ нашей централь-

ной проблемѣ: какое вліяніе, какая дѣйствующая на насъ сила заложена въ зрѣлищѣ успѣшнаго состязанія, въ результатѣ котораго у насъ непосредственно пробуждаются импульсы вытѣсненія противника? Мы старались опровергнуть ту мысль, что главную роль тутъ играютъ цѣнности и оцѣнки, присущія объекту состязанія. Несомнѣнно, что и онѣ оказываютъ извѣстное воздѣйствіе,—цѣнность любимаго человѣка побуждаетъ насъ, какъ извѣстно, къ самымъ рискованнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но эти цѣнности не образуютъ главнаго и первоначальнаго мотива; въ состязаніи пароходовъ и у вышеупомянутаго герцога Бокканера не было вообще никакой конкретной реальной цѣнности.

На правильный путь насъ наводитъ то наблюденіе, что ревность въ насъ возбуждаетъ всегда лишь сама дѣятельность, какъ таковая, которая оказываетъ на насъ особое воздѣйствіе потому, что съ ней связано специфическое проявленіе чувства. Въ самомъ дѣлѣ, съ нашими активными дѣйствіями связаны одновременно два совершенно различныхъ чувства: одно, соотвѣтствующее цѣли и внутренней цѣнности дѣятельности, и другое, которое вызываетъ въ насъ сама по себѣ послѣдняя. Прогулка преслѣдуетъ цѣль наслажденія природой, отдыха и, быть можетъ,

эстетическаго удовольствія и т. п.; въ то же время, однако, движеніе само по себѣ вызываетъ въ насъ пріятное чувство, и мы стараемся продлить его только по той причинѣ, что намъ попросту „пріятно гулять“. Велосипедъ сталъ необходимымъ средствомъ сообщенія,—плаваніе въ рѣкѣ способствуетъ укрѣпленію нашего здоровья; но то и другое оказываютъ такое вліяніе на человѣка, который достигаетъ въ нихъ своего рода совершенства, что очень часто онъ ѣздитъ на велосипедѣ или плаваетъ лишь ради удовольствія и что то и другое, особенно же ѣзда на велосипедѣ, становятся однимъ изъ видовъ спортивнаго состязанія. То же самое можно сказать и о восхожденіяхъ на горы, при которыхъ играло первоначальную роль отчасти укрѣпленіе здоровья, отчасти же наслажденіе природою; однако, теперь и это благородное движеніе, ставъ однимъ изъ видовъ спорта, чрезмѣрно преувеличивается: главною цѣлью служитъ уже восхожденіе на возможно большее число горныхъ вершинъ.

Въ двухъ чрезвычайно интересныхъ произведеніяхъ, посвященныхъ изслѣдованію психологіи „игры“, Гроосъ¹⁾ постарался развить всѣ тѣ чрезвычайно сложныя точки зрѣнія,

¹⁾ K. Groos. „Die Spiele d. Tiere“—Jena, 1896. И его же „Spiele d. Menschen“, 1899.

которыя примѣнимы къ этому виду человѣческой дѣятельности. Однако, не только при физической дѣятельности, но и при всякомъ умственномъ трудѣ, и техническомъ и научномъ, должно преисполнять насъ наслажденіе самимъ трудомъ, и оно то именно и придаетъ истинную прелесть труду. Мы не только стараемся создавать новыя цѣнности, — наши органы и нашъ разумъ воспринимаютъ при исполненіи дѣятельности своего рода возбужденіе. Каждый избираетъ себѣ по возможности тотъ родъ труда, который доставляетъ ему удовольствіе, и остроумный Зомбартъ ¹⁾ съ полнымъ правомъ утверждалъ, что проклятіемъ современнаго труда фабричной промышленности является именно то, что пролетарій и фабричный рабочій совершенно почти лишены интенсивнаго наслажденія трудомъ.

Для него на первомъ мѣстѣ стоитъ заработокъ; въ однообразіи его неизмѣнно-одинаковаго машиннаго труда, въ глухой погонѣ за заработной платой утрачивается наслажденіе трудомъ, человѣкъ утомляется и растрчиваетъ свои силы, — отъ этого страдаетъ вся его психика: юность знаетъ лишь грубое наслажденіе и грубое проявленіе силы, между

¹⁾ Werner Sombart. Die deutsch Volkswirtschaft im 19. Jahrhundert. Berlin, 1903. Ср. также Fr. Naumann „Neudeutsche Wirtschaftspolitik“, 1906.

тѣмъ какъ бывшій ремесленникъ и земледѣлецъ все еще наслаждаются и могутъ наслаждаться „благословленіемъ труда“.

Такимъ образомъ, мы можемъ считать общимъ закономъ то, что помимо чувствъ, психологически представляющихъ собою цѣнность труда, при всякаго рода дѣятельности возникаетъ второе чувство, совершенно иного рода, которое возникаетъ вмѣстѣ съ работой и подъ вліяніемъ ея и образованію котораго могутъ препятствовать лишь спеціальныя воздѣйствія въ родѣ утомленія, однообразія и скуки. Нашъ языкъ помимо искусственнаго выраженія „наслажденіе трудомъ“ создалъ еще особое слово *ревности*; мы увидимъ далѣе, что слово „ревность“ не случайно имѣетъ съ нимъ общій корень. Чувства, возникающія непосредственно при проявленіи дѣятельности, оказываютъ съ своей стороны тоже извѣстное психическое воздѣйствіе, — они побуждаютъ насъ постоянно расширять дѣятельность или же „ревностно“ слѣдовать побужденію къ дѣятельности.

Специфическая цѣнность, приобретаемая, такимъ образомъ, самою дѣятельностью для нашей нервной жизни, проявляется съ одной стороны въ томъ, что сама она становится намъ пріятной, что мы хотимъ постоянно начать ее, — иными словами, она возбуждаетъ въ насъ именно пріятныя чувства. Съ другой

стороны, однако, благодаря этимъ чувствамъ повседневная работа становится частью нашего „я“, и мы испытываемъ желаніе, чтобы она была признана окружающими. Если, однако, окружающіе съ тѣмъ жервеніемъ отдаются той же дѣятельности, то въ насъ возникаетъ наиболѣе сильная форма рвенія—честолюбіе. Именно оно-то менѣе связано съ практическою цѣнностью и цѣлью труда, чѣмъ съ самимъ трудомъ.

Спеціальные факторы честолюбія подмѣтить не трудно: *примѣръ* вызываетъ, какъ извѣстно, наше рвеніе, совмѣстная работа приводитъ къ этому еще легче, чѣмъ одно лишь желаніе превратить дѣятельность въ самоцѣль, т.-е. заниматься ею, *какъ спортомъ*. Съ другой стороны, оцѣнка окружающихъ зависитъ отъ успѣха, передъ которымъ они, какъ извѣстно, преклоняются. Уваженіемъ и славой пользуется тотъ, кто чѣмъ-нибудь отличается. Тѣмъ самымъ рвеніе поддерживается еще искусственно,—оно заставляетъ насъ стремиться къ тому, чтобы опередить другихъ и тѣмъ самымъ отличиться. Эта-то искусственная поддержка и преувеличенное рвеніе и есть то, что мы называемъ честолюбіемъ, поскольку мы учитываемъ его субъективную сторону.

Всѣмъ этимъ мы стараемся уяснить себѣ природу чувства, которое образуетъ суще-

ственный элементъ ревности и особенностью, котораго объясняется отрицательная сторона послѣдней. Мы все время говорили о рвеніи, которое проявляется, когда власть находится въ нашихъ рукахъ. Какъ обстоитъ, однако, дѣло съ аналогичнымъ чувствомъ, когда лавры успѣха на полѣ нашей дѣятельности и на нашихъ глазахъ пожинаетъ другой? Оно наиболѣе сильно тогда, когда намъ приходится играть роль праздныхъ зрителей, а не тогда, когда мы сами участвуемъ въ борьбѣ. Представимъ себѣ какого-нибудь страстного танцора, который по какимъ-либо причинамъ долженъ смотрѣть на кружащіяся въ вальсѣ пары, самъ не имѣя возможности принять участія въ танцахъ. И далѣе вспомнимъ, что у кокетливыхъ женщинъ нѣтъ болѣе вѣрнаго и надежнаго средства возбудить ревность въ возлюбленномъ, какъ намѣренно не обращать на него вниманія и въ то же время относиться какъ можно любезнѣе къ его конкуренту.

Здѣсь необходимо сдѣлать одно важное замѣчаніе относительно *любви* вообще. Природѣ было угодно—на это она имѣла, правда, свои основанія—произвести здѣсь полный переворотъ въ силѣ и значеніи обоихъ вышеупомянутыхъ чувствъ. Вообще и при нормальныхъ условіяхъ чувство, обусловленное оцѣнкой и сознаніемъ цѣли, несомнѣнно, болѣе

сильно; въ наукѣ и въ трудѣ нашъ интересъ и—что совершенно то же—наше чувство всецѣло поглощается дѣломъ, поставленной передъ нами задачей, и мы лишь между прочимъ наслаждаемся самимъ процессомъ труда, который исполняемъ охотно. Въ половой любви цѣль продолженія человѣческаго рода отодвигается, напротивъ того, на задній планъ въ сознаниіи человѣка передъ чисто сексуальнымъ влеченіемъ, которое въ сущности является ни чѣмъ инымъ, какъ своеобразной модификаціей и усиленіемъ всякаго чувства, возникающаго при проявленіи дѣятельности. Только у женщинъ, которыя въ большинствѣ случаевъ значительно менѣе чувственны, нежели мужчины, желаніе имѣть дѣтей иногда превозмогаетъ половое влеченіе. У нихъ соотвѣтственно тому и ревность обнаруживается безусловно рѣже, нежели у мужчинъ.

Мы возвращаемся къ нашей проблемѣ. Когда при вышеупомянутыхъ обстоятельствахъ мы бываемъ свидѣтелями и успѣховъ другого, то первое чувство, возникающее въ насъ, несомнѣнно носитъ характеръ зависти. Но потомъ или тотчасъ же возникаетъ въ насъ желаніе самимъ проявить свою дѣятельность, все равно, какъ у вышеупомянутаго страстнаго танцора. Чувство это отнюдь не связано съ чувственно-мускульнымъ актомъ; живое представленіе объ опасности, о несчастіи, о слав-

номъ подвигѣ производитъ на наше чувство такое же вліяніе, какъ если бы мы присутствовали при самомъ событіи. Это общеизвѣстно, и благодаря этому въ насъ пробуждается воспоминаніе, которое обычно лишено интенсивности чувственного воспріятія. Воспоминаніе о слышанной оперѣ можетъ быть чрезвычайно блѣднымъ и тусклымъ, но испытанное наслажденіе мы можемъ чувствовать долгое время спустя. Аналогично обстоитъ дѣло съ чувствами, возникающими при проявленіи дѣятельности; они пробуждаются въ отчетливой формѣ даже тогда, когда намъ приходится оставаться праздными зрителями.

Сюда присоединяются еще два момента, о которыхъ мы уже не разъ упоминали. Во-первыхъ, обнаруживается внутренняя цѣнность стремленія, то, что оно означаетъ для нашего чувства. Только въ такихъ случаяхъ возникаетъ въ насъ вообще желаніе принять самимъ участіе въ дѣятельности,—напримѣръ, когда актеръ видитъ коллегу на сценѣ, ученый—другого ученаго во время изслѣдованія, интересующаго его самого, генералъ—другого полководца, которому поручено высшее руководство сраженіемъ.

Во-вторыхъ, какъ мы уже говорили, стремленіе лишь тогда въ качествѣ ревностнаго импульса старается проникнуть въ сознаніе, когда оно, напримѣръ, въ кругу какихъ-ли-

во опредѣленныхъ функцій обнаруживается въ слабой формѣ безчисленное количество разъ и затѣмъ, медленно укрѣпляясь, достигаетъ опредѣленной силы. Въ этомъ случаѣ оно проявляется въ специфической формѣ, которая играетъ рѣшающую роль при чувствѣ ревности: вся духовная жизнь вращается вокругъ этого, тысячи ассоціацій изъ прошлаго готовы дать намъ нужный толчокъ, пробуждаются всѣ воспоминанія о прежнихъ столкновеніяхъ, успѣхахъ и неудачахъ,—короче говоря и выражаясь технически, въ нашемъ сознаніи является налицо интенсивная психическая готовность къ этой дѣятельности.

И вотъ у вальсера помимо его воли, сами собою двигаются ноги,—у солдатъ, готовыхъ къ сраженію, сами собою разряжаются ружья. Такимъ образомъ, возникаетъ въ концѣ-концовъ инстинктивный, намъ самимъ нежелательный импульсъ оттѣснить преуспѣвающаго соперника и самимъ стать на его мѣсто. Въ дѣйствительности, это происходитъ не сразу; въ качествѣ активного чувства и мотива пробужденная ревность направляетъ по этому пути поступки и рѣшенія человѣка, охваченнаго такого рода страстью.

Мы должны сдѣлать здѣсь одну поправку: въ чувствѣ любви мы этого момента не замѣчаемъ. Здѣсь природа опять-таки была

очень предусмотрительна; благодаря особымъ условіямъ возбужденія полового чувства и благодаря его вліянію на мозгъ и воображеніе, она дала мужчинѣ въ возрастѣ рѣзко выраженной чувственности почти постоянную готовность, такъ что и всѣ условія къ возникновенію ревности несравненно чаще имѣются налицо въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиною, чѣмъ при всѣхъ другихъ формахъ сореboванія. Эта форма и потому еще значительно болѣе распространена, что пламя любви свойственно всѣмъ безъ исключенія людямъ, между тѣмъ какъ интенсивное чувство сореboванія проявляется лишь у незначительнаго процента, главнымъ образомъ, среди интеллигентныхъ слоевъ.

Тѣмъ самымъ мы подошли къ цѣли настоящаго изложенія и можемъ теперь вкратцѣ резюмировать то, что кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ основаніемъ чувства ревности: оно представляется намъ результатомъ подавленнаго чувства, возникающаго при сореboваніи и связаннаго зачастую съ чувствомъ зависти.

Извѣстную роль можетъ играть оскорбленное самолюбіе; но оно несущественно для чувства ревности, какъ послѣднее въ примѣрѣ съ актеромъ, возникаетъ и тогда, когда соперникъ не пользуется большимъ успѣ-

хомъ, чѣмъ человѣкъ, который испытываетъ по отношенію къ нему непріятное чувство.

Этому результату нашего изслѣдованія не доставало бы, однако, убѣдительной силы, если бы мы по крайней мѣрѣ теоретически не могли подкрѣпить его сведеніемъ къ общимъ психологическимъ законамъ эмоціо-нальной жизни. Тѣмъ самымъ мы затрагиваемъ, правда, слишкомъ обширную и, какъ мы уже говорили въ началѣ этой главы, довольно неопредѣленную область. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ все же необходимымъ разсмотрѣть этотъ вопросъ нѣсколько подробнѣе.

Что такое чувство?

Физиологически дать на этотъ вопросъ точнаго отвѣта мы не можемъ; въ сущности, мы ничего не знаемъ по этому поводу, а то, о чемъ мы будемъ сейчасъ говорить, основывается лишь на генетической конструкціи, которая принуждена исходить изъ простѣйшихъ существъ. Мы не знаемъ также о физиологіи представленій; но знаемъ зато достаточно объ ихъ локализаци; по крайней мѣрѣ, объ отдѣльныхъ элементахъ мы можемъ себѣ составить на этотъ счетъ вполне удовлетворительное понятіе. Мы можемъ говорить такъ же гипотетически и о локализаци чувствъ; Вундтъ въ соотвѣтствіи со своей психологической теоріей отнесъ ихъ къ своему „органу апперцепціи“, къ головному мозгу,

а Оппенгеймеръ ¹⁾ пытался опредѣ-
лить ихъ мѣстопробываніе болѣе детально,
помѣщая ихъ въ промежуточный мозгъ и въ
вазомоторные центры. Нѣсколько лѣтъ тому
назадъ, большую сенсацию произвело остро-
умное, но довольно своеобразное ученіе аме-
риканца Джемса и датчанина Ланга, со-
гласно которому сущность чувствъ заложена
вовсе не въ насъ самихъ, а въ вазомоторныхъ
имитическихъ раздраженіяхъ, въ которыхъ мы
привыкли видѣть лишь сопутствующее явленіе
аффектовъ. „Мы плачемъ не потому, что намъ
грустно, а намъ грустно потому, что мы пла-
чемъ“. На это можно отвѣтить лишь, что то,
что играетъ для насъ преобладающую роль,
во всякомъ чувствѣ является не жестомъ или
наморщиваніемъ лба, не краской на лицѣ при
гнѣвѣ, а именно испытаннымъ душевнымъ со-
стояніемъ, отъ котораго лишь исходятъ даль-
нѣйшіе психологическіе эффе́кты чувства.
Такимъ образомъ, эта теорія ничего не даетъ
психологіи чувства, не говоря уже о томъ,
что правильность ея отнюдь не доказана. Ско-
рѣе всего она попросту красивый пародоксъ ²⁾.

¹⁾ Oppenheimer „Bewusstseinsgefühl“, 1903.

²⁾ Теорія эта нашла, однако, недавно новаго за-
щитника въ лицѣ Буха. Ср. его „Zur Physiologie d
Gefühle und ihrer Beziehungen zur Ausdrucksreflexen“.
1909.

Что касается вопроса о положеніи и значеніи чувства въ ряду другихъ психологическихъ процессовъ, то воззрѣніе на этотъ счетъ претерпѣло съ теченіемъ времени коренныя измѣненія; это является лишнимъ доказательствомъ, что самонаблюденіе не можетъ дать намъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ на этотъ счетъ. Не только древніе психологи, какъ Аристотель, стоики и въ послѣдствіи схоластики, но даже Лейбницъ и Вольфъ признавали лишь двойственность, дихотомію душевныхъ способностей; они знали лишь ощущенія и желанія или познаніе и волю. Чувство разсматривалось при этомъ то какъ конечное воздѣйствіе на волю, то какъ неясное сознаніе совершенства или несовершенства. (У Вольфа „*cognitio intuitiva perfectioris*“). Кантъ былъ первый, который въ своей „Критикѣ практическаго разума“ произвелъ раздѣленіе основныхъ особенностей души на три вида: познаніе, чувство и волю; это раздѣленіе приобрѣло съ тѣхъ поръ преобладающее значеніе. Но уже Гегель пытался снова увидѣть въ чувствѣ „неясное броженіе духа въ самомъ себѣ“—предварительную стадию и познанія и воли. А. Герbartъ, какъ извѣстно, въ своей часто цитируемой теоріи пытался охарактеризовать чувство осознаніемъ „напряженія“ подѣ влияніемъ представлений, которыя стремятся отчасти пробиться

наружу, отчасти же парализовать проявленіе другихъ представленій.

Самою замѣчательною особенностью чувства есть и всегда будетъ то, что въ немъ обнаруживается, повидимому, реакція субъекта на отдѣльныя переживанія сознанія, при чемъ послѣднія то утверждаются, то отрицаются. Поэтому для прежнихъ психологовъ, которые вмѣстѣ съ Декартомъ метафизически видѣли въ душѣ субстанцію, духовное существо, было не трудно предписывать душѣ при воспріятіи чувства способность инстинктивно воспринимать пользу и вредъ въ окружающемъ мірѣ и соотвѣтственно съ этимъ реагировать. Въ общемъ, дѣйствительно вѣрно то, что пріятное является въ то же время и полезнымъ, непріятное же, какъ напримѣръ, боль—вреднымъ для организма. Современные эмпирическіе психологи не могли, конечно, принять этого метафизическаго пониманія чувства. Въ оцѣнкѣ значенія чувства внутри душевнаго механизма произошелъ за послѣднее время коренной переворотъ. Чувству все больше и больше стали приписывать рѣшающее значеніе при процессахъ воли: не только въ томъ смыслѣ, что всѣ духовныя оцѣнки совершаются при помощи чувства, но и въ томъ, что въ чувствѣ содержатся непосредственно всѣ стремленія. Большинство современныхъ философовъ—я назову хотя бы

лишь Мюнстерберга ¹⁾, Липпса ²⁾, Иодля ³⁾ и Эббингауза — вообще не знают никакой самостоятельной силы воли. Чувство, стремление и для них воплощает волю; послѣдняя непосредственно, безъ всякаго участія новой духовной способности силы воли переходитъ въ поступокъ, т.-е. активное представлѣніе объ иннервационныхъ импульсахъ, при томъ условіи, конечно, если нѣтъ никакихъ парализующихъ контръ-представленій. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло ограничивается стремленіемъ, чувствомъ,—поступокъ же, дѣйствіе отсутствуетъ.

Извѣстно, что чрезвычайно вліятельная „апперцепціонная психологія“ Вундта и его многочисленныхъ сторонниковъ и учениковъ не раздѣляетъ этой точки зрѣнія. Вундтъ, обладающій въ настоящее время по всей вѣроятности наиболѣе обширными знаніями во всѣхъ областяхъ и вопросахъ психологіи, сохраняетъ понятіе силы воли; но въ чувствѣ онъ усматриваетъ опредѣляющее основаніе дѣйствія,—такимъ образомъ, однако, что подъ чувствомъ разумѣетъ форму

¹⁾ Münsterbergg „Die Willenshandlung“ Freiburg. 1888. Külpe „Die Lehre von Willen in den neueren Psychologie“.

²⁾ Lipps, см. выше.

³⁾ Jodl „Lehrbuch d. Psychologie“ Stuttgart. 1896.

и характеръ реакціи апперцепціи на отдѣльные переживанія сознанія. Чувство есть такимъ образомъ, по его мнѣнію, своеобразная часть апперцепціи.

Не трудно понять, какую поддержку оказываетъ нашему пониманію чувства ревности общая теорія чувства, защищаемая большинствомъ другихъ современныхъ философовъ. Ибо если чувство и влеченіе, т.-е. импульсъ и дѣйствіе идентичны, тогда не трудно понять, какъ изъ воспріятія, сопровождающагося интенсивнымъ чувствомъ, тотчасъ же возникаетъ опредѣленное чувство стремленія, а изъ послѣдняго, въ свою очередь, стремленіе къ оттѣсненію, устремленіе къ виновнику воспріятія, т.-е. сопернику. Такъ какъ, однако, теорію эту нельзя подкрѣпить данными самонаблюденія и такъ какъ она не пользуется сочувствіемъ и въ наукѣ, встрѣчая возраженіе столь вліятельной психологической школы, то мы должны постараться теоретически подтвердить ея внутреннюю справедливость. Постараемся же подойти къ этому вопросу, разобравшись въ характерѣ развитія чувства. Извѣстно, что такая теорія уже существуетъ; относительно того, о чемъ мы будемъ сейчасъ говорить, необходимо заранѣе замѣтить, что основныя мысли ютнюдъ не представляются новыми, а наоборотъ, были высказываемы неоднократно другими изслѣдователями. Толь-

ко въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертахъ наше пониманіе носитъ оригинальный характеръ; теорія, съ которой я связываю свое изложеніе, принадлежитъ Дарвину и въ отношеніи вопроса о чувствѣ была детально разработана Спенсеромъ. Основную мысль мы сохраняемъ въ томъ видѣ, въ какомъ развилъ ее Дарвинъ въ своей гениальной, до настоящаго еще времени жизнеспособной теоріи. Согласно ей, коротко говоря, чувства стали съ теченіемъ времени объективно цѣлесообразными, потому что высшіе организмы лишь такимъ путемъ могли побѣдить въ борьбѣ за существованіе. Благодаря переживанію наиболѣе способныхъ къ жизни и унаслѣдованію цѣлесообразныхъ чувственныхъ реакцій, они стали мало-помалу инстинктами въ томъ видѣ, въ какомъ они имѣются въ настоящее время у человѣка и у высшихъ животныхъ. Эта теорія, быть можетъ, и правильна; но съ такимъ пониманіемъ она не можетъ укрѣпить наше воззрѣніе на характеръ активности чувствъ.

Напротивъ того, удачныя и искусно поставленныя экспериментальныя изслѣдованія нѣкоторыхъ новыхъ физиологовъ дали намъ чрезвычайно цѣнныя данныя и позволили заглянуть въ первыи механизмъ чистыхъ инстинктовъ и низшихъ существъ вообще. Я разумѣю подъ этимъ, главнымъ образомъ, трехъ

современныхъ философовъ. Леба¹⁾, Ферворна²⁾ и Бете³⁾. Первые начатки нервныхъ функцій обнаруживаются въ той особенности протоплазмы одноклѣточныхъ существъ, амевъ и радиоларій, что она реагируетъ на извѣстное раздраженіе, будучи притягиваема одними и отталкиваема другими; аналогичное явленіе мы имѣемъ въ физическомъ ученіи о магнетизмѣ. Такъ, Ферворнъ показалъ, что при прохожденіи слабого гальваническаго тока черезъ каплю воды, содержащую собраніе одноклѣточныхъ существъ (инфузорій, протозоевъ, грегориновъ и т. п.), одинъ видъ тотчасъ же устремляется къ положительному, другой къ отрицательному полюсу. Совершенно такъ же и свѣтъ, какъ удалось доказать Лебу, притягиваетъ въ прямолинейномъ направленіи цѣлый рядъ низшихъ животныхъ, другихъ же отталкиваетъ въ томъ же прямолинейномъ направленіи. Ничтожное количество хитомическихъ веществъ, диффундирующихъ въ воду отъ зрѣлыхъ въ половомъ отношеніи клѣточекъ водоросли, привлекаютъ, по мнѣнію Пфелфера, совершенно такой же по роду

¹⁾ I. Loeb. „Einleitung in die Gehirnphysiologie“. 1899. Особенно стр. 119 и сл.

²⁾ Verworn. „Allgemeine Physiologie“ 1895.

³⁾ A. Bethe. „Allgemeine Anatomie und Physiologie des Nervensystems“, 1903.

сперматозой,—все равно, какъ специфическое раздраженіе обонянія на разстояніи болѣе одного километра привлекаетъ къ самкѣ-златогузкѣ самца.

Это прямолинейное притяженіе или отталкиваніе, являющееся послѣдствіемъ раздраженія, именуется, какъ извѣстно, тропизмомъ, геліотропизмомъ, хемотропизмомъ и геотропизмомъ. Химическое притяженіе кислорода обнаруживается, на примѣръ, въ томъ, что, когда въ каплѣ воды воздухъ начинаетъ испаряться, инфузоріи цѣлыми множествами устремляются въ отдѣльные пузырьки, которые содержатся въ каплѣ. Амебы и радіоларіи подѣ влияніемъ аналогичнаго раздраженія простираютъ нити своей протоплазмы къ микроскопической органической частицѣ пищѣ, отъ сильнаго же тепловаго раздраженія или же отъ чрезчуръ активнаго химическаго вещества существо быстро отталкивается и застываетъ въ концѣ концовъ въ форму шара.

Эти простѣйшія реакціи обнаруживаютъ уже тѣмъ самымъ извѣстное стремленіе, извѣстное рѣшеніе организма, смотря, по силѣ и роду раздраженія, и реакціи эти вообще говоря должны быть признаны цѣлесообразными. Вѣдь нервный процессъ и состоитъ именно въ томъ, что онъ даетъ возможность организму въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ

искать наиболѣе выгодной ситуаціи и избѣгать наиболѣе вредной. Шагъ впередъ, сдѣланный упомянутыми изслѣдователями, состоялъ, по существу своему, въ слѣдующемъ: въ то время, какъ прежде элементъ цѣлесообразности и у низшихъ существъ (инфузорій, муравьевъ, пчелъ и т. д.) старались антропоморфически сводить на дѣйствительныя рефлексіи, мотивы и цѣлевые представленія,—эти изслѣдователи путемъ точныхъ и сложныхъ экспериментовъ показали, въ какой рѣзко выраженной формѣ проявляются тамъ комбинаціи цѣлесообразныхъ реакцій, объясняющія намъ, на примѣръ, разнаго рода инстинкты. Упомянемъ лишь самый простой и наглядный примѣръ. Лебѣ говоритъ: гусеницы въ начальной стадіи своего развитія довольствуются молодыми почками и побѣгами; это достигается тѣмъ, что какъ только гусеницы выходятъ изъ яичекъ, въ нихъ тотчасъ же обнаруживается положительный геліотропизмъ. Они ползутъ по растенію, на которомъ лежали яички, непрерывно по направленію къ солнечному свѣту и тѣмъ самымъ достигаютъ концовъ вѣтвей, гдѣ находятся молодые побѣги.

Многія жужелицы устремляются въ бѣгство, какъ только испытываютъ чье-либо прикосновеніе, а таковое онѣ получаютъ отъ враждебныхъ существъ, на примѣръ, птицъ;

онѣ бѣгутъ до тѣхъ поръ, пока не находятъ мѣста, гдѣ могутъ спрятаться и спастись. Это стремленіе отнюдь, конечно, не сознается ими, но инстинктъ бѣгства самъ собою перестаетъ дѣйствовать, какъ только насѣкомое испытываетъ на своей спинѣ раздраженіе контакта. Последнее вызывается обычно какимъ-нибудь камнемъ или норой, въ которую они попадаютъ; камень этотъ давитъ имъ на спину и въ то же время даетъ имъ вѣрное убѣжище.

Мы полагаемъ, что въ принципѣ то же положеніе вещей лежитъ въ основѣ нервной реакціи и высшихъ существъ. Здѣсь, однако, дѣло осложняется тѣмъ, что въ процессъ раздраженія и реакціи вторгается пробужденіе воспоминаній, которыя тоже требуютъ активнаго проявленія. Процессъ тѣмъ самымъ раздваивается, между раздраженіемъ и инстинктивной реакціей вторгается воспоминаніе; не рѣдко бываетъ, что раздраженіе вызываетъ лишь цѣпь воспоминаній и представлений, т. е. въ результатъ его появляется лишь рефлексія въ качествѣ единственной реакціи.

Возьмемъ простой примѣръ: я увлекаюсь ботаникой и нахожу очень рѣдкое растеніе. Во мнѣ возникаетъ цѣлый комплексъ представлений относительно ботаническаго опредѣленія растеній, прежнихъ находокъ такого же рода и т. п.,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и

чувство особой радости по поводу найденнаго. Я испытываю тотчасъ же страсть коллекціонера, мнѣ хочется вырыть растеніе и взять его съ собою, но въ это же время всплываютъ и другія представленія, парализующія страсть коллекціонера; рѣдкое растеніе—памятникъ природы, я хочу его сохранить,—быть можетъ, и вообще запрещено разрушать такіе объекты. Въ концѣ концовъ я отказываюсь отъ растенія или же уношу съ собою, быть можетъ, всего одну вѣтку.

Согласно этой схемѣ и протекаютъ реакціи у человѣка: нервная система является не только органомъ реакціи, но и органомъ сохраненія жизненнаго опыта и кромѣ того органомъ цѣлесообразнаго использованія послѣдняго. Какимъ образомъ это достигается, мы увидимъ на нашемъ примѣрѣ: первоначальный процессъ отъ воспріятія (ощущенія) къ дѣйствию или, выражаясь объективно, отъ раздраженія къ реакціи остается попрежнему основнымъ. Сперва, однако, къ первому воспріятію присоединяются дѣлающія его болѣе выразительнымъ родственныя воспоминанія; потомъ, однако, раздраженіе не переходитъ непосредственно въ реакцію, а между ними вторгается нѣчто новое. Появляется чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе, которое побуждаетъ либо къ принятію, либо къ отталкиванію. Осуществленіе стремленія

можетъ, однако, потерпѣть неудачу благодаря парализующимъ представленіямъ, которыя всплываютъ въ это же время. Такого, повидимому, значеніе привходящаго новаго фактора.

Онъ обусловливаетъ, однако, двоякую возможность: во-первыхъ, возможность того, что между стремленіемъ и его осуществленіемъ вторгается рефлексія и выборъ. Кромѣ того, раздѣльное отраженіе стремленія въ сознаніи, (въ качествѣ чувства) приноситъ ту огромную пользу, что оно въ видѣ своего рода сигнатурки навѣшивается на каждое переживаніе. Какъ только всплываетъ представленіе, такъ тотчасъ же вмѣстѣ съ нимъ появляется и указаніе, какъ мы будемъ на него реагировать, если оно станетъ дѣйствительностью. Всѣ объекты и наблюденія рассматриваются нами тѣмъ самымъ со стороны ихъ цѣнности; говоря о продающейся статуѣ, мы тотчасъ же чувствуемъ, нравится она намъ или не нравится,—въ разговорѣ о какомъ-нибудь кушаніи мы тотчасъ же чувствуемъ, вкусно ли оно намъ или невкусно. Отъ грозящей опасности предохраняетъ насъ, такимъ образомъ, не только разсудокъ, но и чувство страха, которое пробуждается въ насъ, какъ только мы объ этомъ думаемъ.

Если мы зададимся вопросомъ, какому элементу въ сферѣ первоначальнаго типа

нервной реакціи соответствуетъ чувство вмѣстѣ со стремленіемъ, то мы должны будемъ сказать, что на низшей ступени этотъ фактъ осуществляется значительно проще, такъ какъ здѣсь совершенно отсутствуетъ реакція выбора. Объективно, впрочемъ, тамъ имѣется налицо тотъ же результатъ: реакція на раздраженіе носитъ каждый разъ специфическій характеръ, раздраженіе, выражаясь фигурально, точно такъ же „утверждается или отрицается“,—оно вызываетъ либо притяженіе, либо отталкиваніе. То, что стремленіе играетъ, однако, роль особаго темпа этой реакціи, и что ему соответствуетъ новый элементъ сознанія, чувство,—это, какъ мы уже говорили, относится къ высокоорганизованной нервной системѣ.

Не лишено интереса то, что гипотетически можно составить себѣ представленіе о томъ, какъ совершается все это въ физиологическомъ отношеніи. Пріятное раздраженіе адекватно (ганглиевымъ) клѣточкамъ мозга; оно вызываетъ въ нихъ поэтому химическій процессъ. Вызывать—значитъ, однако, лишь усиливать имѣющуюся функцію, и послѣдняя, соотвѣтственно природѣ мозговыхъ явленій, будетъ обнаруживать тенденцію къ дальнѣйшему растространенію; путь, по которому она устремится въ первую голову,—это соотвѣтствующее реакціи движеніе, дѣйствіе. Въ

нашемъ примѣрѣ пріятное раздраженіе при видѣ рѣдкаго растенія вызываетъ тотчасъ же импульсъ—желаніе взять его. Мы все знаемъ по опыту, что пріятныя возбужденія пробуждаютъ активность и подвижность. Импульсъ къ присвоенію пріятныхъ объектовъ имѣетъ, далѣе, свою основу въ природѣ мозговой организаціи. Ибо первоначально вѣдь именно мозгъ является органомъ реакціи,—это мы можемъ лучше всего видѣть на примѣрѣ ребенка, который хватается за все, что ему нравится.

Фактъ возбужденія функціи въ пораженныхъ раздраженіемъ гангліевыхъ клѣткахъ проявился бы въ сознаніи въ качествѣ пріятнаго чувства; устремленіе къ моторнымъ центрамъ представилось бы намъ въ видѣ импульса. Во всемъ процессѣ, однако, мы бы увидѣли психофизическій параллелизмъ; въ физиологическомъ процессѣ кольцо замыкается, и намъ нѣтъ необходимости предполагать наличности взаимодѣйствія между сознательнымъ чувствомъ и моторнымъ его разряженіемъ. Объектъ берется не потому, что онъ пріятенъ, а потому что нервный процессъ самъ по себѣ имѣетъ физиологическую тенденцію устремляться въ моторныя клѣтки. Та же самая цѣль явленій перживается еще разъ въ сознаніи, и лишь

тогда намъ кажется, будто мы беремъ предметъ именно вслѣдствіе пріятнаго ощущенія.

Далеко не такъ же легко конструировать физиологію непріятнаго. Тутъ приходится признать, что непріятное раздраженіе inadekvatно нервнымъ клѣткамъ и что благодаря имъ клѣтки легко утомляются. Утомленіе группы гангліевыхъ клѣточекъ можетъ соотвѣтствовать непріятному чувству въ сознаніи; на примѣръ, когда намъ рѣжетъ глаза яркій свѣтъ. Такой утомляющій процессъ, конечно, не распространяется. Онъ быстро прекращается и этимъ объясняется то, что къ непріятному мы стремленія не испытываемъ. Больше того: мы избегаемъ непріятнаго. Какъ это происходитъ, физиологически объяснить очень трудно. Приходится сослаться на то, что, какъ учить наблюденіе, inadekvatныя утомляющія раздраженія поддаются очень простому прекращенію, если противъ нихъ протестуетъ весь индивидуумъ. Это наблюденіе по всей вѣроятности все больше и больше усвоялось и въ концѣ концовъ стало непосредственнымъ инстинктомъ. Здѣсь приходится такимъ образомъ, опираться уже на теорію Спенсера-Дарвина.

Генетическая теорія чувства приводитъ насъ такимъ образомъ къ тому заключенію, что стремленіе является интегрирующей частью этой психической функціи, особенно

при пріятныхъ чувствахъ, гдѣ оно и безъ того уже болѣе рѣзко выражается. Стремленіе, можно сказать, есть объективная, чувство—субъективная сторона.

Намъ приходится вернуться къ вышеупомянутому ученію Вундта и спросить себя прежде всего, къ какой части процесса реакціи слѣдуетъ отнести чувство,—къ ощущенію и представленію или же къ волевому дѣйствію, апперцепціи. Чувство заключено между обоими ними; самостоятельно оно никогда вообще не проявляется. Въ то время, какъ большинство психологовъ объединяетъ ощущеніе и чувство, Вундтъ разсматриваетъ послѣднее въ качествѣ составной части апперцепціи. Онъ говоритъ, что чувство никогда въ противоположность ощущенію не переносится во внѣшній міръ, не объективируется и что оно является поэтому лишь частью нашего „я“.

Однако, этому положенію противорѣчатъ чрезвычайно существенные факты нашего внутренняго опыта. Прежде всего, согласно нашей теоріи, цѣлью всего развитія именно и было то, что стремленіе отдѣлилось отъ волевого дѣйствія. Лишь благодаря этому становится возможнымъ, что соображеніе и дѣятельность разсудка можетъ проявиться до окончанія реакціи, ибо, присмотрѣвшись ближе, мы находимъ, что чувство всегда объеди-

нено съ ощущеніемъ, и на практикѣ мы не допускаемъ и мысли, что чувство сознается нами. Сахаръ вкусенъ, деньги сами по себѣ цѣнны, и лишь когда мы расходуетъ ихъ, до нашего сознанія доходитъ ихъ отношеніе къ намъ; если даже мы думаемъ о любимомъ человѣкѣ, то чувство связано съ нимъ, а не съ нами. А все же довольно странно, когда мы вспоминаемъ объ испытанномъ горѣ, или когда ребенокъ вспоминаетъ о полученномъ наказаніи,—представленіе и чувство тѣсно связываются другъ съ другомъ,—мы рѣдко воскрешаемъ передъ собою реакцію на это. Есть, далѣе, еще одинъ фактъ, который, насколько мнѣ кажется, считалъ чрезвычайно важнымъ и Вундтъ. Вундтъ опредѣляетъ различіе между перцепціей и апперцепціей слѣдующимъ образомъ: погруженный въ раздумье, я встрѣчаю своего друга и не узнаю его; тотчасъ же однако я вспоминаю объ этомъ, вызываю въ памяти встрѣчу и теперь *post factum* узнаю его. Здѣсь первымъ смутнымъ воспріятіемъ была перцепція,—когда же я довелъ ее до сознанія, она превратилась въ апперцепцію. Бываетъ, однако, и слѣдующая аналогичная ситуація: я внимательно читаю книгу и испытываю досадное чувство безпокойства, но не разбираюсь въ немъ. Потомъ однако, когда я прекращаю чтеніе, я замѣчаю, что меня сердилъ шумъ дѣтей, гром-

кая игра на рояли и т. п. Такимъ образомъ, въ нижнемъ сознаніи я испыталъ перцепцію, а въ связи съ нею отчетливое чувство досады, и тѣмъ не менѣе апперцепція, въ которой должно возникнуть чувство, не имѣла мѣста. Въ равной мѣрѣ нерѣдко случается, что утромъ я просыпаюсь съ вполне яснымъ чувствомъ безпокойства и волненія и лишь постепенно начинаю понимать, что виною этого тягостнаго настроенія является какое-либо непріятное дѣло, предстоящее мнѣ въ этотъ день.

Наиболѣе важнымъ является, однако, тотъ фактъ, что наша сознательная воля не оказываетъ никакого содѣйствія на возникновеніе чувства. Конечно мы прибѣгаемъ тутъ къ искусственнымъ мѣрамъ, отклоняемъ наше мышленіе при помощи контръ-представленій. Но избѣгнуть того, что одно намъ непріятно, а другое вызываетъ въ насъ чувство досады, мы не можемъ. Точно такимъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ ревностью, къ которой мы возвращаемся теперь послѣ пространнаго отклоненія. Мы не убоились этого отклоненія, потому что хотѣли показать, насколько тѣсно связано стремленіе съ чувствомъ.

Если рѣчь идетъ о чувствѣ, связанномъ съ проявленіемъ какой-либо дѣятельности, и если мы находимся по отношенію къ нему въ состояніи особенно-сильной психологической

готовности, то неминуемо долженъ пробудиться импульсъ стремленія. И если другой человѣкъ возбудилъ въ насъ это чувство, если онъ своимъ домогательствомъ препятствуетъ намъ осуществить наше стремленіе, то въ насъ вполне естественно возникаетъ желаніе устранить это препятствіе.

Такимъ образомъ, ревность представляется своеобразнымъ и въ социальномъ отношеніи чрезвычайно опаснымъ послѣдствіемъ психологической природы чувствъ, и особенно чувства, связаннаго съ проявленіемъ дѣятельности вообще. Поэтому то изученіе его психологическихъ условій представляетъ большой научный интересъ. Наличность аналогичнаго въ принципѣ генезиса можетъ быть установлена еще лишь для аффекта состраданія. Этому аффекту также чужды личныя оцѣнки. Если мы замѣчаемъ въ другомъ что-либо непріятное и тягостное, то опять-таки инстинктивно въ насъ возникаетъ желаніе или стремленіе устранить этотъ дефектъ; именно потому, что стремленіе связано съ представленіемъ, а не только съ реальнымъ собственнымъ ощущеніемъ. Что здѣсь играетъ роль и чувство альтруизма, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но при ревности аналогично этому играетъ немаловажную роль зависть.

Между объединеніемъ ощущенія или представленія съ чувствомъ не имѣется никакого сознательнаго процесса, поэтому-то чувство суверенно, оно независимо отъ мотивовъ и отъ нашего характера, оно образуетъ его, а не само образуется и не обуславливается имъ. Кто обладаетъ рѣзко-выраженнымъ половымъ влеченіемъ, тотъ долженъ остерегаться сомнительныхъ заманчивыхъ ситуаций; влеченіе, чувство возрастаетъ, и субъектъ не можетъ воспротивиться ему иначе, какъ только устранивъ самое ситуацию, избѣгнувъ ее. Когда чувство становится черезчуръ сильнымъ, оно увлекаетъ субъекта и для дѣйствія нѣтъ уже больше преградъ.

Аналогично обстоитъ дѣло и съ ревностью. Тутъ нужно, впрочемъ, еще разъ замѣтить, что ревность вначалѣ обнаруживается обычно въ мягкой и легкой формѣ. Какимъ образомъ, однако, она въ жизненной практикѣ достигаетъ угрожающихъ размѣровъ, въ этомъ мы постараемся разобраться въ слѣдующей главѣ.

III.

Проявленія и послѣдствія ревности.

а) Общій обзоръ.

Въ задачу нашего изложенія не входитъ ни индивидуальныхъ проявленій ревности, — ни перечисленіе и изображеніе особенно рѣзко вычисленіе и изображеніе особенно рѣзко выраженныхъ криминальныхъ случаевъ, которыми со временъ Каина и Авеля изобилуетъ исторія человѣчества и которые почти ежедневно появляются въ газетахъ то въ болѣе мягкихъ, то въ чрезвычайно рѣзкихъ формахъ. Описаніе ихъ едва ли было бы благодарной задачей и могло бы представить развѣ только чисто беллетристическій интересъ; кромѣ того отдѣльный человѣкъ не въ состояніи дать подобную исторію универсально-распространеннаго влеченія или аффекта, — ему прежде всего недостаетъ исчерпывающаго знакомства съ матеріаломъ. Тѣмъ не менѣе, для историка культуры или социолога эта задача не лишена все же извѣстнаго интереса.

Наша задача ограничивается попыткой дать обзоръ общаго характера, который далъ бы возможность составить себѣ наглядное представленіе въ слѣдующихъ трехъ направленіяхъ: во-первыхъ, подвергнуть

анализу характеръ проявленія ревности, во-вторыхъ, вкратцѣ коснуться замѣчательнаго проявленія этого влеченія въ царствѣ животныхъ и въ-третьихъ, дать нѣсколько указаній относительно фактическаго развитія аффекта въ ходѣ культурнаго прогресса человѣчества.

Ревность есть импульсъ оттѣсненія, возникающій благодаря чувству, связанному съ проявленіемъ дѣятельности; при переживаніи какого либо соревнованія другой индивидуумъ представляется намъ соперникомъ, узурпаторомъ или вторженцемъ. Это совершается инстинктивно. У насъ не возникаетъ даже мысли о желаніи самостоятельно и въ одиночествѣ отправлять нашу дѣятельность. Мысль о такого рода монополіи связана лишь съ половой любовью. Въ остальномъ же, хотя въ сферѣ власти нашей воли и не находится чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ влеченіе,—это было предметомъ разсмотрѣнія предыдущей главы,—мы можемъ однако остерегаться превращенія чувства въ дѣйствіе и развитія его въ нашей фантазіи. Никто не сомневается въ томъ, что большинство людей такъ именно и поступаетъ. Повсюду ревность считается опасной и унижительной, и остроумная характеристика ея (приписываемая Сафиру или

Шлейермахеру) не даромъ стала своего рода изрѣченіемъ: „Die Eifersucht ist eine Leidenschaft, die mit Eifer sucht, was Leiden schafft“¹⁾).

Нельзя упускать изъ виду того, что есть два рода ревнивыхъ темпераментовъ: обоимъ обща, однако, особая сила и упорство ощущенія. Одна категорія—чувствительна, воспріимчива, какъ бы обращена внутрь себя самое. Она, правда, тоже терзается и мучится мыслью, что любовь мужа, или же вообще близкихъ окружающихъ выпадаетъ на долю не самого субъекта, а другихъ. Эти лица, однако, не активны, они не борются, не хотятъ мстить, они страдаютъ. Они часто даже въ душѣ не рѣшаются на несправедливое чувство по отношенію къ болѣе счастливому сопернику; они испытываютъ печальную, но благородную форму ревности. На нее обычно обращается мало вниманія, потому что она не находитъ себѣ рѣзкаго выраженія; она свойственна особенно женщинамъ. Совершенно иной характеръ носитъ второго рода темпераментъ, который обычно и принимается во вниманіе: темпераментъ холерическій.

¹⁾ Непереводимая игра слов. Въ переносномъ смыслѣ: „Ревность есть страсть, которая старательно отыскиваетъ все то, что причиняетъ страданіе“.

Сюда относятся страстно любящіе другъ друга супруги, честолюбивые художники и ученые, лица, облеченныя высокимъ общественнымъ довѣріемъ. Даже такой человѣкъ, какъ Бисмаркъ, былъ, повидимому, не совсѣмъ лишенъ этого чувства: въ его отношеніи къ покойному императору онъ, насколько намъ извѣстно, не безъ ревниваго чувства говорилъ о другихъ министрахъ, даже о Роопъ и Мольтке.

Вредныя послѣдствія этого активно-проявляющагося аффекта общеизвѣстны. Во первыхъ, онъ дѣлаетъ людей несправедливыми и мстительными, вызываетъ горячность и стремленіе къ насильственнымъ дѣйствіямъ; онъ выдвигаетъ на передній планъ самую непріятную сторону честолюбія. Интриги между художниками и особенно между актерами, какъ извѣстно, обычное явленіе. Во вторыхъ, аффектъ этотъ служитъ причиной разлада какъ разъ между тѣми, которые близки другъ другу и которые хотятъ быть другъ другу поддержкой. Объ этомъ мы уже говорили достаточно раньше. Вообще значеніе этихъ влеченій обнаруживается не только на традиціонныхъ преданіяхъ, въ родѣ легенды о продажѣ библейскаго Іосифа его братьями, но и въ гораздо большей степени на очевидныхъ фактахъ, напримѣръ, на томъ, что полигамія съ теченіемъ времени оказа-

лась невозможной въ значительной мѣрѣ благодаря невозможности мирнаго сожителства и благодаря ревности женъ по отношенію другъ къ другу. Далѣе, мы знаемъ, что исторія культурныхъ народовъ полна жестокой борьбы между двумя преобладающими общественными авторитетами, свѣтской и духовной властью.

Въ-третьихъ, аффектъ не только искусственно создаетъ личную вражду, но и угрожающе омрачаетъ трезвое пониманіе существа дѣла,—онъ создаетъ мнимо-реальныя противорѣчія, которыхъ въ дѣйствительности вовсе не существуетъ.

Прогрессъ науки несчетное число разъ задерживался благодаря ревнивому чувству ея служителей. Великіе гении, какъ Джордано Бруно и Галилей, относились враждебно не только къ ученію, но и къ личности другъ друга; Гейнелзостно оклеветалъ своего талантливаго, выдающагося современника Бёрне. Поистинѣ трагически отозвался отношеніе ученыхъ къ одному изъ великихъ благодѣтелей человѣчества, которому только послѣ смерти воздвигли памятникъ и котораго при жизни сначала обезчестили, а потомъ старались замолчать; мы говоримъ о Земельвейсѣ, которому удалось открыть происхожденіе инфекции у роженицъ. Гекатомбы совершенно здоровыхъ женщинъ

погибли отъ этого,—а Земельвейсу самому пришлось кончить свои дни въ домѣ умалишенныхъ. Въ настоящее время ревнивое чувство послѣдователей „естественнаго метода лѣченія“ по отношенію къ побѣдамъ медицинской науки виновно въ столь же опасной, сколь и нелѣпой агитаціи противъ прививки оспы. Оспа до безсмертнаго открытія Дженерса унесла въ могилу больше людей, чѣмъ всѣ войны, взятые вмѣстѣ.

Поучителенъ и интересенъ въ то же время характеръ ревности, которая развилась въ наше время между двумя категоріями людей, выражающихъ свое отношеніе къ одному и тому же объекту искусства; я разумѣю здѣсь отношеніе между критиками и писателями. Большую извѣстность приобрѣла антикритика одного изъ авторовъ, шумный успѣхъ котораго былъ встрѣченъ иронически-враждебнымъ низверженіемъ его произведеній со стороны нѣкоторыхъ критиковъ (Керра и другихъ). Я говорю здѣсь о статьѣ Зудермана, въ которой онъ говоритъ, что въ наше время критика огрубѣла. Несомнѣнно, въ критикѣ чрезвычайно трудно найти зачастую какіе либо слѣды расположенія или общности интересовъ. Авторъ критики выдвигаетъ лишь собственную персону, ему хочется блеснуть остроумной сатирой, вызвать сенсацию,—и все это на счетъ автора,

ошибки котораго освѣщаются имъ съ ѣдкимъ сарказмомъ. Лишь спустя годы, когда критика становится „спокойнѣе и миролюбивѣе“, такой Керръ начинаетъ признавать „блестящія ошибки молодого Зудермана“.

Ревнивое чувство проявляется здѣсь, быть можетъ, безсознательно, инстинктивно,—но вѣдь это и безъ того его отличительная особенность; зачастую испытываешь даже впечатлѣніе, будто причиною черезчуръ строгой критики является святое преклоненіе предъ идеаломъ искусства; несомнѣнно все же, однако, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время въ области изобразительныхъ искусствъ критики значительно мягче и касаются гораздо больше существа дѣла. Я полагаю, что здѣсь сказывается вліяніе того, что по отношенію къ художнику у критика не имѣется никакого чувства сопернованія, между тѣмъ, какъ литературный рецензентъ въ душѣ „про себя, навѣрное, думаетъ, что такъ „хорошо“ или „плохо“ онъ и самъ, конечно, могъ бы написать. И дѣйствительно, нерѣдко критикъ съ теченіемъ времени самъ пробуетъ свои силы на поэтическомъ поприщѣ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что упрекъ въ ревности дѣлается очень часто исполнѣ справедливо; такъ, напримѣръ, обви-

ненія, раздававшіяся по адресу великаго критика Лессинга, не имѣли подъ собою никакой почвы. Этотъ страстный борецъ въ своемъ отношеніи къ Вольтеру и къ французамъ постоянно отдавалъ дань чувству ревности. Современный поэтъ Эйленбургъ въ своей сильно напумѣвшей рѣчи о Шиллерѣ утверждалъ, будто онъ едва ли могъ такъ ярко и наглядно изображать неблагородную страсть, если бы она была совершенно чужда его сердцу. Эта точка зрѣнія, отнюдь не подрывающая идеализма великаго писателя, интересна сама по себѣ, потому что въ основѣ ея лежитъ представленіе, будто ревность есть чувство, общее всѣмъ рѣшительно людямъ. Ревность дѣйствительно играетъ немаловажную роль въ раннихъ твореніяхъ Шиллера. Изъ общеизвѣстныхъ фактовъ въ научной области мы напомнимъ еще о томъ, какъ великій Кювье старался въ самомъ зародышѣ подавить новыя идеи Ламарка, грозившія произвести цѣлый переворотъ въ наукѣ,—и какъ онъ даже въ личномъ отношеніи постоянно препятствовалъ успѣхамъ своего выдающагося научнаго противника. Далѣе вспомнимъ о презрительномъ отношеніи къ Шимперу, автору теоріи ледниковаго періода и образованія горъ, со стороны Агасица и его приверженцевъ, и объ оскорбленіи извѣстнаго философа Бе-

нке, всемогущимъ въ то время Гегелемъ; съ другой стороны, извѣстно также и то, какъ Шопенгауеръ мстилъ несоглашавшимся съ нимъ профессорамъ философіи, для которыхъ прозвище „шарлатаны“ было у него самымъ мягкимъ. Кому знакомо тщеславіе Шопенгауера, проявляющееся почти въ каждой строчкѣ его произведеній, для того не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ основѣ этого презрительнаго отношенія лежали далеко не исключительно мотивы существа спора.

Въ исходѣ среднихъ вѣковъ парижскую Сорбонну упрекали въ томъ, что ея сужденія омрачаются враждебнымъ и ревнивымъ отношеніемъ ко всякимъ новшествамъ. И еще недавно сенсаціонная распря на экономическомъ факультетѣ берлинскаго университета была публично отнесена на счетъ взаимнаго ревниваго чувства профессоровъ другъ къ другу. Еще очевиднѣе проявляется этотъ мотивъ въ другой области,—въ презрительномъ отношеніи и въ открытой враждѣ другъ къ другу русскихъ полководцевъ во время русско-японской войны. Невольно испытываешь впечатлѣніе, что невѣроятно строгое осужденіе Стесселя въ военномъ судѣ столь же мало было свободно отъ личной вражды, сколько аналогичный приговоръ Базену и Уриху со стороны французскихъ судей.

У высшихъ германскихъ офицеровъ во время французской войны тоже не было недостатка въ такихъ же треніяхъ, не смотря на безусловную силу дисциплины и не смотря на наличность у всѣхъ одинаковаго воодушевленія. Такія имена, какъ Блюменталь и Штейнмецъ часто упоминались въ противовѣсъ всемогущему въ то время Молтке.

Гдѣ, такимъ образомъ, слѣды этого аффекта идутъ вплоть до публичности, тамъ можно замѣтить, что нерѣдко подъ той или иной маской тлѣетъ пламя сомнительнаго чувства. Доказательство ея наличности въ обыденной жизни установить гораздо труднѣе; лишь многочисленныя тренія, имѣющія мѣсто въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ предпріятіи и учрежденіи, заставляютъ насъ убѣдиться въ вездѣсущіи этой человѣческой слабости.

Въ задачу этихъ общихъ замѣчаній входитъ еще желаніе показать, какимъ образомъ это чувство, которое первоначально представляетъ собою не что иное, какъ смутное проявленіе импульсовъ, связанныхъ съ проявленіемъ дѣятельности со стороны другого или другихъ,—какъ этотъ невинный вначалѣ аффектъ достигаетъ мало-помалу угрожающей и опасной силы.

Возможность такого „наростанія“ принадлежитъ, на мой взглядъ, къ интереснѣйшимъ

фактамъ практической психологіи. При этомъ столь же легко теоретически охарактеризовать относящуюся сюда общую точку зрѣнія, сколь трудно доказать наличность этого наростанія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Относительно мотивовъ аффекта, въ общемъ встрѣчающаго къ себѣ лишь презрѣніе, распространяться не любить никто. Первая причина лежитъ тутъ въ силѣ чувства, связаннаго съ побудительной причиной. Сила любовной страсти можетъ достигнуть чрезвычайныхъ размѣровъ; нерѣдко наблюдаешь, что въ мышленіи человѣка вообще не остается мѣста для мыслей, направленныхъ въ другую сторону,—работа, профессія и даже семья зачастую пренебрегаются. Короче говоря, не подлежитъ сомнѣнію, что мотивъ любви самъ по себѣ и въ ревности является истинно-движущей силою.

Относительно другой большой категоріи мы уже говорили въ первой главѣ, что гораздо большее значеніе, нежели эмоціональная цѣнность дѣятельности, профессіи и т. д., играютъ чисто человѣческія отношенія, которыя связаны съ этимъ. Возникающее тутъ честолюбіе относится къ степени уваженія и почета, который достигается дѣятельностью,—къ орденамъ, титуламъ и т. п. Ясно, такимъ образомъ, что здѣсь идетъ рѣчь не столько объ истинной ревности, сколько объ оскор-

бленномъ чувствѣ собственнаго достоинства и личнаго интереса, т.-е. зависти.

Этотъ первоначальный аффектъ претерпѣваетъ своеобразное измѣненіе и искаженіе и превращается въ безпокойный и страстный благодаря цѣлому сцѣпленію факторовъ, которые, впрочемъ, уже заложены въ самомъ поводѣ къ чувству.

Прежде всего это чувство имѣетъ съ самого начала опасный характеръ подавленнаго влеченія, такъ какъ мы стремимся—и, разумѣется, безуспѣшно—стать самимъ на мѣсто *beatus possidens*. Подавленіе активнаго влеченія дѣйствуетъ всегда возбуждающе; и кто захочетъ себѣ уяснить импульсивное влеченіе въ этой ситуаціи, тому достаточно вспомнить объ усиліяхъ, которыя долженъ прилагать человѣкъ, страдающій отъ жажды, если онъ цѣлыми часами долженъ отказываться отъ стоящей передъ нимъ воды; или о голодной бастующей толпѣ рабочихъ, которая стоитъ передъ булочной. — Зола изобразилъ это душевное состояніе со своею обычною пластическою силою въ романѣ „Жерминаль“. Наконецъ, ему достаточно вспомнить и отвратительные акты мести, которые оставшіеся безъ взаимности въ любви (при отсутствіи какой бы то ни было ревности), столь часто направляли на объектъ страсти. Я никогда не забуду того злодѣянія,

которое молодой и въ общемъ очень порядочный парень нанесъ въ порывѣ гнѣва годъ тому назадъ молодой дѣвушкѣ только по той причинѣ, что послѣдняя вначалѣ необдуманно принимала его ухаживанія, а потомъ категорически отказалась отдаться ему.

Первоначальное внутреннее безпокойство пробуждается благодаря дальнѣйшимъ аффектамъ ожиданія, особенно же постоянной неизвѣстности, которая заложена во всякой ситуаціи соревнованія и состязанія. Такъ какъ послѣднее длится въ большинствѣ случаевъ долгіе годы и такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о регулярно повторяющейся дѣятельности, то ревнующій человѣкъ привыкаетъ слѣдить за тѣмъ, что принимаетъ его противникъ. Выпадетъ ли на его долю новый успѣхъ, возьмется ли онъ снова за то, что самихъ насъ такъ глубоко интересуетъ, напримѣръ, сыграетъ ли онъ еще разъ свою любимую роль, сблизится ли онъ снова съ любимой женщиной и т. д.? Ревнующій почти никогда не знаетъ объ этомъ. Онъ не можетъ читать въ душѣ другого и онъ не господинъ тѣхъ факторовъ и обстоятельствъ, которые обычно направляютъ поступки соперника.

Со своеобразной особенностью всей этой ситуаціи связано далѣе то, что обычно она лишена окончанія. Правда, въ концѣ концовъ,

послѣ долгаго времени одинъ изъ соперниковъ можетъ исчезнуть, уйти, удалиться, потерпѣть неудачу и т. д. Если, однако, человекъ расположенъ къ ревности, то снова съ теченіемъ времени представится случай соперничества и новый поводъ къ беспокойству. Этимъ и объясняется то, что ревность въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ исцѣляется.

Въ чувствѣ любви эти волнующіе факторы неизвѣстности усиливаются. Помимо соперника носителю этого чувства приходится пытливо наблюдать и за душою любимаго человека, ему приходится неусыпно слѣдить за нею, недовѣрчивымъ взглядомъ преслѣдовать всѣ его поступки и дѣйствія. Мы знаемъ, однако, что всякое ожиданіе, всякая неизвѣстность мучить и терзаетъ нашу психику, все равно, какъ цѣлая категорія „незаконченныхъ представленій“, на психологическую особенность которыхъ я самъ указалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ при изученіи такъ называемыхъ навязчивыхъ идей и навязчивыхъ импульсовъ¹⁾.

„Lass mich mit glühenden Zangen kneipen,
Lass grausam schinden mein Gesicht,

¹⁾ M. Friedmann. „Über die Grundlagen der Zwangsvorstellungen“. „Psychiatr. Wochenschrift“. 1901, № 40.

Lass mich mit Ruten peitschen, stäupen,
Nur warten, warten lass mich nicht“¹⁾, — такъ изображаетъ Гейне муки ожиданія и нетерпѣнія.

Но этимъ мы еще не сказали всего относительно волненія и разлада въ душѣ. Ревность вызываетъ у своей жертвы прежде всего угрызенія совѣсти; она представляется самому субъекту неблагородной и бессмысленной, поскольку, конечно, натура его стоитъ на извѣстной ступени порядочности. Именно потому, что субъектъ самъ признается себѣ въ ней охотно, а отъ другихъ вообще упорно ее скрываетъ, и далѣе потому, что ея цѣли и назначеніе несправедливы, то и субъекту, слѣдующему влеченію своей страсти, приходится идти обходными, трудными путями. Поэтически вымышленный рассказъ о герцогѣ Бокканера, представляетъ въ этомъ отношеніи яркій примѣръ. Какъ мы уже говорили, онъ тайкомъ вооружилъ второй флотъ и послалъ его въ погоню за своимъ же первымъ, велѣвъ его разбить на голову и уничтожить. Вполнѣ естественно, что успѣхъ такихъ махинацій очень ненадеженъ, субъектъ долженъ содрогаться отъ страха, что его козни будутъ

¹⁾ „Пусть рвутъ мое тѣло клещами, пусть рѣжутъ мнѣ лицо, пусть бьютъ меня плетью и пытаются, — только не заставляй меня ждать, только не ждать“.

раскрыты. „Кто другому яму роетъ, тотъ самъ въ нее попадаетъ“. Этимъ порождается лишь разладъ съ лучшей стороной своего „я“ и снова все та же неизвѣстность.

Наконецъ—last not least—вѣдь и конкурентъ можетъ также защищаться. Почти всегда возникаетъ споръ и борьба. Хорошимъ примѣромъ этого служатъ вошедшія во всеѣ поговорки и анекдоты отношенія между тещей и зятемъ и свекровью и невѣсткой, постоянно омрачаемая ревностью. У многихъ первобытныхъ народовъ обычай требуетъ, быть можетъ, именно поэтому, чтобы оба съ момента заключенія брака не видались другъ съ другомъ и не говорили; они должны прятаться даже тогда, когда случайно встрѣтятся. У китайцевъ суровый обычай и порабощеніе невѣстки давно уже стали народной традиціей (я сошлюсь здѣсь на Грей-Катшера); энергичныя молодыя женщины пытаются иногда бороться и путемъ яростныхъ криковъ и упорнаго сопротивленія, имъ удается иногда добиться независимости и самостоятельности. Но какъ бы то ни было: борьба съ соперникомъ, постоянно почти сопутствующая проявленію ревности, образуетъ новый и послѣдній мотивъ тягостнаго чувства, вызываемаго этою страстью.

Передъ нашими глазами прошла цѣлая цѣпь угрожающихъ факторовъ. Вполнѣ по-

нятно, почему муки ревности вошли въ поговорку, хотя тутъ разумѣется обычно лишь ревность, вытекающая изъ чувства любви. Чувство искусственно взращивается изъ слабыхъ зачатковъ его. У кого оно разъ появилось, того оно уже не выпуститъ изъ своихъ цѣпкихъ когтей.

Мы понимаемъ одновременно и причину, почему сила ревности столь часто находитъ свое завершеніе въ насильственныхъ актахъ. Муки и страданія не могутъ выжидать естественнаго конца, и поэтому страшный конецъ предпочитается обычно страху безъ конца. Но подъ неумолимымъ вліяніемъ, съ одной стороны, внутренняго вліянія, съ другой же, обманутой чувственности при ревности, связанной съ чувствомъ любви, проявляется и дикая жажда мести. Само по себѣ довольно далеко все же не такъ понятно, какъ намъ обычно кажется, что именно носители этого аффекта такъ часто не знаютъ другого разрѣшенія и возмездія за дѣйствительное или мнимое прелюбодѣяніе, какъ умерщвленіе любимаго человѣка, а иногда и другого участника преступленія. Намъ кажется своего рода возвращеніемъ въ эпоху грубаго варварства, когда мы читаемъ, что интеллигентный, живущій въ хорошихъ условіяхъ человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ въ одинъ прекрасный день убиваетъ женщину, которой онъ тщетно до-

могалея, а потомъ и самого себя,—только потому, что чувство этой женщины было недостаточно сильно, чѣмъ выйти за него замужъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Штутгартѣ произошла сенсационная исторія такого рода: героемъ ея былъ, кажется, художникъ или музыкантъ, а героиней извѣстная сублитка изъ придворнаго театра.

Мотивъ тутъ, конечно, ясенъ. Мужчина не можетъ примириться съ мыслью, что другой даже хотя бы послѣ его смерти будетъ обладать любимой имъ женщиною. Однако, такой поступокъ, совершенный разумнымъ человекомъ, самъ по себѣ является чѣмъ-то по истинѣ невѣроятнымъ, неслыханнымъ. Едва ли еще по какой либо причинѣ, исключая развѣ вооруженной борьбы, случается, что въ жертву умышленно приносится жизнь другого человека и къ тому же еще самаго близкаго. И кромѣ того, нѣтъ другого мотива, который такъ часто, какъ этотъ, разрѣшался бы исключительно поединкомъ не на жизнь, а на смерть. Лозунгъ „cherchez la femme“ во всякаго рода столкновеньяхъ и спорахъ въ такъ называемомъ обществѣ доказываетъ намъ безконечную повторяемость такого рода ситуаций. И еще болѣе отвратительнымъ кажется намъ случай, который я только недавно узналъ во всѣхъ его деталяхъ: Одинъ молодой человекъ совершилъ какую-

то растрату и въ порывѣ отчаянiя не нашелъ другого исхода, кромѣ какъ добровольно уйти изъ жизни; предварительно, однако, онъ коварно заманилъ къ себѣ невѣсту и, не сказавъ ей ни слова, вонзилъ ей въ спину кинжалъ. Къ счастью, она была спасена. Мотивомъ здѣсь послужила опять-таки мысль, что дѣвушка не должна принадлежать никому другому.

Если мы постараемся разсмотрѣть ближе всю эту сложную душевную борьбу, то найдемъ, что гораздо лучше даже, чѣмъ въ реальной дѣйствительности, она иллюстрирована психологическою проницательностью поэта и писателя. Шекспиръ въ „Отелло“ съ изумительной пластичностью изобразилъ могущество страсти въ благородной душѣ; въ равной мѣрѣ и Геббель въ своей „Генофеѣ“. Больше деталей даетъ, однако, романъ, и меня чрезвычайно заинтересовало недавно психологическое разсмотрѣнiе проблемы ревности въ романѣ „Даніэль Клингамеръ“ Вильгельма Гегелера.

Постепенное нарастаніе ревнивой вражды между двумя братьями мотивировано въ этомъ романѣ съ величайшею тщательностью, пока наконецъ не разражается катастрофа, къ которой и сводится вся завязка романа. Герой романа — протестантскій пасторъ, интеллигентный, пожалуй, даже добрый человекъ, но

замкнутый, угловатый въ характерѣ и манерахъ, робкій и задумчивый; ребенкомъ онъ развивался очень медленно и постоянно хворалъ. Совсѣмъ не похожъ на него младшій братъ: онъ свѣжъ, жизнерадостенъ, любезенъ, его всѣ любятъ. Онъ воплощаетъ собой образецъ прекрасной, цвѣтущей мужской красоты и соотвѣтственно своему темпераменту становится офицеромъ. Мать отдаетъ ему все свое нѣжное чувство, на Даніэля же обращаетъ мало вниманія; съ ранняго дѣтства братья не понимаютъ другъ друга, ссорятся и спорятъ,—старшаго угнетаетъ, конечно, не только властолюбіе младшаго, но и предпочтеніе, которое ему всѣ отдаютъ. Когда они подрастаютъ, ихъ отношенія не улучшаются. Младшій братъ дѣлаетъ долги, и Даніэль испытываетъ удовольствіе, когда помогаетъ ему ихъ платить. Когда же черезъ нѣкоторое время это опять повторяется, онъ отказывается ему. Тому приходится снять съ себя любимый офицерскій мундиръ, и его гнѣвъ на мелочный эгоизмъ старшаго брата не знаетъ границъ.

Но вотъ въ ихъ отношенія вторгается роковой элементъ—женщина. Младшій братъ вскорѣ послѣ отставки спасаетъ изъ рукъ разбойниковъ молоденькую, прекрасную и богатую дѣвушку, но самъ при этомъ получаетъ серьезную рану. Чувство, которое онъ

уже раньше питалъ къ этой дѣвушкѣ, превращается въ нѣсколько самоувѣренное и плохо-замаскированное чувственное влеченіе къ ней. Но дѣвушку отталкиваетъ такое отношеніе, и ея мягкая душа обращается къ старшему, Даніэлю, серьезнаго, вдумчиваго проповѣди котораго давно уже затронули въ ней родственныя струны. Ей приходится чуть ли не самой завоевывать сердце этого суроваго, сдержаннаго человѣка, который вначалѣ сторонился ея. Когда сердце пастора охватываетъ, наконецъ, могучее чувство любви и когда у постели больного брата онъ примиряется съ нимъ и признается въ томъ, что произошло,—отвергнутымъ овладѣваетъ ярость. Онъ не вѣритъ пастору,—братъ унижилъ его въ глазахъ дѣвушки, и весь его гнѣвъ, все его презрѣніе разряжаются въ сильномъ ударѣ, который онъ наноситъ брату въ лицо и отъ котораго тотъ падаетъ на полъ. „Жаль, что тебя сейчасъ не видитъ невѣста“, съ этимъ ироническимъ выраженіемъ онъ покидаетъ брата.

Тотъ ничего не отвѣчаетъ, и младшій уходитъ. Но бракъ Даніэля несчастливъ. Онъ продолжаетъ быть тѣмъ же замкнутымъ, угрюмымъ, неловкимъ. Вынужденное одиночество и раздражительность мужа вызываютъ недовольство и постепенное отчужденіе со стороны молодой женщины. Въ этотъ опас-

ный періодъ ея разочарованія появляется младшій братъ; онъ не скрываетъ своей страсти, и его пламенное чувство встрѣчаетъ сперва сожалѣніе, а потомъ и сочувствіе молодой женщины. Но она не хочетъ обманывать мужа, не хочетъ бѣжать; братъ долженъ взять ее у мужа открыто. Тотъ рѣшается и говорить ему это прямо въ лицо иронически, презрительно во время вечерней прогулки вдоль берега рѣки. Въ молодомъ пасторѣ вспыхиваетъ стихійная ярость.

И безъ того уже „онъ страдалъ съ перваго дня возвращенія брата. Онъ ненавидитъ его теперь, все равно, какъ казнимый своего палача. Каждый кусокъ отравленъ для него, когда Фрицъ сидитъ подлѣ него за столомъ...“ „...онъ уже давно ненавидитъ своего брата, онъ хочетъ только его смерти“. Не помня себя, онъ кидается на него, схватываетъ и толкаетъ его съ такою силою, что тотъ разбиваетъ себѣ голову о каменную скамью. Пасторъ опускается на колѣни и кричитъ: „Благодарю тебя, Господи!“ Въ ужасѣ онъ хватается тѣло и бросаетъ въ рѣку. Преступленіе его не раскрывается. Всѣ рѣшаютъ, что Фрицъ самъ утопился. Въ смертельномъ страхѣ живетъ Даніэль; но въ концѣ концовъ его побѣждаетъ инстинктъ самосохраненія, онъ хотя и становится страшно нервнымъ и еще болѣе мучить всѣхъ окружающихъ, но

все же тайну онъ свято хранить въ своемъ сердцѣ. Жена, у которой долженъ скоро родиться ребенокъ, примиряется съ нимъ; она становится мягкой и нѣжной, какъ въ началѣ брака, и не измѣняетъ своего отношенія къ нему даже тогда, когда узнаетъ долю правды изъ его горячечнаго бреда. Вѣдь онъ же сдѣлалъ это изъ любви къ ней! Когда, наконецъ, она переживаетъ страшныя страданія при рожденіи перваго ребенка, у него тоже смятается душа. Въ минуту трогательной нѣжности онъ рассказываетъ о своемъ поступкѣ женѣ, и она утѣшаетъ его. Онъ самъ идетъ навстрѣчу искушенію, доносить на себя и попадаетъ въ тюрьму.

Рамки нашего изложенія мѣшаютъ намъ вдаваться въ болѣе подробный обзоръ поэтическихъ произведеній, съ ихъ многочисленными и чрезвычайно наглядными психологическими деталями. Есть не мало новыхъ романовъ, которые—насколько мнѣ извѣстно—съ изумительною правдивостью и реальностью изображаютъ медленное настаніе и разрушительныя послѣдствія ревности, вплоть до катастрофы, обычно неминуемой при такого рода ситуаціяхъ.

Для насъ самихъ, я надѣюсь, многое представило теперь въ болѣе яркомъ и отчасти даже совершенно новомъ освѣщеніи, чѣмъ раньше.

Я попробую вкратцѣ резюмировать всѣ наши выводы.

Во-первыхъ. Обычно полагаютъ, что ревность проявляется всегда въ формѣ бурной страсти. Мы видѣли, что она представляет собою скорѣе сравнительно слабое чувство, свойственное почти всѣмъ людямъ. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда она нарастаетъ, подобно катящейся лавинѣ, это совершается большею частью медленно—значительно рѣже такъ быстро, какъ у Отелло—и при этомъ въ значительно меньшей степени подъ вліяніемъ непосредственной способности къ нарастанію, сколько благодаря зловѣщему могуществу обстоятельствъ, при которыхъ она развивается и находитъ себѣ выраженіе. Лишь вначалѣ аффектъ этотъ носитъ импульсивный характеръ, впоследствии же на сцену выступаетъ воображеніе. Больше, чѣмъ гдѣ либо, справедливъ здѣсь принципъ „*principiis obsta*“, и поэтому вполне справедлива педагогическая теорія, которая настоятельно требуетъ, чтобы въ дѣтяхъ и юношахъ не поддерживалось и не развивалось по возможности честолюбіе.

Во-вторыхъ. То, что аффектъ дѣйствуетъ во внутрь мучительно, а во внѣ возбуждающе—фактъ общеизвѣстный. Онъ обусловливаетъ разладъ и раздоры вплоть до на-

сильственныхъ актовъ, отличающихся грубой беспощадностью.

Въ-третьихъ. Преусиженіе человѣческаго общества тѣсно связано съ сотрудничествомъ людей. Уже въ этомъ заложена серьезная опасность столкновений благодаря своекорыстію и личной враждѣ. Сюда же относится и эта своеобразная страсть, которая первоначально безъ всякаго мотива вноситъ новый моментъ вражды. Послѣдній проистекаетъ изъ общаго свойства чувства, связаннаго съ проявленіемъ дѣятельности, и соединяется всегда съ опредѣленнымъ стремленіемъ. Благодаря этому мы не можемъ быть зрителями какой-либо дѣятельности, связанной для насъ съ рѣзко-выраженнымъ чувствомъ, не испытывая при этомъ влеченія, самимъ принять въ ней участіе. Намъ бываетъ тяжело, если намъ приходится оставаться праздными зрителями, и еще болѣе, когда другіе пользуются успѣхомъ и тѣмъ самымъ возбуждаютъ еще въ насъ чувство зависти.

На этомъ простомъ элементарномъ отношеніи между чувствомъ и стремленіемъ и ранѣе еще между представленіемъ и чувствомъ и покоится ревность. Прежде чѣмъ возлагать на это обстоятельство всю тяжелую отвѣтственность, мы должны принять во вниманіе, что ему обязаны въ то же время и самымъ нашимъ благороднымъ и активнымъ стремле-

ніемъ, состраданіемъ. То, что мы такъ рѣдко испытываемъ сочувствіе радости другого, объясняется тѣмъ, что здѣсь почти всегда проявляется ревность, которая заглушаетъ это чувство. Впрочемъ, согласно нашей теоріи, ревность является тоже своего рода „сочувствіемъ“, хотя и довольно угрожающаго и опаснаго характера.

б) Ревность у животныхъ.

Аналогичный аффектъ встрѣчается довольно часто и въ царствѣ животныхъ, въ которомъ тоже широко распространено чувство радости, злобы и горя. Согласно нашей теоріи о происхожденіи ревности фактъ этотъ не можетъ насъ удивить. Тутъ недостаточно, впрочемъ, чтобы животное видомъ дѣятельности другого побуждалось къ аналогичному дѣйствию; это случается постоянно, какъ показываютъ повседневныя наблюденія. Если курица видитъ, какъ другія устремляются въ бѣгство, напримѣръ, при видѣ пищи, то встаетъ бѣжить за нею, даже если остальные этой пищи еще не замѣтили. Когда собака начинаетъ лаять или выть, то тотчасъ же ей вторятъ другія, и мы слышимъ цѣлый ночной концертъ. Лѣнивая лошадь будетъ бѣжать гораздо скорѣе, если впереди нея бѣжитъ другая. Для ревности, однако, необходимо, чтобы животное не только побуждалось

къ дѣйствіямъ путемъ воспріятія дѣйствій другого, но чтобы у него проявился также извѣстный аффектъ, сильное однородное влеченіе или, вѣрнѣе, чтобы въ немъ пробудилось стремленіе къ состязанію или же зависть.

Если это возможно,—и по отношенію даже къ животнымъ, стоящимъ на сравнительно болѣе низкой ступени,—то это хотя и не опроверженіе, но все же весьма существенный доводъ противъ вышеупомянутой теоріи Вундта о чувствахъ, какъ составной части апперцепціи. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ мы чрезвычайно далеки предполагать у животного наличность различія между перцепціей и апперцепціей. Когда олень въ періодѣ течки подстерегаетъ появленіе противника и потомъ съ бѣшенствомъ набрасывается на него, то необходимо признать, что здѣсь играетъ роль не только смутный инстинктъ, но что животному присуще и представленіе о противникѣ, которое обосновываетъ его отношеніе къ нему. Мнѣ думается, что у собакъ можно наблюдать наличность извѣстныхъ воспоминаній. Это не доказывается, правда, еще тѣмъ самымъ по себѣ довольно примѣчательнымъ фактомъ, что умныя собаки могутъ во время приходить за дѣтьми въ школу или же, какъ я самъ наблюдалъ, что животное безъ провожатаго ожидаетъ своего господина на

вокзалѣ и въ нужное время встрѣчаетъ поѣздъ,—тутъ могутъ дѣйствовать все еще смутныя ассоціаціи ощущеній пространства и времени.

Напротивъ того, едва ли можно что-либо возразить противъ слѣдующаго моего наблюденія: у моей собаки былъ резиновый мячъ, которымъ она играла и который ей всегда доставлялъ громадное удовольствіе. Однажды вечеромъ мячъ этотъ попалъ въ гостинную; дверь туда была заперта, и собакѣ было строго настрого запрещено туда заходить. На слѣдующее утро она тотчасъ же устремилась къ двери гостинной и съ громкимъ лаемъ и визгомъ стала неистовствовать, чтобы я открылъ дверь. Какъ только я исполнилъ ея желаніе, она бросилась въ комнату, тотчасъ же нашла мячикъ, схватила его и принялась весело съ нимъ играть. Чутьемъ она особымъ никогда не отличалась; я не думаю, чтобы она слышала черезъ дверь запахъ маленькаго мячика; я полагаю скорѣе, что у нея была „мысль“ о немъ. Случаевъ такого рода можно наблюдать не мало, поэтому то я и думаю, что мы имѣемъ основаніе констатировать ихъ ближе.

Шнейдеръ ¹⁾ вполне справедливо го-

¹⁾ G. H. Schneider. „Der tierische Wille“. Лейпцигъ. 1880. Кроме того: G. Romanes. „L'intelligence des animaux“ Paris, 1889 и теоретически у

ворить, что въ основѣ такихъ проявленій животной ревности лежатъ „влеченія, связанные съ представленіями“ въ противоположность непосредственнымъ смутнымъ импульсамъ, вроде влеченія къ пищѣ и къ продолженію рода, гдѣ мы имѣемъ на лицо лишь неполную цѣль: „чувство—влеченіе“, а не полную: „представленіе—чувство—влеченіе“. Когда животное, напримѣръ, голубъ жадно жидается на пищу и начинаетъ клевать въ присутствіи другихъ птицъ, въ буквальномъ смыслѣ обжирается и насколько въ его силахъ прогоняетъ всѣхъ сосѣдей, то кажется все же, что въ такомъ простомъ, казалось бы, фактѣ можно усмотрѣть двѣ возможности: либо тутъ играетъ роль особый природный инстинктъ, либо же болѣе случайная индивидуальная склонность. Первое мало вѣроятно. Ибо это былъ бы инстинктъ, чрезвычайно вредный для самаго животнаго; оно бы могло умереть отъ обжорства. Но если все же дѣло обстоитъ такимъ образомъ, то очевидно, что животное „не можетъ терпѣть“, чтобы другія на его глазахъ присвоивали себѣ свою часть пищи. Тутъ мы въ наипростѣйшей формѣ имѣемъ передъ собою основное явленіе ревности. Такъ не нужно, впрочемъ, осо-

Lloyd Morgan. „Introduct. to comparative psychology“, Лондонъ, 1903. Наболѣе богатый матеріалъ даетъ все же „Жизнь животныхъ“ Брэма.

бенно яркаго представленія; достаточно, если состязаніе пробуждаетъ стремленіе „защитить“ пищу; если животное жадно, то обжорство не прекращается, даже когда оно сыто. Многимъ животнымъ незнакомо, повидимому, чувство насыщенія (напримѣръ, волкамъ, собакамъ, коршунамъ). Тѣмъ не менѣе необходимо учитывать одинъ моментъ: животное почти всегда настроено мирно по отношенію къ представителямъ своей породы въ противоположность его отношенію къ людямъ. Съ другой стороны, оно не знаетъ никакихъ препятствующихъ моментовъ, не считая развѣ врожденныхъ инстинктовъ соперничества; оно не знаетъ преградъ ни со стороны представлений, ни со стороны рефлексій. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію то, что при ѣдѣ и при поискахъ пищи хотя и проявляется своего рода ревность, но здѣсь она носитъ сравнительно рѣдкій характеръ и часто можетъ быть названа индивидуальной. Иногда мы наблюдаемъ даже нѣчто въ родѣ альтруизма: напримѣръ, когда пѣтухъ великодушно оставляетъ курамъ куски пищи, самъ не притронувшись къ нимъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ наблюдать, что животныя очень мирно могутъ питаться другъ подлѣ друга,—хищныя животныя даже охотятся вмѣстѣ. Травоядныя животныя, коровы, лошади, свиньи, олени, серны, обыч-

но очень мирно пасутся другъ съ другомъ, безразлично, много ли передъ ними пищи или мало. Волки, лисицы и даже львы зачастую цѣлыми стаями охотятся за добычей. Нѣкоторыя животныя, напримѣръ, шакалы, гіены, коршуны, вороны и т. д., образуютъ даже своего рода общину въ отношеніи пищи; у птицъ мы можемъ видѣть даже цѣлыя колоніи гнѣздъ. При всемъ томъ, однако, мы наблюдаемъ нерѣдко и всевозможныя распри, и ссоры изъ-за добычи, побоища и т. д. Однако, споры эти обычно не серьезны, животныя скоро мирятся и почти не наносятъ другъ другу вреда. Фактъ этотъ долженъ обратить на себя наше серьезное вниманіе; инстинктъ питанія у животныхъ еще больше, чѣмъ у человека, онъ представляетъ собою наиболѣе общій и сильный импульсъ.

Развѣ животное совершенно не сознаетъ, что его сосѣдъ отнимаетъ у него часть пищи и тѣмъ самымъ уменьшаетъ его запасъ? Этого не приходится, однако, предполагать. Почему же въ такомъ случаѣ они все-таки дерутся за лучшіе куски? Они, вѣроятно, потому легко примиряются съ соперничествомъ другихъ, что инстинкту животнаго чужда борьба съ равнымъ ему; и еще потому, что голодъ все же всегда утоляется или по крайней мѣрѣ умалывается, даже когда и другіе принимаютъ участіе въ кормежкѣ.

Совершенно другую картину мы наблюдаемъ при второмъ могучемъ импульсѣ, стремленіи къ продолженію рода, хотя все же среди животныхъ можно наблюдать постоянную зависть къ пищѣ. Последняя проявляется, не нарушая, однако, спокойствія и мира внутри данной породы, при дурной привычкѣ большинства крупныхъ птицъ отнимать добычу у болѣе слабыхъ. Такъ, поступаютъ чайки по отношенію къ гагарамъ, орланы по отношенію къ скопамъ,—они заставляютъ отдать имъ пойманную рыбу; неуклюжіе сарычи вырываютъ добычу у ловкихъ соколовъ. Фрегаты терзаютъ глупыша до тѣхъ поръ ударами своего клюва, пока запуганное животное не отдаетъ ему всего содержимаго своего желудка. Если цѣль такого хищничества ясна, то все же первоначальной причиной этого служить своего рода зависть по отношенію къ птицѣ, овладѣвшей добычей.

Собаки даютъ намъ нерѣдко примѣръ истинной зависти по отношенію къ другимъ; стоя передъ полнымъ горшкомъ съ пищей, онѣ съ недовольнымъ ворчаніемъ отгоняютъ другихъ, жадныхъ и голодныхъ собакъ; онѣ нерѣдко ожесточенно борются изъ-за лакомого куска, а когда собака находитъ кость, она спѣшитъ убѣжать отъ своихъ завистливыхъ товарищей и закопать добычу. Интересное сообщеніе фонъ-деръ-Штейнена, что

у нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ Бразиліи самымъ неприличнымъ считается ѣсть въ присутствіи чужихъ, указываетъ на то, что аналогичная зависть въ пицѣ была налицо и у людей на первой ступени развитія.

Что же мы можемъ заключить изъ всего этого? Вначалѣ намъ, вѣроятно, казалось, что имѣющееся у животныхъ расположеніе къ ревности должно въ первую голову проявиться при поискахъ пищи. Однако, о ревности у животныхъ можно говорить лишь тогда, когда отсутствуютъ другіе мотивы соперничества, особенно когда противникъ безъ всякаго повода прогоняется давно уже насытившимся товарищемъ. Это дѣйствительно имѣетъ мѣсто, особенно у голубей и собакъ. То, однако, что это случается чрезвычайно рѣдко, имѣетъ два основанія: во-первыхъ, стремленіе къ пицѣ хотя и импульсивно, но все же далеко не носитъ страстнаго характера; во-вторыхъ, животное въ несравненно болѣе высокой степени, чѣмъ человѣкъ, сохраняетъ миролюбіе по отношенію къ представителямъ своей породы. Надо принять во вниманіе, кромѣ того, еще то, что всюду, гдѣ отсутствуетъ чувство насыщенія, пища постоянно служитъ мотивомъ желанія.

Напротивъ того, человѣческому чувству аналогична та наблюдающаяся у многихъ породъ животныхъ „непримиримость“, которая

выражается въ томъ, что вокругъ себя животное не терпитъ второй пары или даже одного экземпляра той же породы. Многіе орлы, лѣсные вороны и черные дятлы настоятельно требуютъ этой формы монополіи. Приходится думать, что область, въ которой животное можетъ искать себѣ пищи, настолько ассоціирована съ его психикой, что оно не терпитъ уже соперничества другого. У домашнихъ животныхъ или у животныхъ, содержимыхъ въ клѣткахъ человѣкомъ, является часто причиной вынужденная совмѣстная жизнь, къ которой животные эти на свободѣ совершенно не привыкли. Если тогда снова появляется на сцену „непримиримость“, то зачастую трудно сказать, лежитъ ли въ основѣ ея чувство вражды или ревности. Новый товарищъ по клѣткѣ встрѣчается нерѣдко съ большою непріязнью, и обезьяны очень часто замучиваютъ чуть ли не до смерти такихъ новыхъ пришельцевъ, пока, наконецъ, въ старшей изъ нихъ не пробуждается жалость и она силою не защищаетъ несчастную. Участъ одной полярной экспедиціи подвергалась нѣсколько разъ серьезной опасности благодаря лишь той неосторожности путешественниковъ, что они пользовались услугами американскихъ собакъ, хотя и не совсѣмъ одной, но все же одинаковой породы. Во время межки ихъ возникали такіе отчаянные драки

и споры, что болѣе слабыя обычно оставались на полѣ сраженія. Восточно-африканская лошадь путешественника Пассарге была такъ враждебно встрѣчена туземными лошадьми въ Адамауа, что ее приходилось постоянно держать вдали отъ нихъ. Если указать еще на то, что жеребецъ полудикой аргентинской породы не терпитъ въ своемъ табунѣ кобылы, которая была случена съ жеребцомъ другого табуна, то мы должны будемъ лишь сказать, что здѣсь несомнѣнно играетъ роль своего рода чувство ревности (обусловленное, быть можетъ, чутьемъ).

Въ основѣ игръ животныхъ, которыя пробуждаютъ за послѣднее время столь глубокий научный интересъ, лежитъ очень часто въ конечномъ счетѣ то же чувство ревности. Если относительно бѣшеной погони и мнимозлобныхъ стычекъ молодыхъ собакъ, медвѣдей и лисицъ можно представить себѣ, что природа преслѣдуетъ проявляющимся здѣсь инстинктомъ подготовленіе къ жизненной борьбѣ, неизбѣжной среди взрослыхъ животныхъ, то это отнюдь не можетъ относиться къ играмъ молодыхъ козловъ, альпійскихъ коровъ и, далѣе, скворцовъ, воробьевъ и куропатокъ. Тутъ мы уже видимъ настоящее состязаніе и игры, въ которыхъ обнаруживаются сильный темпераментъ и соревнованіе. А въ неистовомъ лаѣ, съ которымъ собака мчитъ

ся за галопирующей лошады, слѣдуетъ видѣть также выраженіе чувства соревнованія.

Попугаи и собаки способны, наконецъ, какъ уже было замѣчено въ первой главѣ, проявлять чисто индивидуально направленную ревность по отношенію къ любви другихъ людей къ ихъ господину. Если напри- мѣръ, человѣкъ, у котораго долгое время жилъ попугай, женится, то попугай не скоро свыкается съ пришельцей. Случалось нерѣдко, что это враждебное чувство не проходило и что птицу нужно было удалить. Другія собаки или попугаи въ такихъ случаяхъ становятся печальными и заболѣваютъ. Этому обстоятельству можно дать объясненіе, которое избѣгаетъ обычной ошибки и не приписываетъ животному чисто человѣчески яснаго представленія о чувствѣ ревности. Животное вступаетъ въ тѣсную ассоціативную связь со своимъ господиномъ, который принимаетъ участіе въ различныхъ дѣйствіяхъ, связанныхъ для животного съ сильнымъ чувствомъ, особенно же въ кормежкѣ и прогулкахъ. Благодаря этому получается тѣсная связь между появленіемъ господина и радостными чувствами у животного. Когда же господинъ сближается съ другимъ человѣкомъ, то животное испытываетъ какъ бы влеченіе стать на мѣсто человѣка; объ этомъ мы говорили уже раньше. То, что это вообще возможно у жи-

вотнаго, представляется мнѣ новымъ доказательствомъ загадочнаго инстинктивнаго происхожденія ревности.

До сихъ поръ мы не касались сферы полового влеченія, гдѣ животная ревность обнаруживается наиболѣе ярко и часто. Это, конечно, вполне понятно, такъ какъ тутъ отсутствуютъ парализующія вліянія нравовъ и разсудка, дѣйствующія на человѣка. Съ другой стороны, однако, поводы къ любовной борьбѣ тутъ значительно рѣже; природа, затрачивающая столько усилій на поддержку и продолженіе рода, устроила такъ, что половой актъ, на который устремлено все вниманіе, происходитъ чрезвычайно легко и просто. Животныя—совершенно самостоятельно живущіе и чувствующіе индивидуумы; они должны и самостоятельно соединяться другъ съ другомъ, и самостоятельно производить выборъ въ этомъ направленіи. Это происходитъ аналогично тому, какъ у человѣка, не путемъ грубаго насилія, а скорѣе путемъ правильнаго домогательства самки со стороны самца.

Дарвинъ ¹⁾ выставилъ чрезвычайно доказательную и тщательно обоснованную теорію полового подбора, предположивъ, что процессъ домогательства обставленъ приро-

¹⁾ Дарвинъ. „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“.

дою такимъ образомъ, что благодаря ему совершается улучшение и подборъ матеріала; это относится преимущественно къ самцамъ, самка инстинктивно совершаетъ цѣлесообразный подборъ, а въ другихъ случаяхъ наиболѣе сильные и умные самцы выходятъ побѣдителями изъ „любовной борьбы“, такъ что лишь они участвуютъ въ продолженіи рода. Если рѣшаютъ самки, то ихъ склонность обращается на красоту и мужественную силу,—отсюда и происходитъ болѣе крупная фигура и величественная осанка самцовъ, ихъ брачныя украшенія, рога оленей и даже нѣкоторыхъ жуковъ.

Хотя, однако, обширный матеріалъ, собранный Дарвиномъ въ защиту его остроумной теоріи, убѣждаетъ насъ вначалѣ въ ней, но все же нельзя отрицать значенія тѣхъ возраженій, которыя невольно пробуждаются по отношенію къ этой теоріи. Вѣдь, дѣйствительно, законодательство природы вступило бы въ рѣзкое противорѣчіе съ самимъ собою, если бы оно обосновало прогрессъ подбора на ожесточенной борьбѣ видовъ, въ то время какъ несомнѣнно, что специфическіе инстинкты гарантируютъ едва ли часто серьезно нарушаемые миръ и спокойствіе внутри вида; имѣющійся на лицо, главнымъ образомъ у высшихъ животныхъ, институтъ строгаго „единобрачія“ долженъ быть приписы-

ваемъ развитію духовной особенности, основой которой должны быть особенно крѣпкія ассоціаціи между двумя сближающимися индивидами. Ввиду этого гораздо цѣлесообразнѣе признать, что всѣ то мягкіе, то бурные способы любовнаго домогательства, вродѣ пѣнія, чириканія, зачастую смѣшные летательные кунштюки и жестикуляціи у птицъ и далѣе брачныя украшенія, рога и пр., слѣдуетъ истолковать, какъ побочный продуктъ органическихъ силъ, пробуждаемыхъ въ самцѣ въ брачный періодъ.

Несомнѣнно также и то, что опасная раздражительность быковъ, оленей и козловъ въ періодъ течки не имѣлась въ виду природой, т. е., выражаясь каузально, она въ качествѣ таковой не поощряется естественнымъ подборомъ. Приходится предположить также, что систематическая половая борьба и зачастую проявляющаяся при ней сильная ревность представляютъ собою мало рациональное средство продолженія рода въ мірѣ животныхъ; подобно тому, какъ у человѣка, они становятся побочнымъ продуктомъ интенсивныхъ влеченій, и если мы находимъ ихъ въ половой жизни цѣлага ряда видовъ, то это объясняется тѣмъ, что это влеченіе, не приносящее никакой пользы самому индивиду, природа обосновала на положительно тираннической силѣ влеченія.

Здѣсь мы можемъ задаться двоякимъ вопросомъ: во-первыхъ, какую пользу приносить вообще строгая моногамія, а у животныхъ украшенія и игры самцовъ, если все равно каждый способный къ продолженію рода самецъ находитъ себѣ самку? И во-вторыхъ, имѣется ли, дѣйствительно, серьезное доказательство того, что право выбора принадлежитъ самкамъ? Прочтя внимательно нѣсколько классическихъ описаній Брема, мы повсюду встрѣтимъ то стереотипное замѣчаніе, что во время ожесточенной борьбы самцовъ самки стоятъ совершенно безучастно, повидимому, даже мало интересуясь всѣмъ происходящимъ; Бремъ добавляетъ еще, что онѣ нерѣдко оказываютъ тогда предпочтеніе болѣе слабымъ помощникамъ, въ то время, какъ болѣе сильные всецѣло поглощены борьбой. Безусловно нецѣлесообразно при этомъ также и жестокое обращеніе съ самками, которое мы видимъ до и во время полового акта у оленей, у зайцевъ и у кошекъ,—и далѣе странная привычка крота запираеть самку въ норѣ.

Всѣ эти и другія особенности половой жизни животныхъ не трудно объяснить, сопоставивъ ихъ съ человѣческимъ чувствомъ, связаннымъ съ проявленіемъ извѣстной дѣятельности, съ рвеніемъ и съ наслажденіемъ трудомъ; такъ какъ у животнаго менѣе раз-

вита субъективная сторона и такъ какъ едва ли можно предположить наличность ассоциативной дѣятельности фантазіи, то возбужденіе ганглиевыхъ клѣтокъ—которое во второй главѣ мы признали основой пріятнаго чувства, чувства удовольствія и т. п.—передается непосредственно въ активную сферу и вызываетъ всевозможныя, сами по себѣ безцѣльныя моторныя дѣйствія. Если, напротивъ того, животное видитъ соревнованіе соперника, то вполне понятно, что избытокъ энергіи находитъ себѣ опредѣленную цѣль.

Первымъ проявленіемъ полового инстинкта у животныхъ является взаимное влеченіе половъ, при чемъ самка очень часто держится совершенно пассивно и даже безучастно. Этому импульсу служатъ, какъ извѣстно, другія чувства животнаго: отчасти достигается, напримѣръ у насѣкомыхъ, невѣроятной остроты обоняніе, отчасти же оно проявляется во внѣ въ формѣ звуковъ или даже свѣтовыхъ явленій (у свѣтляковъ), которыя привлекаютъ самку. Стрекотаніе кузнечиковъ и цикадъ, по мнѣнію извѣстныхъ энтомологовъ, какъ напримѣръ, чрезвычайно освѣдомленнаго Фавра, производится самцами, такъ что при наличности двухъ самцовъ одинъ не перестаетъ до тѣхъ поръ, пока не перестанетъ другой. Аналогично поступаютъ среди высшихъ животныхъ и кукушки,

которые скорѣе охрипнуть, нежели уступать сопернику. Дарвинъ говоритъ о томъ, что среди бабочекъ наблюдается жестокая половая борьба, на счетъ которой можно отнести, напримѣръ, то обстоятельство, что у пойманныхъ бабочекъ крылышки очень часто бываютъ оборваны. Можно ли это доказать съ полною несомнѣнностью, я, правда, не знаю. Коллингвудъ рассказываетъ, что среди бабочекъ на Борнео онъ наблюдалъ настоящую борьбу и любовныя игры.

Несомнѣнно то, что обычно столь лѣнивыя черепахи и ящерицы пускаются въ ожесточенную половую борьбу, въ которой находятъ себѣ гибель многіе самцы; относительно львовъ Гелльвальдъ говоритъ,—подтвержденіе этому я тщательно искалъ у Брема,—что нерѣдко можно наблюдать, какъ нѣсколько самцовъ домогаются одной самки и въ борьбѣ другъ съ другомъ наносятъ себѣ тяжелыя пораненія. У журавлей я самъ неоднократно наблюдалъ, какъ чужіе самцы приближались къ гнѣзду и отступали лишь послѣ продолжительной борьбы съ законнымъ супругомъ. Такая борьба за самку встрѣчается вообще очень часто; ревность, однако, не служить въ ней активнымъ мотивомъ. Есть много случаевъ, когда природа недостаточно урегулировала сближеніе по човъ. Если одной

самки домогаются нѣсколько самцовъ, то, конечно, соревнованіе неизбежно.

Истинная ревность обнаруживается лишь у тѣхъ стадныхъ животныхъ, среди которыхъ царить полигамія; они выдѣляютъ изъ своей среды самца-главаря; это мы наблюдаемъ среди многихъ породъ обезьянъ, среди сернъ, оленей, тюленей, пѣтуховъ и т. д. Здѣсь, какъ извѣстно, главарь располагаетъ неограниченнымъ гаремнымъ правомъ; молодые слабыя животныя, слѣдуя врожденному инстинкту, тоже домогаются самки, но главарь послѣ иногда чрезвычайно ожесточеннаго поединка обычно побѣждаетъ, а иногда и причиняетъ имъ значительный вредъ. Относительно сернъ и оленей не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они своими криками въ буквальномъ смыслѣ „вызываютъ на бой“ соперника. Пѣтухъ также обнаруживаетъ чрезвычайно интенсивную боевую готовность по отношенію ко всякому другому пѣтуху; это можно наблюдать даже у такихъ молодыхъ животныхъ, которые не могутъ еще считаться зрѣлыми въ половомъ отношеніи.

Чрезвычайно интересны наблюденія надъ турухтанами. Бремъ („Птицы“ т. III) говоритъ: „самцы во время гнѣздованія непрерывно борются другъ съ другомъ безъ всякаго видимого повода, быть можетъ, даже не

изъ-за самки, а лишь изъ-за какой-нибудь мухи, червяка, рѣшительно изъ-за всего; они борются, есть ли самка, или нѣтъ, борются въ плѣну и на свободѣ, борются во всякое время года. На свободѣ они избираютъ для борьбы особое мѣсто, которое отыскиваютъ затѣмъ каждый годъ и гдѣ встрѣчаются всегда опредѣленныя пары; у cadaго животного есть свой противникъ. Несмотря на то, что они находятся въ сильномъ возбужденіи и дрожатъ всѣмъ тѣломъ, они своими мягкими клювами не наносятъ другъ другу значительныхъ поврежденій; борьба, носящая характеръ своего рода турнира, всегда заканчивается на полѣ битвы и никогда въ другомъ мѣстѣ. Послѣ періода гнѣздованія птицы живутъ другъ съ другомъ въ полномъ согласіи и мирѣ.

Въ заключеніе приведемъ еще любопытную исторію объ одной мандаринской уткѣ, сообщаемую Бене. У этого ученаго было въ клѣткѣ нѣсколько животныхъ этой породы. Одного изъ самцовъ однажды украли. Другой самецъ сталъ было ухаживать за покинутой самкой, но встрѣтилъ серьезный отпоръ. Вскорѣ послѣ этого украденное животное вернулось въ клѣтку и было радостно встрѣчено самкой. Вскорѣ, однако, оно вступило въ ожесточенную борьбу съ коварнымъ соперникомъ и умертвило его. Если даже не

принимать фантастическихъ объясненій Бене, что это произошло тогда, когда самка сообщила своему супругу о коварномъ домогательствѣ его соперника,—мы все же видимъ, что здѣсь имѣло мѣсто настоящее половое соревнованіе,—если, конечно, вся эта исторія заслуживаетъ довѣрія.

Если задаться вопросомъ, какимъ образомъ психологически истолковать наличность вышеупомянутой борьбы, то, на мой взглядъ, можно сказать слѣдующее: у главаря стада развиваются извѣстнаго рода ассоціаціи взаимной принадлежности со всѣми самками. Всякое приближеніе другого самца вызываетъ въ немъ тотчасъ же импульсъ защитить все ему подвластное царство,—все равно, на примѣръ, какъ собака чувствуетъ (я умышленно не говорю „считаетъ“) своей монополіей весь дворъ и домъ. Едва ли можно предположить, что причиной въ данномъ случаѣ является ненасытность полового инстинкта. Какой вредъ причинило бы животному, если бы оно уступило другому самцу одну изъ своихъ самокъ? Упомянутыя ассоціаціи не должны вовсе носить у животного яснаго и отчетливаго характера. При вызываніи „на поединокъ“ противникъ долженъ, однако, имѣть болѣе или менѣе отчетливое представленіе о другомъ самцѣ. Онъ съ такою готовностью къ борьбѣ бросается на другого и про-

являетъ такую ярость слышавъ крики другихъ животныхъ, что мы несомнѣнно должны признать наличность такой „готовности“ къ борьбѣ съ соперникомъ. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь психическую цѣпь: ассоціація взаимной принадлежности—соперничество—борьба.

Мы не можемъ при этомъ, слѣдовательно, судить, поскольку эквиваленты нашихъ представлений и ассоціацій достигаютъ у животного ясности и отчетливости,—они, по всей вѣроятности, значительно менѣе совершенны и содержательны, нежели у насъ. Фактическія проявленія движеній у животныхъ заставляютъ насъ, однако, признать, что ихъ цѣль имѣетъ несомнѣнную аналогію съ нашей. Поэтому мы въ правѣ утверждать наличность проявленія у животныхъ своего рода ревности. Тѣмъ самымъ я въ заключеніе еще разъ возвращаюсь къ тезису, выставленному мною въ началѣ настоящей главы: животные при разнаго рода обстоятельствахъ обнаруживаютъ стремленіе оттѣснить изъ сферы дѣйствія другихъ безъ всякой дальнѣйшей причины, кромѣ той, что они сами обычно ревностно, т. е. съ повышеннымъ чувствомъ, выполняютъ эту дѣятельность. Достиженіе опредѣленной цѣли, напримѣръ, нахожденіе пищи или удовлетвореніе полового инстинкта, не играетъ здѣсь преобладающей роли;

животныя поступаютъ такъ же, когда эти инстинкты всецѣло могутъ быть удовлетворены и даже уже находятъ себѣ удовлетвореніе.

Это соотвѣтствуетъ, однако, понятію ревности человѣка. Ея проявленіе у животныхъ подтверждаетъ, что она вполне исчерпывающе можетъ быть разъяснена, если происхожденіе ея считать инстинктивнымъ и импульсивнымъ. О томъ, однако, что у животного истинною ревностью является не все то, что кажется ею на первый взглядъ,—объ этомъ мы уже неоднократно упоминали.

с) Проявленіе ревности въ ходѣ развитія культуры.

Въ то время, какъ духовныя блага культуры, несомнѣнно, претерпѣли исполинскій прогрессъ въ ходѣ развитія,—прежніе изслѣдователи не задавались вопросомъ, не претерпѣли ли аналогичныя измѣненія и чувства и аффекты, какъ таковыя. Тѣмъ не менѣе, точка зрѣнія антропологии во главѣ въ Вирховымъ въ настоящее время оставлена: изслѣдованія Швальбе, Клатча и другихъ съ несомнѣнностью показали, что у нормальнаго древнѣйшаго человѣка неан-

дертальскаго періода мозгъ вѣсилъ 900-1000 граммовъ въ противоположность 1300-1450 грамамъ нынѣшняго человѣка. Такимъ образомъ, первобытный человѣкъ въ психическомъ отношеніи стоялъ на значительно болѣе низкой ступени, чѣмъ современный,—ниже даже, чѣмъ нынѣшній австралійскій туземецъ, психика котораго осталась довольно-таки скудной и примитивной. Относительно психической жизни доисторическаго періода мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ, за исключеніемъ двухъ моментовъ: мы знаемъ, что уже на довольно ранней ступени существовали извѣстныя похоронныя церемоніи, что доказываетъ наличность извѣстнаго религіознаго чувства. Въ Крапинской пещерѣ кости неандертальскаго человѣка были найдены въ состояніи, подтверждающемъ наличность каннибальскихъ привычекъ. Чрезвычайно рано были созданы, далѣе, относительно хорошія произведенія искусства въ области какъ пластики, такъ и живописи.

Напротивъ того, мы не имѣемъ никакихъ исходныхъ пунктовъ для сужденія о томъ, какъ сложилось первоначальное отношеніе къ женщинѣ; мы не знаемъ поэтому и ничего о первичной стадіи ревности. Сравненіе съ высшими животными не говоритъ намъ ничего по этому поводу; при наличности ясныхъ представленій и рефлектирующей ра-

зумности, хотя бы въ самой незначительной степени, вся картина совершенно мѣняется; сюда же присоединяется и парализирующее вліяніе разсудочной функціи, между тѣмъ какъ у животнаго мы видѣли лишь единственно инстинктивную преграду,—чувство дружбы внутри рода. И дѣйствительно, относительно аффекта ревности существуетъ непроходимая пропасть между культурнымъ человѣкомъ и индивидуумомъ первобытнымъ народовъ. Первый стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо ближе къ животному, чѣмъ человѣкъ некультурный, „дикій“. Но послѣдній не является поэтому еще „лучшимъ человѣкомъ“; причина въ данномъ случаѣ заключается лишь въ томъ, что интеллигентность и велѣнія морали въ сферѣ первобытной культуры проявляются уже въ довольно яркой формѣ, между тѣмъ какъ духовная жизнь не настолько еще подвинулась впередъ, чтобы дать мѣсто „идеальнымъ“ чувствамъ честолюбія и любви.

Коснемся нѣсколько ближе чрезвычайно интереснаго факта ¹⁾. По мнѣнію Гелльвальда и нѣкоторыхъ другихъ этнологовъ, среди людей господствовали первоначально

¹⁾ Литература этого вопроса огромна; мы сошлемся здѣсь на: Леббока „Возникновеніе цивилизаціи“; Гелльвальда „Человѣческая семья“; Вестермарка „Исторія человѣческаго брака“; Гюнтера „Культур-

половой „промисквитетъ“,—бракъ представляет собою, слѣдовательно, лишь постепенно образовавшійся институтъ для урегулированія полового общенія и въ качествѣ средства для того, чтобы отецъ могъ принимать участіе въ воспитаніи дѣтей. Та гипотеза, согласно которой у первобытнаго человѣка имѣла мѣсто „борьба за самку“, опирается, между прочимъ, поскольку мнѣ извѣстно, лишь на два такъ называемыхъ „пережитка“ въ семейныхъ нравахъ первобытныхъ народовъ. Это довольно распространенные законы „матріархата“, которые даютъ власть надъ дѣтьми лишь матери и ея мужскимъ родственникамъ, и, во-вторыхъ, обычай, „похищенія“ невѣсты.

Чрезвычайно интересный институтъ матріархата представляет собою очень сложный фактъ, въ которомъ видную роль играютъ всевозможные законы родства, клана и тотема. Въ похищеніи невѣсты дѣло идетъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь объ обычай, превратившемся въ извѣстнаго рода символъ; жена послѣ долгихъ переговоровъ покупается у отца или дяди со стороны матери. Обычай этотъ у многихъ австралійскихъ, африканской и южноамериканской „Исторія культуры“. Чрезвычайно важную роль играютъ нѣкоторые произведенія Поста объ этнологической юриспруденціи; и далѣе „Женщина“ Пlossъ-Вартельса.

канскихъ, негрскихъ и кавказскихъ народовъ требуетъ, однако, чтобы дѣвушка горячо сопротивлялась, убѣгала и пряталась и чтобы женихъ насильственно уводилъ ее съ собою. Постъ различаетъ при этомъ, повидимому, вполне справедливо, три формы: реальное похищеніе, символическое похищеніе и простую свадебную игру. Первое въ формѣ постоянного обычая едва ли имѣетъ гдѣ-нибудь мѣсто: его скорѣе можно наблюдать во время войны, раздоровъ или въ качествѣ насильственного акта отдѣльнаго человѣка. Но если и въ первобытный періодъ это было, быть можетъ, обычный путь овладѣнія женщиною, то отсюда все же не слѣдуетъ, что съ похищенными женщинами мужчины вступали въ дикое, неурегулированное половое общеніе.

Наоборотъ, почти всюду у культурныхъ народовъ мы наблюдаемъ упорядоченіе этого отношенія, принимающаго почти всегда форму брака—купли. „Невѣста считается товаромъ и цѣна, которую за нее платятъ, дѣйствительно покупною цѣною.¹⁾ Поэтому то и расторженіе такихъ браковъ совершается довольно легко; если супруги не сходятся, то жена убѣгаетъ къ своимъ родственникамъ, и если послѣднимъ стоимость ея возвращается, то тѣмъ дѣло и кончается. Что и у древнихъ

¹⁾ Post. „Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz“, 1874.

культурныхъ народовъ дѣло обстояло долгое время именно такимъ образомъ, доказываютъ китайцы, у которыхъ считается непреложнымъ закономъ, чтобы всѣ предварительные переговоры о бракѣ велись исключительно родителями и чтобы счастливый женихъ увидѣлъ свою невѣсту или молодую жену безъ покрывала лишь тогда, когда уже кончены всѣ церемоніи. Одинъ образованный, давно уже живущій въ Европѣ китаецъ, Ченгъ-Ки-Тонгъ, съ полною откровенностью сообщаетъ въ своей маленькой книжкѣ ¹⁾, на чемъ покоится этотъ обычай. „Единственною цѣлью брака служить въ Китаѣ продолженіе рода“, о любви и любовномъ домогательствѣ незрѣлыхъ молодыхъ людей авторъ чрезвычайно невысокаго мнѣнія,—любовь ведетъ только къ ошибкамъ и заблужденіямъ,—онъ наблюдалъ это въ Европѣ; любовь еще не служитъ залогомъ вѣрности.

Этимъ положеніемъ женщины объясняется то, что на низшей ступени культуры для ревности не существуетъ основной предпосылки: сильнаго чувства къ женщинѣ. Прелюбодѣяніе карается жестоко, иногда даже смертю, но зачастую и однимъ только денежнымъ штрафомъ; нерѣдко мы можемъ встрѣтить и

¹⁾ Tscheng-Ki-Tong. „China und die Chinesen“, Лейпцигъ, 1885.

обычай „гостепріимной проституціи“: жены и дочери, главнымъ образомъ въ Африкѣ, уступаются на ночь гостю. Цѣломудріе считается благомъ лишь тогда, когда на немъ основывается своего рода право собственности, такимъ образомъ, прежде всего не у незамужнихъ. Послѣднія теряютъ, наоборотъ, значительную долю своей цѣнности для брака, если до замужества не имѣли достаточно любовниковъ, т. е. не пользовались успѣхомъ.

Не смотря на все это, въ новой книгѣ превосходнаго знатока первобытныхъ народовъ Паркинсона ¹⁾ я нахожу замѣчаніе, что одна изъ наиболѣе частыхъ причинъ безчисленныхъ войнъ и столкновеній островитянъ Южнаго Ледовитаго океана—это раздоры и распри между женщинами и дѣвушками; тутъ едва ли не играетъ роли чувство ревности. Чтобы убѣдиться, поскольку эти народы въ дѣйствительности отдають дань чувству ревности, кратчайшимъ и наиболѣе вѣрнымъ путемъ казалось мнѣ изучить движеніе народной души непосредственно на ея проявленіяхъ. Такой путь существуетъ и для того, кто изучаетъ народную жизнь издали,—онъ долженъ познаться съ продуктами фантазіи народовъ, съ народными сказками, имѣющимися у насъ въ большомъ количествѣ. Я внимательно перечи-

¹⁾ Parkinson, „Dreissig Jahre in der Südsee“, 1907.

талъ собраніе сказокъ эскимосовъ (Ринкъ), индѣйцевъ (Боасъ, Лангъ, Кнортцъ), негровъ (Зейдль, Ледербогенъ), австралійцевъ (Паркеръ) и при этомъ узналъ то же самое, что можно было заключить уже по народнымъ обычаямъ. Въ этихъ сказкахъ мы встрѣчаемъ нерѣдко слѣды и доказательства мести и возмездія за прелюбодѣяніе; однако, „мукъ ревности“, „всепожирающаго внутренняго пламени“, которое находитъ себѣ столь яркое выраженіе въ нашей поэзіи и въ нашей дѣйствительности, я не нашелъ въ нихъ и слѣда.

Въ виду этого насъ не можетъ чрезчуръ удивить тотъ фактъ, если мы замѣтимъ, что не только полигамія первобытныхъ народовъ безъ какихъ-либо сильныхъ треній сохранялась въ теченіе тысячелѣтій, но и то, что многіе случаи полиандріи, на примѣръ, у сѣверо-индускаго племени Тода и во времена Геродота у скиѳовъ осуществлялась безпрепятственно и безъ всякаго проявленія ревности. Храмовую проституцію безусловно уважаемыхъ женщинъ Геродотъ нашелъ у вавилонянъ, финикійцевъ и кипрійцевъ; у древнеперуанскихъ народовъ, у нѣкоторыхъ древнихъ индійскихъ племенъ и у индѣйцевъ Америки еще и въ настоящее время замѣчается общность женъ. Вообще, однако, въ психологическомъ характерѣ первобытныхъ народовъ

мы почти не замѣчаемъ способности или наклонности къ такому медленно развивающемуся аффекту, какъ ревность. Первобытный человѣкъ, живущій лишь моментомъ, которому не приходится даже въ голову собирать запасы для неизвѣстнаго будущаго, такому человеку знакомы, правда, внезапныя вспышки гнѣва и злобы, онъ мастеръ въ хитрости и коварствѣ и даже въ своего рода простой дипломатіи; однако, таить въ душѣ въ теченіе долгаго времени одну и ту же мучительную мысль, скрывать затаенное стремленіе, наблюдать и слѣдить онъ не въ силахъ. Къ тому же, личная зависть—порокъ, совершенно незнакомый этимъ людямъ; тотъ, кому удалось скопить богатство, спѣшитъ и долженъ спѣшить раздѣлить его съ другими. Эта почти наивная общность интересовъ доходитъ до того, что, по словамъ Паркинсона, на островахъ Южнаго Ледовитаго Океана существуетъ обычай, что мечь за испытанное личное оскорбленіе поручается другому, болѣе сильному. Если, на примѣръ, у туземца кто-нибудь украдетъ цѣнное орудіе и онъ не сумѣетъ найти виновника и привлечь его къ отвѣтственности, то онъ идетъ къ богатому сосѣду и беретъ у него лодку. Сосѣдь долженъ уже тогда позаботиться о возмѣщеніи убытка потерпѣвшему, послѣ чего ему и возвращается лодка.

Такимъ образомъ, на этой ступени развитія

мы находимъ столь рѣзко выраженную дружбу и общность интересовъ, что она напоминаетъ сплоченность животныхъ внутри даннаго рода; это становится понятнымъ, если принять во вниманіе, какъ незначительны эти круги родовъ и клановъ. Культура разобщаетъ людей, распространяя кругъ общности до большихъ государственныхъ единицъ. Этотъ моментъ вмѣстѣ съ непродолжительностью аффектовъ приводитъ къ тому, что чувство ревности на первобытной ступени культуры проявляется лишь въ наипростѣйшей формѣ. Въ качествѣ примѣра приведемъ случай, сообщенный англійскимъ матросомъ Маринеромъ¹⁾, который при нападеніи на англійскій жорабль былъ пощаженъ туземцами и потомъ пять лѣтъ прожилъ на островѣ. Два вождя племени нѣсколько разъ вступали другъ съ другомъ въ борьбу и всякій разъ каждый изъ нихъ одерживалъ рѣшительную побѣду. Побѣжденный испытывалъ по отношенію къ другому несомнѣнное чувство ревности, старался всѣми силами напасть на него, но, снова потерпѣвъ пораженіе, оскорбленный, онъ, страшась мести, убѣгалъ и не показывался нѣкоторое время. Но немного спустя, побѣдитель самъ отправлялся къ противнику,

¹⁾ Mariner, „Nachrichten über die Tongainseln“, Deutsche Bearbeitung, Weimar, 1819.

и они снова мирились и становились лучшими друзьями.

Поступокъ этотъ представляется намъ, пожалуй, болѣе великодушнымъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности; чувство и импульсы здѣсь чрезвычайно кратковременны.

Развитіе аффектовъ совершается, въ дѣйствительности, въ круту противорѣчій и крайностей. Какъ только солнце культуры взошло надъ азіатскими народами, оно, хотя и внесло великія идеи въ ихъ психику,—государственная власть и распространеніе религіи стали цѣлью всей народной массы,—въ то же время, однако, послѣдняя подверглась столь могучему господству аффектовъ и вышеупомянутыхъ идей, что эту культуру можно дѣйствительно назвать связанною аффектами. Истинныя чувства, связанные съ проявленіемъ дѣятельности, за исключеніемъ психологически самостоятельной эротики,—которыя отсутствуютъ совершенно на только что разсмотрѣнной нами первобытной ступени, и теперь еще развиты въ очень недостаточной степени. Въ еврейскомъ народѣ, душевная жизнь котораго подробно изложена намъ въ Библии, правда, съ односторонней точки зрѣнія священнослужителей, обнаруживается антогонизмъ между государственною властью и жреческимъ сословіемъ, и личная ревность играетъ извѣстную роль,—вспомнимъ хотя бы отношенія Саула

и Давида. То, что бытописателямъ она должна казаться еще и сильнымъ, и вреднымъ влеченіемъ въ узкомъ углу семьи, явствуетъ изъ многочисленныхъ разсказовъ о Каинѣ и Авелѣ, о братьяхъ Иосифа, объ Авраамѣ и Агари,—при этомъ мы убѣждаемся въ наличности не столько активной и импульсивной ревности, сколько завистливаго чувства неприимости.

И если фонъ-Кремеръ¹⁾, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ арабской культуры, говорить, что здѣсь впервые въ яркой формѣ выступаетъ отсутствующее вообще у азіатскихъ народовъ чувство чести, то подъ этимъ слѣдуетъ понимать не честолюбивое рвеніе, а лишь высшее значеніе соціального положенія и вполне справедливую гордость собственнымъ достоинствомъ. Въ сказкахъ „Тысячи и одной ночи“, въ которыхъ арабскій характеръ освѣщается съ исчерпывающей полнотою, бросается въ глаза съ несомнѣнностью то, что герои отличаются въ большинствѣ случаевъ развѣ лишь упорствомъ и выдержкой, между тѣмъ какъ всѣ другіе подвиги совершаются духами и цѣликомъ приписываются ихъ силѣ.

¹⁾ Von Kremer. „Kulturgeschichte des Orients“ Вѣна, 1887, 2 тома. И далѣе у E. Lane. „Sitten und Gebräuche der heutigen Egypter“, Лейпцигъ, 3 т.

Такимъ образомъ, въ сущности, лишь эротическая форма развита у арабовъ въ сильной степени,—она, дѣйствительно, принимаетъ у нихъ иногда даже преувеличенную и жестокую форму. „Когда арабомъ овладѣваетъ чувство ревности, оно превращаетъ его въ кровожадное животное“, говоритъ фонъ-Кремеръ. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій нація претерпѣла въ этомъ крупное измѣненіе далеко не въ свою пользу. Въ первое время владычества Ислама женщины занимали уважаемое и высокое положеніе, отличались чувствомъ собственного достоинства и пользовались равными правами съ мужчинами. Постепенно, вплоть до Гарунъ-Аль-Рашида дѣло принимало другой оборотъ; возрастающее богатство вызвало на сцену разгулъ и роскошь; восточная чувственность удовлетворялась агентами, которые за большія деньги привозили прекрасныхъ рабынь. И чѣмъ больше надобныя законныя супруги подвергались пренебреженію, тѣмъ съ большею ревностью слѣдили за ними и опекали ихъ мужья. Такъ создалась гаремная система съ опекой евнуховъ, заимствованныхъ у византійскаго двора; этотъ недостойный обычай наряду съ закрываніемъ женщинъ остался съ тѣхъ поръ своеобразною чертою Востока. Женщины, вся жизнь которыхъ ограничивается исключительно половой жизнью

въ ея первоначально-чувственной формѣ, развиваются очень медленно и въ духовномъ отношеніи стоятъ очень низко. Наряду съ этимъ непрерывно росла сексуальная ненасытность тиранна-мужчины. У насъ есть досытность тиранна-мужчины. У насъ есть допреступившія заповѣдь супружеской вѣрности, тотчасъ же топились въ рѣкѣ; мы имѣемъ даже примѣры такихъ массовыхъ избіеній.

Гаремъ былъ, однако, и въ другомъ отношеніи причиною упадка Востока. Обширное мужское потомство естественно вызывало опасность ожесточенной ревности. Когда одинъ изъ наслѣдниковъ становился преемникомъ отца, другіе возставали противъ него,—братоубійства и безконечные споры о престонаслѣдіи наполняютъ собою позднѣйшую исторію Османской имперіи.

Мнѣ хочется привести одинъ небольшой эпизодъ болѣе положительнаго характера, характеризующій, однако, въ то же время и чрезвычайно интенсивное чувство ревности у арабовъ. Одинъ знатный господинъ былъ за политическое преступленіе приговоренъ къ смертной казни. Чтобы облегчить мужу тяжелую участь, его прекрасная, умная жена рѣшилась добровольно изуродовать свое лицо, чтобы мужъ унесъ съ собою въ могилу сознание, что она не прельститъ послѣ него

никого другого,—этотъ мотивъ не чуждъ, какъ мы уже говорили, и нашимъ ревнивымъ современникамъ.

Въ задачу нашего небольшого очерка входятъ лишь общія указанія на развитіе ревности. Мы чрезвычайно далеки отъ мысли дать здѣсь исторію этого аффекта. Въ виду этого мы оставимъ въ сторонѣ весь остальной Востокъ. Упомянемъ лишь между прочимъ, что даже мягкій и склонный къ созерцательной пассивности индусъ въ своемъ знаменитомъ національномъ эпосѣ „Махабхарата“ изобразилъ основную идею изображаемой исполинской борьбы, именно класическую ревность двухъ царскихъ родовъ, Пандуинговъ и Куруинговъ. Ихъ ожесточенная распря является только тѣмъ, что одинъ родъ не хочетъ уступить преобладающаго господства другому. А въ другомъ, столь же извѣстномъ эпосѣ, „Рамаянѣ“, вся зловѣщая трагедія состоитъ въ томъ, что одна царица не хочетъ уступить трона Рамѣ, сыну другой жены, украшенному всѣми добродѣтелями міра. Царю приходится изгнать его, чтобы наслѣдникомъ сталъ собственный ея сынъ, лишенный всякихъ заслугъ. Индусское кастовое подраздѣленіе обнаруживаетъ, впрочемъ, тотъ своеобразный фактъ, что наиболѣе активная часть націи, Судра, уже цѣлыя тысячелѣтія занимаетъ

презрѣнное, низменное положеніе. Если она, не возставаая противъ этого, спокойно несетъ свое ярмо, то едва ли въ характерѣ и индуса можно найти какое-либо ревнивое чувство, въ этомъ случаѣ вполне обоснованное.

Греки и римляне всегда считались народами, у которыхъ на первомъ планѣ стояла общественная жизнь. Человѣкъ здѣсь въ первую голову „политическое существо“. То, однако, что имъ была знакома личная ревность, объ этомъ говоритъ Гомеръ: вспомнимъ хотя бы поведеніе гостей Одиссея и Аякса, который, потерпѣвъ поражение, умертвилъ себя. Исторія Медеи стала наиболѣе яркимъ примѣромъ аффекта во всѣ времена и эпохи. Отношенія Аристофана къ Сократу, его поистинѣ постыдныя насмѣшки едва ли лишены такого же воздѣйствія ревниваго чувства. Все это и еще многое другое отступаетъ, однако, на задній планъ передъ проявленіями аффекта въ политической области.

Мы знаемъ прекрасно, насколько вся исторія Греціи наполнена безпрестанной враждой и раздорами. Война по всякимъ ничтожнымъ мотивамъ то и дѣлю смѣняется миромъ; послѣдній заключается, когда отдѣльныя племена, въ большинствѣ случаевъ, конечно, Спарта и Аѣины устаютъ отъ распрей и ужасаются страшнымъ урономъ людей; а спустя

нѣсколько лѣтъ послѣ мира снова разражается война и раздоры. Объединившись въ лучшую, славнѣйшую эпоху противъ общаго врага персовъ, они впослѣдствіи, при грозной македонской опасности, не сумѣли объединиться, несмотря на горячій призывъ Демосоеена, и поэтому утратили самостоятельность; потерей всего своего культурнаго величія они обязаны въ первую голову своей національной ревности.

Неменьшую роль играли, повидимому, и партійные раздоры отдѣльныхъ государствъ; кто читалъ великаго сатирика Аристофана, тотъ знаетъ, съ какой страшной ненавистью преслѣдовались политическіе противники, (у нашего автора особенно кожевеники Клеонъ). На долю аѣинянъ, кромѣ того, выпало создать своего рода классическій институтъ, посредствомъ котораго обезвреживался политическій противникъ или вообще человѣкъ, „достигшій положенія, угрожающаго свободѣ государства“. Мы разумѣемъ подъ этимъ ostracismъ. Такъ какъ отъ послѣдняго пострадали даже такіе люди, какъThemistocles и Аристидъ, то едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что при голосованіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ играло далеко не маловажную роль и личное чувство ревности.

Мы опускаемъ исторію Рима, которая

обнаруживаетъ черты ревности скорѣе въ отдѣльныхъ индивидуальныхъ случаяхъ *) и ватѣмъ лишь въ періодъ разложенія государства. (Интересно, однако, по своимъ мотивамъ и братоубійство въ легендѣ о Ромулѣ и Ремѣ, при основаніи Вѣчнаго города).

Но политическая проницательность этихъ прирожденныхъ властителей міра, съ которой они въ лицѣ консуловъ создали двойственную государственную власть, заслуживаетъ, во всякомъ случаѣ, упоминанія. Одинъ консулъ долженъ былъ неусыпно слѣдить за другимъ, руководясь опять-таки при этомъ своего рода чувствомъ ревности.

Если мы обратимся теперь къ нашей германской культурѣ, то тутъ едва ли мы будемъ имѣть основаніе утверждать, что въ психологической конституціи произошли во весь огромный періодъ какія-либо измѣненія. Аффекты тутъ не отличаются ни кратковременностью, какъ у первобытныхъ народовъ, ни преобладающимъ значеніемъ, какъ на Востокѣ. Соотношенія между ними и разсудкомъ остались приблизительно одинаковыми

1) Катонъ училъ, напримѣръ, что необходимо сѣять ревнивое чувство среди рабовъ, чтобы между ними не было единства и чтобы тѣмъ самымъ они оставались неопасными.

во всемъ ходѣ развитія кавказской расы; у каждой націи имѣются, конечно, свои своеобразныя черты касательно силы различныхъ аффектовъ. Нельзя отрицать и того, что культурная и историческая эволюція оказала и тутъ свое огромное вліяніе. Во всякомъ случаѣ, исторія Германіи даетъ намъ чрезвычайно богатый иллюстраціонный матеріалъ для нашей темы. Не надъ одной націей аріискаго происхожденія такъ часто и такъ угрожающе не заносился бичъ не только раздоровъ, но и ревности.

Вмѣстѣ съ ходомъ развитія культуры сфера дѣйствія ревности все больше и больше передвигалась. Будучи въ индивидуальной жизни, по счастью, лишь исключеніемъ, она въ качествѣ сильного аффекта проявляется въ сферѣ народныхъ движеній такъ часто и угрожающе, что въ настоящее время намъ приходится считаться съ этимъ могучимъ факторомъ. Въ психологическомъ отношеніи намъ, какъ тамъ, такъ и тутъ приходится имѣть дѣло съ одинаковымъ духовнымъ процессомъ: мы имѣемъ полное основаніе говорить о массовомъ возбужденіи, когда значительная часть населенія охвачена одною идеею и однимъ одинаково направленнымъ чувствомъ. Мы знаемъ, какъ относительно легко достигается это въ гомогенной народной массѣ, въ какой яркой формѣ проявляет-

ся здѣсь взаимное вліяніе и возбужденіе, перенесеніе аффекта съ элементовъ, болѣе развитыхъ въ аффективномъ отношеніи, на элементы, отличающіеся большею осторожностью, а благодаря тому и пассивностью; это воздѣйствіе и вліяніе устраняетъ всѣ препоны и критическіе доводы, которыми отдѣльный человѣкъ у себя въ четырехъ стѣнахъ способенъ еще возставать противъ общей идеи. Когда на сцену появляется общій аффектъ, то онъ своею тяжестью увлекаетъ за собою рѣшительно все. Кто, подобно автору, изъ своего ранняго дѣтства сохранилъ еще воспоминанія, съ какою быстротою и стихійною силою послѣ объявленія французской войны прокатилась по всей Германіи народная волна національнаго воодушевленія; кто знаетъ, какое возбужденіе охватило французскую націю послѣ прусской побѣды при Кениггрецѣ, превратившееся въ страстную жажду реванша; кто помнитъ, наконецъ, тотъ яркій примѣръ введеннаго въ заблужденіе народнаго инстинкта, проявившагося въ процессѣ Дрейфуса, тотъ можетъ составить себѣ ясное представленіе объ импульсивной силѣ аффекта, охватывающаго собою народныя массы.

Въ противовѣсъ популярному обыкновенію, чрезвычайно легко обращающемуся со словомъ „ревность“, мы должны остерегаться

отъ смѣшенія съ этимъ специфическимъ аффектомъ понятія раздора и разногласія. То, что послѣднее постоянно было и есть налицо въ общественной жизни, это непосредственно вытекаетъ изъ различія и разнообразія интересовъ. Эти моменты имѣютъ свою полную реальную основу и прежде устранялись авторитетомъ и кулачнымъ правомъ, сейчасъ же по возможности умѣряются и устраняются тѣми тысячами параграфовъ закона, которые въ безконечныхъ преніяхъ изобрѣтаются нашими парламентами. О ревности мы можемъ говорить, лишь тогда, когда отсутствуетъ истинный объектъ спора, или же, когда споръ—что гораздо рѣже,—простирается далеко за предѣлы этого объекта. „Гдѣ нѣтъ мотивовъ, тамъ передъ нами ревность“ можно было бы перефразировать слова Гете; борьба за власть, борьба лишь бы только низвергнуть противника, а вовсе не достигъ какой либо цѣли,—таково отличіе политической ревности. Послѣдняя несомнѣнно повинна въ вѣчномъ злосчастіи и слабости германской націи, въ избирательной системѣ правленія, ибо ни одна часть государства не хотѣла уступить другой продолжительнаго преобладающаго господства; она, эта политическая ревность, послужила причиной и постоянно способствовала раздирающимъ распрямъ гвельфовъ и гибелиновъ, и далѣе Пруссіи и Австріи, безконечнымъ спорамъ

рыцарства и городов, аристократіи и цеховъ и другими всевозможными проявленіями политической общественной борьбы. Соперничество вызвало къ жизни и другую борьбу, наполнявшую собою всю германскую исторію, борьбу между папствомъ и имперіей¹⁾.

Ожесточенная борьба за преобладаніе во внутренней жизни націи безсмысленна и гибельна. Отдѣльные факторы предоставлены другъ другу и должны были бы взаимно другъ друга поддерживать; въ сущности, не слишкомъ существенныя противорѣчія интересовъ при нѣкоторомъ стараніи со стороны ихъ носителей могли бы быть приведены къ урвновѣшенію.

Вторая отличительная особенность ревности, съ которой мы, впрочемъ, уже познакомились выше, состоитъ въ томъ, что въ ней отсутствуетъ какое-либо завершеніе,—это вполне естественно потому, что она лишена какой бы то ни было опредѣленной цѣли. Лишь, когда лица и условія кореннымъ образомъ измѣняются, когда на арену борьбы вступаютъ совершенно новыя поколѣнія, эта политическая и общественная борьба мало-по-малу стихаетъ. Однако, какъ часто не

¹⁾ О ней наиболѣе подробно говоритъ Эйкенсъ въ своемъ произведеніи: „Geschichte und System der mittelalterlichen Weltanschauung“, Штутгартъ, 1887.

достигается и такого конца! Развѣ безцѣльная и безсмысленная борьба германскихъ князей между собою, начавшаяся еще въ средніе вѣка, не превратилась въ настоящее время въ тотъ злосчастный „партикуляризмъ“, который потерпѣлъ крушеніе лишь благодаря возрожденію націи въ „весну народовъ“ 48-го года и благодаря несравненному генію Бисмарка! Развѣ и въ новомъ государствѣ мы не наблюдаемъ того психологически чрезвычайно важнаго факта, что не похороненный еще и въ тридцатилѣтней войнѣ антагонизмъ между протестантизмомъ и католицизмомъ снова воскресъ теперь въ лицѣ могущественной партіи центра? Послѣдней мы коснемся подробнѣе еще ниже. И развѣ вѣковая вражда между аристократіей и буржуазіей не вылилась сейчасъ въ форму основанія консервативной партіи юнкеровъ?

При всемъ томъ нельзя, однако, по моему мнѣнію, оставлять безъ вниманія психологическій фактъ, который на первыхъ порахъ можетъ показаться почти невѣроятнымъ. Германская нація отъ рожденія не отличается чувствомъ ревности; во всякомъ случаѣ, послѣдняя проявляется въ гораздо болѣе слабой степени, чѣмъ у другихъ народовъ. Это можно въ достаточной степени убѣдительно показать на двухъ моментахъ. До

наполеоновскаго періода германская нація почти совершенно не знала этого чувства по отношенію къ сосѣдямъ. Поклоненіе французамъ, малодушное подчиненіе и скромность входили чуть ли не въ пословицу вплоть до эпохи Бисмарка; это объяснилось отчасти слабостью, въ которой былъ виновать самъ народъ. Ревновать, какъ намъ извѣстно, можно лишь по отношенію къ тому, котораго хотимъ выбить изъ его позиціи. По отношенію къ сосѣдямъ это приходило и въ голову германской націи прошлой эпохи. Зато очень часто ей знакомо было чувство, всегда связанное со слабостью: зависть. Однако, и отъ послѣдняго нѣмецъ далекъ, особенно, если мы возьмемъ это чувство въ серьезномъ смыслѣ. Фактъ этотъ несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. Достаточно хотя бы указать на то, какъ обстоитъ дѣло въ этомъ отношеніи у нашихъ восточныхъ сосѣдей—русскихъ! Ихъ зависть по отношенію къ намъ общеизвѣстна. Когда у лучшихъ русскихъ писателей, у Пушкина и у Тургенева, изображается нѣмецъ, можно быть увѣреннымъ, что это самый жалкій человѣкъ, либо горькій пьяница, либо же наглый мошенникъ. О большинствѣ крупныхъ русскихъ газетъ не приходится и говорить.

А вотъ и второй фактъ. Если нѣмецъ

по натурѣ своей былъ бы особенно склоненъ къ ревности, то послѣдняя должна была бы проявляться въ первую голову въ его личной жизни, особенно же въ кругу семьи. Однако, данныхъ о раннемъ періодѣ развитія у насъ очень мало,—большинству ихъ мы обязаны Тацитъ, который допускалъ, однако, нѣкоторую идеализацію. Мы знаемъ, что римлянинъ бросалось въ глаза особенно высокое и уважаемое положеніе германской женщины, игравшей значительно болѣе видную роль, чѣмъ у народовъ классической древности. Полигамію можно было найти лишь у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ князей; вмѣсто купли невѣсты былъ повсюду распространенъ даръ отцу. Брачная жизнь отличалась чрезвычайнымъ цѣломудріемъ; молодые люди сохраняли свою чистоту до брака, хотя послѣдній и заключался обычно далеко не въ раннемъ возрастѣ. Прелюбодѣяніе было рѣдкимъ явленіемъ, и месть за него направлялась исключительно на женщину. Этотъ фактъ категорически отрицаетъ наличность сильно развитого аффекта ревности. Какъ же, однако, обстоитъ дѣло въ настоящее время? Исключительные случаи и криминалистика не могутъ дать намъ представленія объ общемъ характерѣ положенія вещей. Намъ приходится, въ концѣ концовъ, считаться съ тѣмъ, что мы сами видимъ и

переживаемъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ рыцарскихъ замкахъ и въ разбогатѣвшихъ городахъ сексуальная мораль оставляла желать зачастую очень многого¹⁾),—тутъ процвѣтала проституція. Она признавалась совершенно открыто: высокимъ гостямъ городскія ратуши предоставляли право „бесплатнаго входа“ въ публичные дома.

„Среди рыцарей ни прелюбодѣяніе, ни многоженство не считалось постыднымъ, исключая развѣ только самихъ оскорбленныхъ супруговъ, которые постоянно убивали или калѣчили нарушителей ихъ семейнаго мира. Незаконныя связи даже женатыхъ людей признавались не только общественнымъ мнѣніемъ, но и закономъ. Эти люди отнюдь не пользовались презрѣніемъ и не вызывали ничего протеста. Наоборотъ, особенно побѣдоносные герои любви прославлялись и даже превозносились поэтами; если принять во вниманіе, какъ громко и открыто минне-зентеры воспѣвали зачастую замужнихъ женщинъ (правда, всегда при строгомъ сокрытіи именъ), если подумать, на какой высочій пьедесталъ была вознесена въ то время любовь, то мы придемъ къ заключенію, что

¹⁾ См. Günther. „Kulturgeschichte der Liebe“. Берлинъ, 1899, стр. 336 и слѣд.

едва ли въ этой націи была почва для развитія жестокаго чувства ревности¹⁾).

Конечно, было бы издѣвательствомъ надъ всякимъ естественнымъ чувствомъ и вышеупомянутые рыцари и горожане были бы, дѣйствительно, жалки, если бы у нихъ по извѣстнымъ поводамъ не возникало могучаго чувства ревности. Такъ на самомъ дѣлѣ и было. У насъ есть доказательство, что рыцари, участвовавшіе въ крестовыхъ походахъ, передъ тѣмъ, какъ отправиться въ столь дальнее путешествіе въ Обѣтованную землю, прибѣгали для своего спокойствія къ самымъ отвратительнымъ мѣрамъ, запирая тяжелыми замками *introitus vaginae*. у своихъ женъ²⁾). Если мы обратимся снова къ тому, гдѣ мы непосредственно сумѣемъ увидѣть народную душу, древнимъ сказкамъ и легендамъ, то германская обработка мифа о Зигфридѣ и Брунгильдѣ дастъ намъ изображеніе могучей демонической ревности, едва ли уступающей по своей силѣ этому аффекту въ эллинскомъ мифѣ о Медеѣ. Въ знаменитомъ собраніи германскихъ сказаній Шваба мы находимъ цѣлый рядъ легендъ (о Гирландѣ, Генофефѣ, императорѣ Октавіанѣ),

¹⁾ Ср. Ploss-Bartels. „Das Weib“. т. I, стр. 379.

²⁾ Henne am Rhyn. „Kulturgeschichte der deutschen Volkes“, Берлинъ, 1886, т. I, стр. 191.

въ которыхъ несомнѣннымъ лейтмотивомъ звучить неукротимая ревность, пробужденная коварнымъ другомъ; благородная и зачастую совершенно невинная жена приносится въ жертву этой страсти. Всѣ мы знаемъ, наконецъ, чудесныя сказки, собранныя братьями Гриммъ. Какое множество злыхъ, ревнивыхъ мачехъ и гонимыхъ этой зловѣщаю страстью братьевъ и сестеръ изображается тамъ!

Тѣмъ не менѣе, тотъ, кто благодаря всему этому подумалъ бы, что эти уродливыя импульсы и чувства владѣли народною душою въ той самой мѣрѣ, въ какой они изображаются игрою поэтической фантазіи, тотъ, несомнѣнно, впалъ бы въ сильнѣйшее заблужденіе. Народная поэзія изображала всегда исключительныя явленія, а подъ вліяніемъ христіанскихъ легендъ о мученичествахъ обращалась охотно къ угнетенной невинности, рѣдко касаясь обыденныхъ, типичныхъ и повседневныхъ явленій (послѣднимъ посвящены лишь басни и истинный фольклоръ). Въ виду этого мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что ревность сама по себѣ довольно далека отъ темперамента нѣмца и что она значительно менѣе и рѣже проявляется у него, нежели у цыгана славянина или итальянца. Если, однако, государственная жизнь нашего отечест-

ва больше, чѣмъ какихъ-либо другихъ народовъ, проникнута этой страстью, то, очевидно, на этотъ счетъ должны быть самыя серьезныя основанія. Мы и находимъ ихъ въ рѣзко выраженномъ своеобразіи характера отдѣльныхъ народностей, въ упорномъ и даже упрямомъ стремленіи удержатъ традиціонныя идеи и институты, которое издавна даже превозносилось. Поэтому даже послѣ завершенія реформации было невозможно никакими мѣрами искоренить эту особенность. Сюда присоединяется еще то, что современный индивидуализмъ¹⁾, который въ противоположность классической древности провозгласилъ право личности въ противовѣсъ велѣніямъ общественной совѣсти, нигдѣ не достигъ такого пышнаго расцвѣта, какъ именно въ Германіи. Объ однообразной нивелировкѣ, характерной для французовъ, англичанъ и даже американцевъ, въ примѣненіи къ нѣмцу не можетъ и быть рѣчи; уже языкъ его раздѣляется на множество діалектовъ; въ Германіи—перепроизводство политическихъ пратій, разнообразіе философскихъ и поэтическихъ школъ, какого, вѣроятно, трудно найти гдѣ бы то ни было.

¹⁾ Ср. В. Кидъ „Соціальная эволюція“; Ф. Паульсенъ. „Система этики“; Lamprecht. „Deutsche Geschichte“, Берлинъ, 1891.

Эта точка зрѣнія общеизвѣстна. Необходимо, однако, назвать ее и обосновать то, что въ германской націи былъ заложенъ и заложены еще и въ настоящее время цѣлый рядъ раздѣляющихъ психическихъ моментовъ. Изъ возникающихъ отсюда противорѣчій проистекаетъ внутреннее разногласіе, а изъ послѣдняго, возбуждающаго умы и порождающаго нетерпимость по отношенію къ своимъ же ближайшимъ сосѣдямъ, пышно расцвѣтаетъ чувство ревности.

Въ настоящее время, однако, времена эти миновали. Это едва ли было бы возможно несмотря на крупный политическій переворотъ, если бы чувство ревности дѣйствительно было въ крови у нѣмца, все равно, какъ, напримѣръ, ревность чеховъ по отношенію къ германцу. Но современное развитіе не открываетъ все же передъ нами радостныхъ перспективъ. На мѣсто крупнаго фактора конфликта, отъ котораго мы, наконецъ, избавились, выступили многочисленные новые въ нашей внутренней цѣли жизни; мѣсто національной ревности въ настоящее время заняла интернаціональная, которая изъ года въ годъ продолжаетъ расти, такъ что даже наиболѣе разсудительные элементы съ величайшимъ трудомъ борются съ нею.

Изъ неисчерпаемаго матеріала, представленнаго въ наше распоряженіе пережи-

ваемою эпохою, можно опять-таки произвольно выбрать нѣсколько отдѣльныхъ чертъ съ цѣлью пролить свѣтъ на психологическій процессъ, находящій себѣ въ нихъ выраженіе. Прежде всего историкъ ревности можетъ съ удовлетвореніемъ констатировать одинъ положительный прогрессъ. Умственное движеніе, какъ таковое, наука и искусство съ развитіемъ культуры все больше и больше изъеются изъ сферы дѣйствія человѣческихъ слабостей и страстей; даже націи объединяютъ свои изслѣдованія и художественныя школы, чтобы вмѣстѣ наслаждаться плодами научной и творческой работы. Такія сенсационныя событія, какъ въ свое время открытіе Кохомъ туберкулина, а въ наше время завоеваніе воздуха дирижаблями и летательной техникой почти не сопровождаются никакими „шовинистическими“ моментами. Однимъ изъ послѣднихъ страстныхъ проявленій аффекта сопровождался въ этой области въ свое время гениальный но въ то же время произведенный не безъ личныхъ мотивовъ, переворотъ въ современной музыкѣ, связанный съ именемъ Рихарда Вагнера. Въ продолженіе долгихъ десятилѣтій велась борьба, проявляясь то въ ѣдкой насмѣшкѣ, то въ личномъ преслѣдованіи великаго мастера и его учениковъ, и даже суверенная воля и искреннее желаніе короля Людвига

не могли способствовать удержанію Вагнера въ Мюнхенѣ; музыкальныя творенія, вызывающія сейчасъ всеобщій восторгъ, долгіе годы не имѣли никакихъ шансовъ на появленіе на сценѣ; въ Парижѣ попытка поставить „Лоэнгрина“ и „Тангейзера“ повлекла за собою вспышку невѣроятнаго негодованія. А вѣдь въ настоящее время Рихардъ Вагнеръ—признанный властитель оперы всѣхъ культурныхъ націй, и о враждѣ къ его твореніямъ въ данную минуту не можетъ быть даже и рѣчи.

Аналогично обстояло дѣло съ еще болѣе трудной задачей—похоронить чрезвычайно богатую и плодородную фазу развитія въ области изобразительныхъ искусствъ, что имѣло цѣлью вознести на пьедесталъ прямо противоположную художественную идею. Въ вѣчной борьбѣ и въ сознательномъ пренебреженіи со стороны критиковъ и противниковъ потерпѣлъ страшное пораженіе еще Ансельмъ Фейербахъ. Такъ называемая „Sezession“, несмотря на насмѣшки и непріязнь, одержала, однако, крупную побѣду,—Беклинъ, Тома, Либерманъ и другіе являются въ настоящее время главарями господствующаго теченія въ искусствѣ. Нынѣшнее поколѣніе охотно и послушно склоняется передъ авторитетомъ признан-

ныхъ вождей въ области чисто духовныхъ стремленій.

Какъ измѣняется, однако, картина, какая упорная страсть, какая непримиримость противорѣчій обнаруживается, какъ только мы отъ современной науки и искусства обращаемъ свой взглядъ на политическую и социальную борьбу! Тяжело и упорно велась борьба, которую пришлось переодолѣть современной женщинѣ въ цѣляхъ достиженія трудовой эмансипаціи. О политическомъ равноправіи мы умолчимъ; борьба же за право на трудъ встрѣтила могучій отпоръ со стороны сильнаго пола, объясняемый, какъ своекорыстіемъ отдѣльныхъ профессій, такъ и общимъ чувствомъ ревности.

Рѣшительная борьба между феодализмомъ и аристократіей, съ одной стороны, и буржуазіей, съ другой, велась въ эпоху французской революціи съ такимъ кровавымъ ожесточеніемъ, что, казалось, на карту былъ поставленъ вопросъ „быть или не быть“; а для такого продолжительнаго и упорнаго аффекта, какой представляетъ собою ревность, почва въ то время была отнюдь не благоприятна.

Заполняющее нашу современность противорѣчіе между буржуазіей и пролетаріатомъ, по крайней мѣрѣ, въ его конечномъ проявленіи исполнено мыслью, что едва ли можетъ

быть создана ранодѣйствующая социальныхъ и политическихъ цѣлей; поэтому при глубокой пропасти, раздѣляющей оба противоположныхъ элемента, едва ли и тутъ можетъ быть рѣчь о такомъ чувствѣ, какъ ревность. Тѣмъ не менѣе, мы все же находимъ ее здѣсь и какъ разъ въ одной изъ ея отвѣтительнѣйшихъ формъ, въ формѣ систематической провокаціи. Правда, къ послѣдней примѣшивается также ощущеніе вражды, проистекающее изъ рѣзкаго противорѣчія интересовъ; однако, каждому наблюдателю бросается въ глаза классическій признакъ ревности, проявляющійся въ вѣчной готовности къ массовымъ возстаніямъ. Давно уже послѣднія происходятъ не по волѣ отдѣльныхъ вождей, — за послѣдніе пять-шесть лѣтъ они повсюду возникаютъ тамъ, гдѣ нѣтъ вѣрныхъ шансовъ на успѣхъ.

Нерѣдко, повидимому, повинно въ этомъ лишь одно настойчивое желаніе внушить могущественному работодателю сознаніе границъ его власти, — даже и въ томъ случаѣ, когда этотъ работодатель не разъ уже приносилъ жертвы благу своего персонала и лично обнаруживалъ по отношенію къ послѣднему свои симпатіи. Такихъ примѣровъ мы видѣли не мало. Конечно, причиной является тутъ бросающееся въ глаза богатство предпринимателя или огромные дивиденды

акціонернаго общества, вселяющіе непосредственно чувство неудовольствія.

Развѣ, однако, эти мотивы берутся не изъ арсенала ревности?

Наша эпоха была, однако, свидѣтельницей еще болѣе яркаго проявленія этого чувства. Она явила успѣхъ, который по своему значенію и ясному сознанію цѣли отодвигаетъ на задній планъ почти все то, что аналогичныя волненія осуществили въ другомъ отношеніи въ новѣйшее время. Мы разумѣемъ здѣсь указанное уже выше явленіе образованія партіи центра въ Германіи. Наше изслѣдованіе лишено, конечно, какихъ бы то ни было политическихъ мотивовъ; не можетъ быть и рѣчи поэтому, что наши разсужденія преслѣдуютъ цѣль своего рода критики того, законно ли образованіе центра или нѣтъ. Необходимо, однако, признаться и въ томъ, что понятіе ревности не совсѣмъ тутъ уместно. Истинной причиною образованія центра является не опредѣленное политическое направленіе, не опредѣленная программа, — послѣдняя содержитъ въ себѣ отѣнки, начиная съ демокритическаго и вплоть до юнкерства, которые обычно вели къ образованію враждебныхъ партій. Центръ образовался, въ конечномъ счетѣ, благодаря двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, тому, что въ новой Германской имперіи католическая религія находится въ

меньшинствѣ, но что она, однако, пустила у насъ такіе глубокіе корни, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ она легко можетъ посылать въ парламентъ своихъ представителей. Вторымъ обстоятельствомъ является то, что со времени религіознаго раскола и особенно послѣ тридцатилѣтней войны католики непрестанно враждовали съ протестантизмомъ, спланивались въ тѣсныя церковныя и социальныя организаціи и проводили демаркаціонную линію между собою и другими избирателями.

Поэтому-то главная задача партіи центра и была „защита католической религіи“. Благодаря злосчастной ошибкѣ, допущенной обычно столь проникательнымъ Бисмаркомъ, давшимъ увлечь себя въ вѣроисповѣдную борьбу, задача эта была официально признана и стала твердымъ фундаментомъ партіи, который несомнѣнно останется навсегда ея могущественнѣйшимъ средствомъ борьбы. Второю цѣлью является „защита интересовъ католической націи“. Съ этой точки зрѣнія партія центра не имѣетъ значенія для насъ. Специфическихъ цѣлей въ государствѣ католическій гражданинъ не имѣетъ, онъ находится подъ охраной того же закона и имѣетъ такой же доступъ ко всему, какъ и протестантъ. Ограниченіямъ въ этомъ отношеніи подлежатъ лишь очень немногіе и въ первую

голову, какъ извѣстно, евреи. Въ виду этого центръ, въ сущности, не столько „защищаетъ“, сколько ревностно „слѣдитъ“ за тѣмъ, чтобы повсюду поддерживался паритетъ, т. е. чтобы нигдѣ въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ школахъ и въ войскахъ не было слишкомъ мало католиковъ; гдѣ бы ни основывался союзъ, безразлично, общественнаго ли, политическаго, или благотворительнаго характера, тамъ въ скоромъ времени учреждается аналогичный параллельный союзъ съ рѣзко выраженнымъ католическимъ характеромъ. Въ равной мѣрѣ,—разъ появляется учебникъ и не только напримѣръ, по исторіи, но даже по археологіи и по астрономіи, то тотчасъ же слѣдомъ за нимъ появляется и специфически католическій.

Такимъ образомъ, ревность преслѣдуетъ здѣсь не устраненіе или отодвиганіе противника, а лишь равенство съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, каждое проявленіе дѣятельности другого тотчасъ же побуждаетъ импульсивно сдѣлать то же самое ¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ, въ способахъ веденія партійной борьбы, въ стремленіи центра защищать католическіе интересы не столь проявляется чувство ревности. Мы находимъ послѣднюю въ самомъ фактѣ обр. зованія большой „католической партіи“ и въ томъ, что существующія религіозныя противорѣчія спланиваютъ ее тѣснѣе, чѣмъ всѣ другія партіи, основанныя на политическихъ принципахъ.

Состязаніе и соревнованіе здѣсь на лицо и лишь особыя условія являются здѣсь причинами специфической формы реакціи.—То, что партія обладает такою несокрушимою силою, то, что никакими средствами не удастся отвлечь отъ центра хотя бы ничтожное количество приверженцевъ,—то, что никогда въ кругу избирателей не ощущается потребности въ болѣе опредѣленно очерченной программѣ,—эти факты указываютъ на то обстоятельство, что имѣется лишь одна истинная основа партіи. Этою основою была, есть и будетъ изолированность и извѣстный антагонизмъ, испытываемый католическою частью населенія Германіи по отношенію къ протестантской

Послѣднимъ и наиболѣе существеннымъ проявленіемъ ревности является ревность націи къ націи, ревность интернаціональная.

Относительно наличности ея говорить, конечно, не приходится; ея существованіе не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, она проявляется въ формѣ, которая въ настоящее время продолжаетъ непрерывно развиваться. Наиболѣе сильный и злобѣщій толчокъ былъ данъ этому чувству, когда она изъ аффекта и, такъ сказать, изъ функціи монарховъ и дипломатовъ стала достояніемъ всего народа; по отношенію къ Германіи это произошло съ введеніемъ всеобщаго равнаго

избирательнаго права. Однако, у насъ она претерпѣла еще одно сильное подкрѣпленіе съ тѣхъ поръ, какъ возникъ мнимый англо-германскій антагонизмъ и съ тѣхъ поръ, какъ англійская пресса сочла своей миссіей развитіе этой національной ревности. Все это дѣло послѣднихъ лѣтъ. Увеличеніе германскаго флота и вопросъ о Марокко, а ранѣе и многочисленныя рѣчи императора, образуютъ лишь случайную тему этого аффекта. Яблоко раздора есть и было всегда, съ тѣхъ поръ, какъ зародилась „политика державъ“; нѣсколько лѣтъ тому назадъ этимъ яблокомъ раздора долгое время былъ турецкій вопросъ и лишь потому, что казалось совершенно безнадѣжнымъ, что державы сумѣютъ столковаться по поводу наслѣдства, если Турція будетъ изгнана изъ Европы. Затѣмъ появился на сцену германско-итальянскій вопросъ, въ который сочли своимъ долгомъ тотчасъ же вмѣшаться великія державы, такъ какъ ихъ сердцу было близко поддержаніе „европейскаго равновѣсія“. И далѣе, англійская боязнь русскаго нападенія на Индію,—чувство ревности Россіи по отношенію къ поднимающей голову Японіи,—а послѣ побѣды послѣдней „желтая опасность“, конструированная для всей аріиской расы, не исключая и Америки. А теперь уже, дѣйствительно, самъ по себѣ довольно сомнительный объ-

ектъ, — некультурное, раздираемое вѣчными внутренними раздорами государство Марокко, стало яблокомъ раздора между Германіей и Франціей, а тѣмъ самымъ, между всѣми европейскими государствами. Несомнѣнно, что здѣсь играютъ немаловажную роль и меркантильные интересы; но если принять во вниманіе, что въ 1902 году весь вывозъ изъ Европы въ Марокко равнялся сорока тремъ милліонамъ, а ввозъ тридцати двумъ милліонамъ, то приходится чуть ли не думать, что современная политика ведется исключительно горячими, экзальтированными головами. Ибо изъ-за такихъ ничтожныхъ интересовъ серьезно рисковать общеевропейской войною, которая потребуетъ многомилліардныхъ жертвъ, убить сотни тысячъ высоко культурныхъ людей и поставить на карту все будущее огромнаго государства, — отъ такой мысли застываетъ кровь въ жилахъ.

А все же это сейчасъ самая обыденная вещь во всемъ мірѣ. Какъ и почему создается все это, объясняетъ намъ прежде всего психологія ревности. Благодаря обширной міровой торговлѣ, всѣ культурныя государства тѣсно сблизились другъ съ другомъ; каждое узнаетъ до мельчайшихъ подробностей то, что дѣлается у сосѣдей, и ближайшею мыслію при этомъ, конечно, является: какое значеніе

имѣетъ это для насъ, для нашего государства? Во-первыхъ, — не угрожаетъ ли намъ что-нибудь, не можетъ ли причинить намъ ущербъ? Во вторыхъ, — не достигло ли другое государство чего-нибудь, чего и мы также могли бы достигнуть? И въ третьихъ, — не усилилось ли оно настолько, что мы также должны стараться нагнать его или даже превзойти? Отсюда истекаетъ тотъ вооруженный миръ, который только и можетъ якобы предотвратить всемірную войну¹⁾.

Все это интернаціональное мышленіе и возбужденіе становится, однако, дѣйствительно опаснымъ лишь съ того момента, когда оно ежедневно вѣдряется въ сознательную жизнь гражданина тысячетолосымъ хоромъ чрезвычайно вліятельныхъ газетъ. При этомъ подтверждается вполнѣ тотъ прискорбный психическій фактъ, что чувство и инстин-

1) Я написалъ это въ самомъ началѣ марокккаго кризиса. Съ тѣхъ поръ, однако, послѣдній все больше и больше обострялся; чрезвычайно интересно прослѣдить, какъ нападки нашихъ шовинистовъ на Францію производили въ точности согласно вышеочерченной схемѣ: 1) Франція систематически попираетъ въ Марокко всѣ германскіе интересы; 2) Франція пріобрѣтаетъ въ Марокко огромныя цѣнности, которыя чрезвычайно легко можно реализовать, между тѣмъ, какъ мы должны довольствоваться незначительной компенсаціей (въ Конго) и 3) Франція, благодаря присоединенію Марокко, значительно усиливается и увеличиваетъ

иты управляются не разсудкомъ; наоборотъ, самъ аффектъ моделируетъ, точно мягкій воскъ, всякую логику представлений. Если это даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу въ строгой наукѣ, то тѣмъ болѣе это проявляется въ политикѣ, которая имѣетъ дѣло исключительно съ нашими собственными интересами, т.-е. въ первую голову съ эгоизмомъ. Къ несчастью, однако, газеты не гонятся за истиной, онѣ отвергаютъ всякое критическое разсмотрѣніе фактовъ; онѣ чувствуютъ себя воинствующею партіею, чувствуютъ себя адвокатами націи. И — что еще хуже, — по отношенію къ чужой націи человѣкъ не испытываетъ уже никакихъ чувствъ альтруизма, дружбы, сочувствія, которыя и внутри націи подавляются въ достаточной степени проявленіями взаимной ревности.

Слово „война“, которое должно было бы приводить въ содроганіе каждаго культурнаго человѣка, становится самымъ обыденнымъ

есть свои шансы въ неминуемой грядущей войнѣ. Если и говорить, что все это опасенія, вполне естественныя въ конечномъ счетѣ при всякой конкуренціи, то едва ли это можно сказать по отношенію къ слѣдующему: 1) возбужденіе нашихъ шовинистовъ стало все болѣе неистовымъ и благодаря этому какъ бы самъ собою возрасталъ объектъ спора. Увеличивалась непрерывно цѣнность самаго Марокко, — теперь идетъ рѣчь уже о гораздо большемъ, о нашей „чести и преобладающемъ положеніи“, о нашей пози-

аргументомъ во всѣхъ преніяхъ и дебатахъ. „Вѣчный миръ—идеаль и даже идеаль не прекрасный“. „Народъ, не ставящій на карту всего своего благополучія ради чести и собственного достоинства, заслуживаетъ презрѣнія“. Но развѣ хоть одна изъ всѣхъ современныхъ войнъ была дѣйствительно необходима? Развѣ нельзя было при добромъ желаніи избѣгнуть ихъ, если бы настроеніе народа не поддерживалось ежедневно, не раздувалось въ дикій пожаръ? Правда, при настоящемъ положеніи вещей, уступчивость и добродушная слабость не могутъ, конечно, считаться добродѣтелями; если бы нѣмцы повсюду въ интернаціональныхъ спорахъ обнаруживали исключительно свое миролюбіе, то ревнивое чувство другихъ націй едва ли бы отъ этого утасло; насъ попросту отстраняли бы отъ всего, и мы были бы и оставались бы

ціи среди великихъ державъ. Здѣсь, однако, забывается, что этимъ въ международномъ спорѣ можно оправдать всякую войну; 2) „Компенсация можетъ быть принята только внутри самаго же Марокко“. Этого тоже требуетъ „наше достоинство“. Здѣсь мы видимъ наиболѣе яркіе слѣды ревниваго импульса къ вытѣсненію. Мы столь же мало можемъ примириться съ тѣмъ, что насъ вытѣсняютъ изъ объекта состязанія, какъ не хотимъ отказаться отъ того, чтобы самимъ вытѣснить конкурента. Нашу прогрессивную дипломатію упрекаютъ въ чрезмѣрной трусости за то, что она не придерживается этой точки зрѣнія.

всегда на заднемъ планѣ,—намъ, „націи фиположеніе во вселенной. Но объ этомъ уже лософовъ“, предоставили бы лишь скромное говорилось не разъ.

Но попробуемъ взглянуть на обратную сторону медали! Развѣ эти легіоны журналистовъ сознають то, какъ ослѣпляются они слѣпымъ чувствомъ ревности? Знають ли они, какое преступленіе передъ человѣчествомъ и передъ культурой они безсознательно совершаютъ? Знають ли они, что и у отвѣтственныхъ представителей націи есть тоже нервы; что ихъ холодная разсудительность должна исчезнуть, если имъ приходится исполнять свои обязанности передъ сотнями тысячъ зрителей и критиковъ, которые ежедневно упрекають ихъ въ трусости, если они дѣйствуютъ не съ величайшею рѣшимостью?

Необходимо принять во вниманіе, кромѣ того, еще, что газеты появляются ежедневно, каждый день повторяють одно и то же, каждый день ждуть чего-либо новаго. И читатель, находящійся въ вѣчномъ напряженіи, стано-

Разсудокъ повелѣваетъ смягчить борьбу съ конкурентомъ; ревнивое чувство требуетъ, наоборотъ, вытѣсненія послѣдняго, рискуя при этомъ поставить на карту все положеніе націи. Профессиональная политика дѣйствуетъ на основаніи перваго принципа, народное мнѣніе—на основаніи второго. Въ послѣднемъ главенствуютъ аффектъ и импульсивная ревность, которые хотятъ „битися до послѣдней капли крови“.

вится нетерпимымъ, у него появляется жажда сенсаций. Эта готовность, эта неусыпная бдительность по отношенію къ чужой націи и есть самое опасное и угрожающее. Въ концѣ концовъ достаточно, если удовлетворяются только аффекты. А поэтому достаточно опять-таки обрисовать въ черныхъ краскахъ всѣ заблужденія германской политики и импульсивность германскаго императора. Германскія газеты унизились даже до того, что стали поддерживать англійскія.

Можно ли, однако, избѣгнуть этой страшной опасности? На это едва ли способны даже пролетаріатъ. Наша социаль-демократія интернаціональна, но социаль-демократія другихъ націй и не думаетъ вовсе отказываться отъ своего національнаго міровоззрѣнія. Было бы нелѣпо, конечно, воображать, что слабый голосъ научнаго изслѣдованія будетъ услышанъ въ этомъ страшномъ пожарѣ страстей. Однако, я надѣюсь, что какъ въ наукѣ и искусствѣ, такъ и на политической аренѣ борьбы, въ концѣ концовъ, одержитъ верхъ разумное самообладаніе.

Первою силою, способною поддержать дѣло мира, являются не всевозможные общества и союзы, а только пресса. Всевозможныя подстрекательства къ войнѣ необходимо систематически игнорировать и клеймить тѣмъ, что они представляютъ собою на самомъ

дѣлѣ,—безуміемъ и иногда даже защитой своекорыстныхъ интересовъ, биржевыми маневрами, эгоистическими махинаціями промышленности и т. п.

Но прежде всего необходимо одно: нигдѣ, какъ здѣсь, не умѣстенъ такъ лозунгъ: „Познай самого себя!“ Необходимо прежде всего заглянуть къ себѣ въ душу и посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ слѣдовъ ревниваго чувства, когда мы говоримъ о „чести отечества“ и о коварныхъ, тайныхъ замыслахъ другой націи.

Но ревность слѣпа. Однако, у нея есть одно достоинство: вначалѣ она слаба и превращается въ грозное, опасное чувство лишь въ томъ случаѣ, когда искусственно возвращается. Поэтому-то сюда и относится въ полной мѣрѣ другой лозунгъ: „Principiis obsta!“

Не слѣдовало бы упускать этого изъ виду и при другомъ, чрезвычайно сомнительномъ новшествѣ нашего времени: драматургіи съ рѣзко выраженной національной тенденціей. Такъ, напримѣръ, мнимая „желтая опасность“ изображена въ пьесѣ „Тайфунъ“ Мельхиора Ленгіеля; сюда же относится и пресловутое „home of an Englishman“.

Резюмируя еще разъ вкратцѣ существенныя черты психологическаго процесса въ массовомъ движеніи, мы придемъ къ слѣдую-

щимъ выводамъ: психическій процессъ здѣсь тотъ же, что и у отдѣльнаго человѣка, только здѣсь болѣе превозмогаетъ активный элементъ, а послѣдній увлекаетъ за собою обычно болѣе спокойныхъ субъектовъ. Вообще же, при соревнованіи партій и націй прежде всего выступаетъ на сцену эгоизмъ и инстинктъ самосохраненія. Мы опасаемся поэтому ущерба со стороны противника и испытываемъ зависть къ его успѣхамъ. Гораздо опаснѣе, однако, выступленіе ревности, ибо лишь она развиваетъ страстное рвеніе и аффектъ: мы не способны спокойно и безучастно созерцать успѣшное выступленіе конкурента въ сферѣ, имѣющей цѣнность и для насъ. Поэтому недостаточно, какъ напримѣръ, въ Марокко, чтобы мы были гарантированы отъ какого бы то ни было ущерба: однажды выступившій на сцену активный импульсъ толкаетъ и побуждаетъ насъ напасть на конкурента и сбить его съ позиціи. Мы отказываемся отъ какихъ либо мирныхъ переговоровъ, мы хотимъ нападать, мы хотимъ настоять на своемъ.

Такъ какъ, однако, то же самое происходитъ и въ противномъ лагерѣ, то, естественно, и возникаетъ борьба между конкурентами. Благодаря этому аффектъ усиливается, и объектъ спора связывается со все болѣе сильными и ярко выраженными чувствами; тогда

уже рѣчь заходить о „чести и достоинствахъ“, какъ говорятъ обычно. Эти „идеальные“ чувства и связанный съ нимъ могущественный аффектъ уже не отдѣлимы отъ объекта спора; при каждомъ новомъ толчкѣ старыя страсти вспыхиваютъ съ новою силою. Если, такимъ образомъ, при добрыхъ намѣреніяхъ можно столкнуться относительно матеріальныхъ практическихъ вопросовъ, то это почти никогда невозможно, когда на сцену выступаютъ истинные импульсы вытѣсненія противника, если, слѣдовательно, намъ придется имѣть дѣло съ чувствомъ ревности. Тогда едва ли можно установить даже, гдѣ прекращается противорѣчіе реальныхъ интересовъ и гдѣ начинается боевое рвеніе или наоборотъ. Поэтому-то опасности войны и достигли такихъ угрожающихъ размѣровъ съ тѣхъ поръ, какъ народы сами приняли участіе въ политикѣ великихъ державъ. Ибо въ массахъ преобладаетъ, какъ мы уже знаемъ, обычно активный элементъ, а вмѣстѣ съ нимъ и аффектъ.

IV.

Ревность въ психопатологій (болѣзненная ревность).

Въ то время, какъ до сихъ поръ мы не имѣли возможности сослаться въ изложеніи на какое-либо другое аналогичное изслѣдова-

ніе,—относительно болѣзненной ревности имѣется уже давно обширная психіатрическая литература, которая въ послѣднее время продолжаетъ непрерывно расти.

Аффектъ въ области психопатологій обнаруживаетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, совершенно иной характеръ, чѣмъ нормальное чувство,—не говоря уже при этомъ о болѣзненности представленій, присущей душевно-больному. Прежде всего аффектъ почти исключительно ограничивается здѣсь эротической областью. Припомнимъ, что мы различали вначалѣ двѣ основныхъ формы ревности: соревнованіе, къ которому относится и аффектъ массовыхъ движеній, и, во-вторыхъ, ревность, связанную съ чувствомъ любви. Раздѣленіе это не такъ глубоко, какъ кажется на первый взглядъ. Однако, обѣ категоріи обнаруживаютъ все же довольно значительныя особенности. Эротическое чувство отличается прежде всего повышенной интенсивностью, постоянною наличностью обуславливающихъ его стремленій и независимостью отъ различныхъ сопряженныхъ моментовъ усиленія, (напримѣръ, отъ особой готовности, зависти и т. п.).

Необходимо, однако, принимать во вниманіе то, что и любовь настолько же связана съ проявленіемъ дѣятельности, какъ и всякое другое чувство; ибо если съ этимъ силь-

нымъ чувствомъ соединяются также и прежнія ассоціативныя связи между мужчиною и женщиною, если оно включаетъ въ себѣ представленіе о личной цѣнности любимаго человека, то рѣшающій моментъ при этомъ заложенъ все же во всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ, постоянно повторяющихся ощущеніяхъ, которыя возникаютъ въ духовномъ, а также и въ физическомъ общеніи между супругами, и постоянно сопровождаютъ его. Поэтому и эротическая ревность проистекаетъ принципиально изъ тѣхъ же условій, что и соревнованіе. Въ виду этого вполне естественно, что мы удивимся, если услышимъ, что при ненормальныхъ условіяхъ обычно развивается лишь первая форма; намъ необходимо прежде всего показать правильность этого утвержденія.

Въ дѣйствительности, и соревнованіе вмѣстѣ съ ревностью встрѣчается лишь въ тѣхъ случаяхъ душевной аномальности и особенно въ тѣхъ легкихъ формахъ маніи, которыя обычно именуются экзальтаціей и при которыхъ вполне возможно отправленіе обычныхъ занятій. Помимо этого, слѣды соревнованія едва ли можно найти въ патологии, — и даже не въ паранойѣ, какъ мы сейчасъ покажемъ.

Первой причиной служить тутъ то, что иногда отсутствіе аффекта оказывается лишь

мнимымъ. Если сюда же присоединяется то, что, напримѣръ, больной съ трудомъ терпитъ соперничество носителя одинаковой профессіи, то онъ не останавливается при этомъ лишь на своемъ волненіи и свойственномъ ему отсутствіи критики. Ему кажется, что конкурентъ нанесъ ему цѣлый рядъ всевозможныхъ непріятностей, и, такимъ образомъ, за болѣе сильной маніей преслѣдованія скрывается чувство ревности. Купецъ, заболѣвшій душевнымъ разстройствомъ, выражаетъ слѣдующимъ образомъ свою боязнь конкуренціи: „Не знаю, почему за мною всегда теперь гонятся всѣ мои сосѣди. Куда я ни пойду, они пускаютъ вслѣдъ мнѣ ругательства, какъ будто я мошенникъ, указываютъ на меня пальцами и т. д. Вѣдь я же никому не причинилъ зла, никого никогда не обманывалъ. Слава Богу, мнѣ это было не нужно!“

Сюда присоединяется еще второй моментъ. Подавляющее большинство душевнобольныхъ утрачиваетъ, какъ извѣстно, способность продолжать свои социальныя и профессиональныя занятія. Именно это-то и накладывается на психозъ тотъ страшный и жуткій отпечатокъ: человекъ перестаетъ быть господиномъ своего разума. Тѣмъ самымъ, однако, отпадаетъ и поводъ къ соревнованію, разъ больной не можетъ отправлять больше

своей простой дѣятельности. Но и этотъ моментъ не имѣетъ еще рѣшающаго значенія. Помимо маниаковъ есть категория психическихъ больныхъ, которые могутъ продолжать отправлять свои обязанности, и общественное положеніе которыхъ отнюдь не страдаетъ отъ ихъ болѣзни. Я разумѣю тутъ простую паранойю.

Я знаю одного такого паціента, мнѣ часто приходится за нимъ наблюдать; онъ преисполненъ мыслями о преслѣдованіи, а все же продолжаетъ съ одинаковымъ рвеніемъ и съ одинаковымъ успѣхомъ заниматься своимъ обширнымъ агентурнымъ дѣломъ, какъ и до своего психического заболѣванія. Онъ чрезвычайно воспріимчивъ по отношенію къ окружающей средѣ; когда онъ заходитъ куда-нибудь въ контору и хозяинъ почему-либо уходитъ, то ему кажется, будто тотъ хочетъ выказать по отношенію къ нему пренебреженіе. Если кто-нибудь изъ знакомыхъ не поклонится ему на улицѣ или даже засмѣется, то это значитъ, что онъ понялъ тѣ намеки, о которыхъ иносказательно пишутъ газеты и которыми клеймятся его прежнія ошибки и заблужденія. Столь самослюбивый въ дѣловомъ отношеніи и столь чувствительный человѣкъ не подумалъ о томъ, что за всѣми этими хитросплетеніями клеветы и преслѣдованія скрывается именно конкуренція.

Чувство соревнованія отнюдь не усилилось

благодаря параноическому заболѣванію; о своихъ конкурентахъ паціентъ думаетъ, какъ и всякій нормальный человѣкъ. Мы усматриваемъ тѣмъ самымъ причину этого интереснаго случая, который связанъ, очевидно, съ природою психического измѣненія. И дѣйствительно, мы знаемъ, что во всѣхъ случаяхъ психического расстройства болѣзненные мысли и чувства носятъ постоянно одинъ и тотъ же характеръ. Всѣ они эгоцентричны. Они интересуются исключительно самимъ болѣзненнымъ „я“. Ни одинъ меланхоликъ не будетъ мучиться мыслью, что онъ несчастенъ потому, что всѣ окружающіе его люди злы или потому, напримѣръ, что онъ былъ обманутъ своимъ братомъ. Наоборотъ, онъ скажетъ, что онъ далъ ложную присягу, что изъ-за него брата не поддержали, что тому пришлось поэтому обанкротиться. Параноику кажется, что прохожіе сплевываютъ на мостовую только потому, что видятъ его; газетная замѣтка о томъ, что сбѣжалъ какой-то проворовавшійся кассиръ, содержитъ намекъ на него. Товарищи на фабрикѣ, которые о чемъ-то шепчутся между собою, составили заговоръ противъ него.

При нормальномъ соревнованіи дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Носителя ея интересуетъ, то, что дѣлаетъ другой, онъ хочетъ оттѣснить этого другого; чувство устрем-

ляется здѣсь отъ носителя его на внѣшній міръ, онъ нападаетъ на другихъ, по крайней мѣрѣ, мысленно; въ психозѣ же, напротивъ того, внѣшній міръ настроенъ агрессивно по отношенію къ пациенту. Лишь собственное „я“ образуетъ вѣчную тему больного,—волноваться изъ-за успѣховъ бывшаго конкурента не приходитъ ему даже въ голову.

Съ любовною ревностью въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ иначе. Супружеская любовь относится къ наиболѣе интимнымъ ощущеніямъ каждаго человѣка. Кто, напримѣръ, возбуждаетъ жену противъ мужа, тотъ задѣваетъ тѣмъ самымъ священнѣйшіе чувства и интересы. Развѣ не естественна при этомъ слѣдующая бредовая идея: этотъ человѣкъ слишкомъ часто разговариваетъ съ моею женою,—онъ ей, навѣрное, постоянно объясняется въ любви! Или: Эти люди, что шепчутся тамъ, навѣрное, говорятъ, что за моею женою стоитъ начать ухаживать. Мысли такого рода, дѣйствительно, нерѣдко встрѣчаются, но я думаю, что онѣ все же являются выраженіемъ нормальной любовной ревности.

Мы все знаемъ изъ наблюденій повседневной жизни, когда и при какихъ условіяхъ выражается послѣдняя: когда подруга жены усиленно кокетничаетъ съ мужемъ, когда у мужа есть содержанка; когда одинъ изъ нѣ-

сколькихъ соперниковъ одерживаетъ побѣду надъ дѣвушкой; когда женщина служитъ кельнершей или продавщицей въ табачномъ магазинѣ; во всѣхъ этихъ и аналогичныхъ случаяхъ ревность вполне понятна и естественна. И всякій разъ аффектъ возникаетъ непосредственно изъ факта состоянія и состоитъ изъ бражды къ конкуренту и изъ тягостнаго чувства необходимости, хотя и бояться его соперничества, но все же бдительно слѣдить за каждымъ его шагомъ. Лишь въ послѣдствіи возникаетъ чувство недо вѣрія къ супругу, и только тогда и его поступки становятся объектомъ зоркой наблюдательности и строгой критики. Невинный разговоръ въ обществѣ превращается въ соблазнительное кокетство. Выходъ изъ дому безъ сопровожденія супруга возбуждаетъ тотчасъ же подозрѣніе, выслѣживаніе: и, съ другой стороны, безконечное ожиданіе мужа передъ дверями конторы, гдѣ онъ служитъ, постоянные звонки по телефону и т. п. принадлежать къ числу самыхъ распространенныхъ средствъ у ревнивыхъ женъ.

Какую форму, однако, принимаетъ душевное состояніе при патологическихъ условіяхъ, установить гораздо труднѣе. Больной не способенъ и не хочетъ обычно отдавать отчетъ въ своихъ аномальныхъ представленіяхъ: мы же, здоровые, можемъ лишь съ величай-

шимъ трудомъ заглянуть въ лабиринтъ больного ума. Поэтому всѣ наши разсужденія на этотъ счетъ не могутъ быть признаны безусловными,—по большей части, намъ приходится опираться на выводы, которые можно извлечь изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ наблюдений. Тѣмъ не менѣе, мы уже въ слѣдующемъ случаѣ можемъ высказать мысль, что ревность больного человѣка аналогично ревности нормальнаго—явленіе исключительное. Больной начинаетъ съ наблюденія, а не съ вражды по отношенію къ сопернику; и въ этой сферѣ онъ опять-таки начинаетъ со своей собственной персоны. Преобладающимъ и существеннымъ моментомъ въ его ревности является подозрѣніе.

Это противорѣчитъ, повидимому, нашей собственной теоріи, формулированной нами выше. Вѣдь подозрѣніе направляется на другое лицо. Быть можетъ, это и такъ, но въ немъ содержится все же непосредственное отношеніе къ окружающему міру, къ самому субъекту; или, точнѣе говоря, подъ подозрѣніемъ мы разумѣемъ ту форму, въ которой субъектъ воспринимаетъ, апперципируетъ окружающій міръ въ его отношеніи къ себѣ. Это чувство присуще отнюдь не одной только болѣзненной ревности, наоборотъ, вполне справедливо распространить тотъ взглядъ, что этотъ аффектъ образуетъ пер-

вую стадію, изъ которой развивается одинъ изъ наиболѣе частыхъ болѣзненныхъ симптомовъ—манія преслѣдованія (это ученіе было развито, главнымъ образомъ, Зандбергомъ¹⁾ и Маргуліесомъ²⁾, а ранѣе и Пиккомъ).

Такъ, какъ, однако, этотъ аффектъ главенствуетъ во всей психології ревности, возникающей при нормальныхъ условіяхъ, то мы наталкиваемся теперь на совершенно новую психологическую проблему;—хотя въ виду узкихъ рамокъ нашей работы мы и должны отказаться отъ болѣе подробнаго изложенія, мы все же посвятимъ ему нѣсколько словъ. Подозрѣніе можно понимать объективно въ троякомъ смыслѣ: во-первыхъ, въ смыслѣ боязливой неувѣренности по отношенію къ поступкамъ окружающихъ, во-вторыхъ, въ смыслѣ подозрѣнія наличности у другихъ склонности къ дурнымъ поступкамъ и, въ-третьихъ, въ смыслѣ недовѣрія къ словамъ и увѣреніямъ окружающихъ. Субъективно въ основѣ этого чувства лежитъ ли-

¹⁾ Sandberg, „Beiträge zur Charakteristik der Wahnideen bei chronisch. Verrückten“. „Allgemein. Zeitschr. f. Psych.“. 1897.

²⁾ Margulies, „Die primäre Bedeutung der Affekte im ersten Stadium der Paranoia“. „Monatsschr. f. Psych.“. 1901.

бо боязнь, либо сомнѣніе, которое возбуждается въ субъектѣ благодаря воспріятіямъ изъ внѣшняго міра; въ виду этого мы усматриваемъ подозрѣніе у двоякаго рода темпераментовъ, какъ у робкихъ, неувѣренныхъ, такъ и у деспотическихъ, своенравныхъ натуръ. Первыя подозрительны только изъ страха и боязни; вторыя же потому, что ихъ настойчивый гнѣтъ встрѣчаетъ противодѣйствіе и раздражаетъ ихъ, между тѣмъ какъ упрямство мѣшаетъ имъ довѣрять и относиться справедливо къ мотивамъ противника.

При психопатологическихъ состояніяхъ присоединяются еще три важныхъ источника этого чувства: во-первыхъ, душевнобольные очень часто чрезвычайно воспріимчивы къ всевозможнымъ мелкимъ непріятностямъ и раздраженіямъ; малѣйшій пустякъ они воспринимаютъ съ тяжелымъ чувствомъ, и каждое слово другого человѣка кажется имъ обидой или оскорбленіемъ. Если двое людей говорятъ между собою шепотомъ, то они безусловно говорятъ о больномъ,—если священникъ въ проповѣди призываетъ къ терпѣнію, то онъ разумѣетъ именно его, пациента. Во-вторыхъ, у больного измѣняется самый характеръ воспріятія. Все испытывается имъ боязливо, все кажется чуждымъ, слова брата зву-

чатъ жестоко, сами комнаты представляются совершенно иными, чѣмъ раньше, на лицахъ у людей какое-то страшное выраженіе, солнечный свѣтъ рѣжетъ глаза, онъ не радуетъ больше. И въ-третьихъ, развиваются, кромѣ того, еще и настоящія галлюцинаціи и иллюзіи. То, о чемъ думаетъ конкурентъ, проистекаетъ, какъ ему кажется, въ полномъ конкретной формѣ изъ окружающаго міра. Женщина, напримѣръ, которая вполне справляется со своимъ хозяйствомъ и можетъ нормально разговаривать, слышать ясно, какъ ее мужъ послѣ непродолжительнаго спора начинаетъ вдругъ ее бранить; это ее тѣмъ болѣе раздражаетъ, что онъ упорно отрицаетъ то, что она слышала собственными ушами. Другой ревливой женщины кажется, будто ей на улицѣ шепчутъ: „Бѣдная женщина, вашъ мужъ каждый день ходитъ вотъ къ той продавщицѣ“. А третья видитъ даже, какъ изъ спальни мужа ускользаетъ тѣнь ее соперницы, которая только что лежала съ ее мужемъ въ постели.

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ вначалѣ благодаря аномальнымъ настроеніямъ и аномальной чувствительности возникаетъ подозрѣніе и какъ затѣмъ оно превращается въ навязчивую идею благодаря тѣмъ измѣненіямъ, которыя въ больной психикѣ пре-

терпѣваютъ процессы чувственныхъ воспріятій. Правда, вышеохарактеризованное разстройство не всегда бываетъ налицо, и во всѣхъ легкихъ формахъ психическихъ заболѣваній отсутствуютъ, главнымъ образомъ, иллюзіи и галлюцинаціи. Постоянно, однако, чувство подозрѣнія вызывается въ больномъ впечатлѣніями ближайшаго окружающаго міра; и если въ немъ развивается болѣзненная ревность, то она никогда не появляется въ результатѣ поступка какого-нибудь соперника. Дѣло обстоитъ тутъ какъ разъ наоборотъ: такъ какъ другой супругъ и безъ того уже долженъ неотступно быть при больномъ и такъ какъ небольшія тренія въ брачной жизни вообще неминуемы, особенно же у психопатическихъ лицъ, то естественно, что чувство подозрѣнія прежде всего обращается на другого супруга. А при наличности этого подозрѣнія появляется и мысль, что супружеское чувство начинаетъ охлаждѣвать: слѣдомъ за этимъ является и та мысль, что онъ нарушаетъ супружескую вѣрность.

Въ этой стадіи чрезвычайно опасную роль играетъ, далѣе, специфическій сексуальный моментъ, проявляющійся одинаково сильно во всѣхъ трехъ случаяхъ, которые тутъ возможны и которые мы наблюдаемъ въ дѣйствительности: или половой инстинктъ

анормально усиливается ¹⁾, или онъ ослабляется, или, наконецъ, эротическія чувства претерпѣваютъ болѣзненное измѣненіе. Зачастую начинающаяся психическая экзальтація, будь то всего лишь наступленіе климактерическаго періода, вызываетъ у женщины повышеніе полового чувства, до сихъ поръ совершенно чуждое ей. Такъ какъ мужъ не испытываетъ того же самаго, то нерѣдко его отталкиваетъ эта неожиданная эротика давно уже увядшей женщины. То, что за этимъ скрывается психическая анормальность, къ сожалѣнію, почти никогда не принимается во вниманіе. Жена со своей стороны упрекаетъ мужа въ холодности и отсутствіи любви и подозрѣваетъ, что онъ удовлетворяетъ свое половое чувство на сторонѣ, съ прислугами и притутками. Если же сексуальный инстинктъ охлаждѣваетъ или даже вдругъ совершенно исчезаетъ, то опять-таки между супругами возникаетъ отчужденіе; у алкоголиковъ это можетъ вызвать ту опасную анормальность, что, *libido*, половое влеченіе возрастаетъ. Женщина испытываетъ физическія страданія, а мужъ, и безъ того уже опустившійся, воображаетъ, что жена, которую онъ не можетъ уже больше „удовлетворить“, развлекается на сторонѣ.

¹⁾ Отсюда постоянная наличность ревности у табетиковъ.

Здѣсь мы наталкиваемся на область, которая является источникомъ постоянныхъ супружескихъ раздоровъ и подозрѣній; мы далеки, однако, отъ мысли останавливаться на ней подробно; относительно алкоголиковъ намъ и такъ еще придется говорить ниже.

Но одно читатель пойметъ сразу: болѣзненная ревность образуетъ моментъ, за которымъ скрывается безконечно много человѣческихъ страданій и мученій съ той лишь разницей, что роли тутъ мѣняются. Мученія неудовлетвореннаго чувства и зависть испытываетъ не ревнующій, а несправедливо подозрѣваемый супругъ, который лишается всего своего спокойствія и мира и тѣмъ болѣе, что больной осыпаетъ его совершенно необоснованными обвиненіями, создаетъ «доказательства» въ своемъ аномально возбужденномъ мозгу и что онъ совершенно недоступенъ никакимъ доводамъ разсудка. Отнюдь нельзя, однако, предполагать, что лежащая здѣсь въ основѣ психическая аномальность очевидна даже и неопытному взгляду. Наоборотъ: я знаю многіе случаи, гдѣ долгіе годы, иногда даже десятки лѣтъ подрядъ губилось супружеское счастье благодаря обвиненіямъ въ невѣрности мужа или жены; обвиненія эти на время смолкали, а потомъ вновь пробуждались съ новой силою, будучи опутаны цѣлыми хитросплетеніями

мнимыхъ доказательствъ,—пока, наконецъ, не призывался на помощь врачъ, который и констатировалъ періодическое душевное расстройство.

Въ этомъ одномъ отношеніи жертвы ревности поставлены въ лучшія условія, нежели въ сферѣ нормальнаго: тутъ можно, по крайней мѣрѣ, прибѣгнуть къ защитѣ закона или же хотя бы спеціальнаго лѣченія, между тѣмъ, какъ по отношенію къ аффекту здороваго человѣка мы совершенно безсильны, хотя бы онъ и угрожалъ опасностью жизни мучимаго супруга.

Если мы обратимся теперь къ положенію, занимаемому психиатрической наукой по отношенію къ этому болѣзненному явленію, то мы несомнѣнно убѣдимся, что его практическое значеніе и распространеніе до сихъ поръ чрезвычайно преуменьшалось. Если задаться вопросомъ, въ какомъ случаѣ можно говорить *a priori* о болѣзненной ревности, то отвѣтомъ служить на это все наше предыдущее изложеніе: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ аномальное чувство подозрѣнія вызывается психическимъ расстройствомъ, можетъ проявиться ревность по отношенію къ супругу. По счастью, это является лишь исключеніемъ. Психическое заболѣваніе вызываетъ аномальное представленіе и состояніе души, но обычно оно оставляетъ въ сто-

ронѣ самую сущность характера и старые, привычные комплексы чувствъ. Такимъ образомъ, и болѣзненное подозрѣніе устремляется на болѣе отдаленный окружающій міръ, нежели на субъекта, который благодаря долголѣтнимъ узамъ любви и близости связанъ съ больнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, однако, когда измѣняется и вырождается самый характеръ, какъ напримѣръ, у алкоголиковъ, тамъ супружеская ревность, дѣйствительно, представляетъ собою повседневное явленіе.

Прежняя психіатрія знала, въ сущности, лишь одну область психической аномальности, особенность которой состояла въ томъ, что вначалѣ обнаруживалась интенсивная склонность къ супружескимъ разногласіямъ и, главнымъ образомъ, къ подозрѣнію въ измѣнѣ; все это виды и формы душевнаго расстройства на почвѣ алкоголизма и состоянія дегенераци на этой же почвѣ. Крафтъ-Эбингъ¹⁾, который уже двадцать лѣтъ назадъ во всеоружіи опыта и многочисленныхъ наблюденій интересовался этимъ вопросомъ, нашелъ, что почти у трехъ четвертей всѣхъ алкоголиковъ

¹⁾ Krafft-Ebing, „Über Eifersuchtswahn beim Mann“, „Jahrb. f. Psychiatr.“, 1891; и A. Schüller, „Eifersuchtswahn bei Frauen“, тамъ же.

возникаетъ мысль о сексуальной измѣнѣ со стороны другого супруга; на основаніи моихъ многочисленныхъ наблюденій я долженъ всецѣло съ этимъ согласиться. Мы не удивимся, что въ психіатріи манія ревности и алкоголизмъ тѣсно связуются другъ съ другомъ; если кто-нибудь выражаетъ болѣзненное подозрѣніе въ невѣрности супруга, то почти всегда предполагается, что этотъ человекъ страдаетъ алкоголизмомъ.

Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи наука выполнѣ естественно обнаружила всю односторонность этого положенія. Прежде всего были установлены разновидности паранойи, при которой мѣсто обычной маніи преслѣдованія или сутяжнаго помѣшательства заняла болѣзненная идея ревности безъ того, однако, чтобы пациенты страдали алкоголизмомъ; въ послѣдніе годы цѣлый рядъ научныхъ работъ Бри**), Валерта, Теббеца, Бехтерева, Мейера, Ясперса и французовъ Моро, Мере и Вилье дали намъ обильную казуистику специальныхъ наблюденій, изъ которыхъ

²⁾ Brie, „Psychiatr. neurol. Wochenschr.“. 1900/01. L. Wahlert, „Kasuistik des Eifersuchtswahns“. 1903, Többen, Beitrag zur Kenntnis des Eifersuchtswahns“. „Monatsschr. f. Psychiatr.“. 1906. E. Meyer, „Beiträge zur Kenntnis des Eifersuchtswahns“. Archiv f. Psychiatrie. 1910. K. Jaspers „Eifersuchtswahn etc“. „Zeitschr. f. d. ges. Neurologie u. Psychiatrie“. 1910.

слѣдуетъ, что помѣшательство въ различныхъ формахъ психозовъ можетъ развиваться въ болѣе или менѣе рѣзко выраженной степени.

Извѣстно, что относительно распредѣленія душевныхъ заболѣваній на различные классы до сихъ поръ еще въ наукѣ не достигнуто полного единства. Мы лично присоединяемся, главнымъ образомъ, къ классификаціи Крепелина, которая вообще приобрѣла себѣ наибольшее число сторонниковъ. Относительно деталей мы воспользуемся нашими личными наблюденіями, опирающимися на нѣсколько десятковъ случаевъ; при этомъ мы во многомъ будемъ слѣдовать недавнимъ работамъ Мейера и Ясперса, которые, со своей стороны, осторожно и вдумчиво использовали довольно обширный матеріалъ наблюденій.

Если мы зададимся цѣлью отъ легкихъ формъ аномальности переходить постепенно къ болѣе тяжелымъ, то исходнымъ пунктомъ намъ придется взять ту форму ревности, которая еще чрезвычайно близка къ нормальнымъ аффектамъ.

Неврастенически возбужденныя и истерическія лица, индивидуумы, находящіеся въ стадіи психически чрезвычайной раздражительности, вступаютъ особенно легко въ семейные и супружескіе конфликты: разли-

чія взглядовъ и склонностей обуславливаютъ ожесточенныя столкновенія между супругами. Подъ вліяніемъ болѣзненной раздражительности можетъ возникнуть серьезный разладъ, а въ концѣ концовъ, и полное отчужденіе между супругами; въ извѣстныхъ стадіяхъ женской половой жизни, особенно во время кормленія и въ климактерическій періодъ эти состоянія аномальной раздражительности наблюдаются особенно часто. Здѣсь нерѣдко нарушается и прерывается сексуальное сожительство супруговъ, отчасти во время періода кормленія, отчасти же вслѣдствіе женскихъ заболѣваній, которыя столь часто возникаютъ послѣ неоднократныхъ родовъ,—не говоря уже о томъ, что желаніе избѣжать новой беременности можетъ послужить поводомъ къ прекращенію регулярныхъ супружескихъ отношеній. Нерѣдко случается, что женщина по этой причинѣ или вслѣдствіе личной антипатіи къ половой жизни сопротивляется послѣдней уже въ молодые годы. И, наоборотъ, многіе мужчины отличаются чрезмѣрнымъ и продолжающимся до глубокой старости сексуальнымъ возбужденіемъ, постоянного удовлетворенія котораго они требуютъ отъ женъ.

Наиболѣе существенный моментъ мы усматриваемъ, однако, не въ этихъ половыхъ

отношеніяхъ; они играютъ роль лишь постольку поскольку способствуютъ бессознательно проявляющейся нервной раздражительности. Душевные конфликты, однако, дѣйствуютъ чрезвычайно интенсивно на всю душевную и духовную жизнь; если супруги отдаляются другъ отъ друга, избѣгаютъ всякаго рода интимныхъ проявленій чувства любви, между тѣмъ какъ прежнее чувство все еще не совсѣмъ угасло, то одна сторона, напримѣръ, жена будетъ съ удвоеннымъ чувствомъ горечи смотрѣть на вниманіе, которое оказываетъ ей мужъ другой женщинѣ, хотя бы, напримѣръ, и прислугѣ. Отсюда до подозрѣнія, а отъ послѣдняго до ревности всего лишь одинъ шагъ.

Слѣдующій этапъ образуютъ горькіе упреки и подозрѣнія, такъ называемыя, семейныя сцены; съ истерическими женщинами въ связи съ этимъ бываютъ припадки, судороги, онѣ покушаются даже на самоубійство или симулируютъ такое покушеніе, уходятъ изъ дому, готовятся къ разводу и т. д.

Излишне вдаваться въ подробности,—эти случаи представляютъ собою весьма обычное явленіе. Патологической здѣсь является лишь сила аффекта; чувства и представленія оказываются всецѣло въ рамкахъ того, что можно сказать о ревности и нормальной душевной жизни.

Наиболѣе часто, по моему мнѣнію, форму истинно болѣзненной ревности, манію ревности, мы встрѣчаемъ опять-таки не при тяжелыхъ формахъ психозовъ,—при *dementia praecox paranoïdes* и при чистой паранойѣ; большинство случаевъ тутъ относится къ простой періодической маніи и къ маниако-депрессивному помѣшательству (по Крепелину). Особенно вѣрно это по отношенію къ женщинамъ, и я могу объяснить лишь этимъ тотъ фактъ, что у женщинъ и безъ того уже кругъ представленій значительно болѣе ограниченъ, нежели у мужчинъ, кругомъ ихъ дома, семейными и супружескими отношеніями. На категорію маніи ревности во всѣхъ литературныхъ обработкахъ темы обращалось, однако, чрезвычайно мало вниманія: страннымъ образомъ, почти всегда упускалась изъ виду эта наиболѣе заурядная и наиболѣе частая форма ея. Это объясняется, по всей вѣроятности, двумя причинами: во первыхъ, тѣмъ, что аффектъ является здѣсь всего лишь однимъ симптомомъ на ряду со многими другими, болѣе типическими и, во-вторыхъ, во вниманіе принимается зачастую сравнительно мягкій характеръ душевнаго расстройства; этимъ объясняется то, что лишь долгое время спустя или вообще не замѣчается болѣзненное происхожденіе аффекта и что пациенты чрезвычайно рѣдко помѣщаются въ

психіатрическія лѣчебниці. Психіатръ-спеціалистъ видитъ ихъ поэтому очень рѣдко: французская психіатрія назвала, однако, эти формы хронической маніей, «folie raisonnante»,—душевнымъ разстройствомъ при наличности разума или, вѣрнѣе, остроумія.

Въ большинствѣ случаевъ, рѣчь идетъ о легкой маніи, гипоманіи, которая проявляется обычно въ періодическіе промежутки времени или въ періоды отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до 1—3-хъ лѣтъ, усиливается и затѣмъ сменяется. Женщины становятся сразу чрезмѣрно оживленными, говорятъ очень много, бѣгаютъ, становятся кокетливыми, зачастую хотятъ бывать всюду и участвовать рѣшительно во всемъ. Подарки и покупки всякаго рода совершаются подъ вліяніемъ минутнаго каприза, противорѣчіе мужа кажется жестокой тиранніей и скупостью. Сами онѣ, однако, становятся нетерпимыми, властными; прислуги третируются совершенно такъ же, какъ и мужья. Въ то же время, однако, наступаетъ и перемѣна въ отношеніяхъ къ мужу, появляется положительное желаніе мучить и тиранизировать; молодая женщина, которая досадовала на то, что она вновь стала беременной, но которая вообще жила въ полномъ согласіи съ мужемъ и отличалась чрезвычайно уступчивымъ и мягкимъ характеромъ, послѣ заболѣванія стала прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы

обидѣть и оскорбить мужа. Сперва она принималась его ругать за какую-нибудь придуманную ею же исторію, потомъ подбѣгала къ окну, дѣлала видъ, будто хочетъ выброститься на улицу; и когда мужъ старался ее удержать, она принималась кричать такъ неистово, что сбѣгались всѣ сосѣди. Она обрушивалась цѣлымъ потокомъ ругательствъ на мужа, кричала, что онъ бьетъ и оскорбляетъ ее. Припадокъ этотъ кончался обычно судорогами. Впослѣдствіи она признавалась сама, что должна была постоянно мучить мужа, сама не зная, почему. Другія женщины бѣгаютъ повсюду и позорятъ своего мужа; преобладающая тема—обвиненіе въ томъ, что мужъ имъ измѣняетъ; однако, оскорбляются часто и старинныя подруги, давно уже живущія въ ихъ домѣ; ихъ посѣщенія становятся для женщинъ невыносимыми. Молодымъ дѣвушкамъ живущимъ въ домѣ, приходится поскорѣе убираться. Зачастую мужъ слышитъ такую вульгарную и грубую брань, что ему приходится стыдиться прислуги.

Въ этомъ опять-таки играетъ преобладающую роль эротическій моментъ; обычно пробуждается интенсивное половое влеченіе; тутъ могутъ завязываться самыя сомнительныя связи съ посторонними, и то обстоятельство, что мужъ не удовлетворяетъ чрезмѣрную

libido и не хочет ее удовлетворять, служить, какъ мы уже говорили, мотивомъ подозрѣнія въ томъ, что онъ удовлетворяетъ свое чувство у другихъ дѣвушекъ и женщинъ и что она, жена, ему надоѣла.

Желаніе мучить мужа, распространять про него дурные слухи и питать подозрѣніе къ его супружеской вѣрности носить здѣсь явно патологическій характеръ маніи.

Это состояніе безусловно наблюдается чаще у женщинъ, нежели у мужчинъ, однако, оно въ равной степени встрѣчается и у послѣднихъ. Они тоже становятся необычайно подвижны, цѣлыми днями бѣгаютъ по городу, покупаютъ всевозможныхъ вещей, становятся упрямыми, раздражительными и прежде всего необычайно возбудимы въ половомъ отношеніи. Ихъ жены тотчасъ же подозрѣваются въ прелюбодѣяніи, даже когда онѣ и отнюдь не отличаются красотой и молодостью,—жены, которыя двадцать или тридцать лѣтъ прожили уже въ полномъ мирѣ и согласіи со своими супругами. Мужъ, напримѣръ, у котораго было уже шестеро члѣвъ дѣтей, послѣ нѣсколькихъ бессонныхъ ночей пришелъ въ сильное возбужденіе; его жена отдается всякому, кто ее захочетъ,—его землякъ, который недавно былъ у нихъ въ гостяхъ, безусловно былъ съ нею въ связи,—онъ знаетъ это достоверно. Онъ воору-

жается огромнымъ ножомъ, бросается въ сосѣдную комнату, вскакиваетъ на диванъ и утверждаетъ, что здѣсь только что произошло прелюбодѣяніе; этотъ субъектъ долженъ быть еще здѣсь, онъ ясно все слышалъ. Никакіе разумные доводы не дѣйствуютъ на него, ибо онъ знаетъ все достоверно. Такое состояніе продолжается недѣли четыре и исчезаетъ, чтобы потомъ никогда больше не повторяться.

Манія обосновывается, такимъ образомъ, иллюзорной непоколебимостью представленія, твердостью убѣжденія. Въ этомъ по существу нѣтъ ничего удивительнаго: бывають еще болѣе странныя представленія, при которыхъ столь же мгновенно дѣйствуетъ какъ бы внушеніе свыше; психопатически расположенная женщина, напримѣръ, состоящая въ родствѣ съ домовладѣльцемъ, вступаетъ въ споръ съ сосѣдомъ по квартирѣ: она раздражается и черезъ нѣсколько дней отправляется къ нему и отъ своего имени отказываетъ ему отъ квартиры. Она воображала, будто домъ принадлежит также и ей, и она можетъ отказывать жильцамъ. Въ остальномъ она была совершенно нормальна. Одна пациентка, страдавшая меланхоліей, видитъ передъ собою препарированную акулу. На слѣдующій день она со слезами рассказываетъ,

будто ея мать защита въ тѣлѣ этого животнаго. Она это твердо знаетъ.

Значительно рѣже, чѣмъ при маниакальной экзальтаціи встрѣчается патологическая ревность при депрессіи и меланхолически угнетенномъ состояніи; но и тутъ она наблюдается не слишкомъ рѣдко. Если тамъ подозрѣніе проистекаетъ изъ деспотическаго каприза и раздражительности, которая заставляетъ утверждать о прелюбодѣяніи другого супруга, то здѣсь это вызывается робко-боязливымъ душевнымъ состояніемъ. Мужъ не любитъ больше ее, она боязливо слѣдитъ за малѣйшимъ выраженіемъ его лица, случайный упрекъ представляется ей неопровержимымъ доказательствомъ, что она его больше не удовлетворяетъ. Въ одномъ случаѣ мужъ хотѣлъ оказать одолженіе женѣ и принялся въ ея отсутствіе выметать комнату; она, однако, увидѣла въ этомъ лишь упрекъ въ лѣни и въ неопрятности. Она убѣждена, что онъ отвернулся отъ нея и вступилъ въ связь съ другой женщиной. Она страдаетъ бессонницей, худѣетъ и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ее не удастся успокоить. Лишь послѣ этого она снова становится нормальной.

Тридцатитрехлѣтній столяръ, страдающій меланхоліей, чрезвычайно озабоченъ своимъ здоровьемъ, ему кажется, что товари-

щи относятся къ нему отрицательно, онъ не можетъ больше работать. Съ женою его связываютъ двѣнадцатилѣтнія, ничѣмъ не омрачаемыя супружескія отношенія; у нихъ много дѣтей. Неожиданно имъ овладѣваетъ мысль, что жена его больше не любитъ. Страннымъ образомъ, его начинаетъ беспокоить то, что жена вдругъ стала такъ ласкова съ нимъ, бросается ему на шею и спрашиваетъ: «Любишь ли ты меня?» «Развѣ я не хорошая жена?» Она ему, навѣрное, измѣняетъ, товарищи его уже обмѣниваются между собою всякими замѣчаніями,—спрашиваютъ его, на примѣръ, не собирается ли онъ домой,—

они навѣрное знаютъ, что жена принимаетъ у себя другихъ мужчинъ. Это и многое другое онъ говоритъ безъ всякаго гнѣва,—но все это его волнуетъ и доставляетъ ему заботы и горе. По отношенію къ женѣ онъ, несмотря на всѣ эти мысли, которыя онъ ей прямо высказываетъ, очень ласковъ и предупредителенъ. Когда я упрекаю его въ его ревности, онъ отвѣчаетъ: ему приходится этому вѣрить, хотя ему и самому непріятно. Вѣрныхъ доказательствъ у него, правда, нѣтъ; но товарищи знаютъ, по всей вѣроятности, больше его. Спустя четыре-пять мѣсяцевъ пациентъ этотъ не оправился, и долженъ былъ быть помѣщенъ въ психіатрическую лѣчебницу.

Этот меланхолическій типъ ревности очень интересенъ: тутъ нѣтъ и слѣда ожесточенія, единственно преобладающее чувство—заботы и боязнь. Но и тутъ не удается разумными доводами отогнать безусловно ничѣмъ немотивированныя мысли.

Встрѣчается, однако, и третій, средній, типъ: безпокойно боязливое душевное состояніе, сопровождаемое галлюцинаціями, можетъ повлечь также къ ревности или, вѣрнѣе, къ подозрѣнію одного изъ супруговъ. Одну молодую красивую женщину, двадцати шести лѣтъ, жену симпатичнаго хорошаго человѣка, недѣль шесть-восемь тому назадъ охватило состояніе внутренняго волненія. Она вставала ночью, выходила изъ спальни, прислушивалась къ шуму на улицѣ. Днемъ у нея наблюдались своеобразныя ощущенія, подымавшіяся словно изъ груди и подступающія къ горлу. Повсюду она слышала разговоры, относившіеся къ ней, люди на улицахъ отпускали на ея счетъ замѣчанія, а такъ какъ у нея былъ тонкій слухъ, то она ясно различала слова. Она слышала даже голосъ своей невѣстки, которая жила на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ нея.

Эта женщина чуть ли не съ перваго же дня начала питать подозрѣніе къ мужу; онъ позже, чѣмъ обыкновенно, возвращается домой, онъ не такъ уже ласковъ къ ней, иног-

да онъ старается отговориться чѣмъ-нибудь, лишь бы не пойти съ нею гулять. На базарѣ двѣ женщины, повидимому ея землячки, (очевидно, тоже иллюзія) говорятъ между собою: «Вотъ уже не думала я, что фрау В. способна на такія вещи!—И другая, ей отвѣчаетъ: «Нѣтъ, это все ея мужъ, онъ путается съ другими». Каждое слово мужа истолковывается ею невѣрно, она часто слышитъ то, чего онъ вовсе не говорилъ. Въ ея поведеніи какая-то странная смѣсь упорства и робости. Что голоса, которые она якобы слышитъ, несомнѣнно, продуктъ ея болѣзни, въ этомъ убѣдить пациентку невозможно. Она не довѣряетъ ни своему мужу, ни своимъ сосѣдямъ, ей необходимо быть все время насторожѣ.

При этомъ она продолжаетъ быть очень радушной ко всѣмъ постороннимъ и тщательно слѣдитъ за хозяйствомъ. Но къ мужу она, въ противоположность всей ихъ прошлой жизни, относится съ подозрѣніемъ и ненавистью,—его попытки объяснить ей необоснованность всѣхъ этихъ ея подозрѣній рушатся о непоколебимость ея мыслей. Спустя нѣсколько недѣль, потребовалось мое медицинское вмѣпательство: пациентка ничего не имѣла противъ, однако, это не заставило ее убѣдиться въ болѣзненности ея представленій. Она призналась лишь въ

томъ, что она очень взволнована, но что голоса она дѣйствительно слышитъ; ея мужъ дѣйствительно ей измѣняетъ и т. п.

Случаи такого рода относятся также къ часто наблюдаемымъ психозамъ; прежде ихъ обычно именовали такъ называемой острой (т. е. скоротечной и исцѣлимой) паранойей. Въ настоящее время ихъ также причисляютъ къ разряду манически-депрессивнаго помѣшательства (Крепелинъ) и, по моему, вполне справедливо. Бредовая идея о супружеской не вѣрности, а также и опасенія ея встрѣчаются при этихъ фактахъ, осложненныхъ обильными галлюцинаціями и иллюзіями, значительно рѣже, чѣмъ при вышеупомянутыхъ періодическихъ маніяхъ; гораздо чаще наблюдается здѣсь довольно смутная манія преслѣдованія. Вообще же характернымъ моментомъ является относительная нормальность разсудка и упорядоченность мыслей и дѣйствій и, далѣе, кореннымъ образомъ измѣненное настроеніе, въ которомъ комбинируется извѣстная безпокойная экзальтація съ легкою боязливостью.

Во всякомъ случаѣ, въ противоположность общераспространеннымъ возрѣніямъ оказалось, что патологическая ревность нерѣдко проявляется въ формѣ, поддающейся

исцѣленію¹⁾, и какъ разъ при легкихъ и болѣе мягкихъ формахъ обширной категоріи манически-депрессивныхъ психозовъ. Среди тяжелыхъ, обычно не поддающихся исцѣленію душевныхъ разстройствъ лишь параноическія и параноидныя состоянія развиваются въ рѣзко выраженную форму ревности; она играетъ въ этихъ случаяхъ либо преобладающую роль, либо же связывается съ типичной маніей преслѣдованія.

Наиболѣе своеобразной и, по счастью, довольно рѣдко наблюдающейся формой является та, когда злосчастная склонность къ ревности обосновывается характеромъ пациента, когда эта ревность непрерывно проявляется съ самаго же начала брака вплоть до конца; характеръ мышленія и чувства носить рѣзко выраженные черты аномальности, для которой Вернике нашелъ подходящее выраженіе сверхцѣнной идеи или сверхцѣннаго импульса. Значительно менѣе подходяще употребленное недавно Бехтеревымъ²⁾ выраженіе «вынужденной» ревности. Объ упорствѣ маніаковъ свидѣтельствуется очень наглядно сообщаемый Ясперсомъ случай о высшей степени

¹⁾ Я самъ наблюдалъ около двадцати случаевъ этой категоріи, исключая простой нервной формы.

²⁾ Бухтеревъ. „Über zwangsweise Eifersucht“ „Monatsschr. f. Psychiatr.“. 1909, стр. 505.

одаренномъ и интеллигентномъ пасторѣ, первая жена котораго кончила жизнь самоубійствомъ, по всей вѣроятности, благодаря мученіямъ со стороны супруга; вторая же жена развелась съ нимъ вслѣдствіе того, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ей приходилось выслушивать самыя безсмысленныя обвиненія, особенно же упреки въ половыхъ излишествахъ, въ которыхъ она будто была бы виновна до замужества. Не смотря на это, онъ уже во время свадебнаго путешествія сталъ преслѣдовать третью жену такими же упреками и обвиненіями, что она все время ему измѣняетъ; она старается будто бы усыпить его хлороформомъ, чтобы онъ не могъ слѣдить за нею: въ виду этого онъ самъ подаетъ прошеніе о разводѣ, которое, однако, какъ совершенно необоснованное, отклоняется. Онъ утверждаетъ про свою жену, что она страдаетъ нимфоманіей, т. е. испытываетъ чувство неудовлетворенности, если каждую ночь, не имѣетъ другого мужчины. Жена его показала, однако, на судѣ, что именно ея мужъ вслѣдствіе своей импотенціи чрезвычайно возбужденъ въ половомъ отношеніи,—всѣ его мысли и всѣ его поступки концентрируются вокругъ половой жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, эту форму душевнаго разстройства можно съ полнымъ основаніемъ

назвать истинной «болѣзью ревности»; здѣсь дѣйствительно имѣется лишь единственный пунктъ разстройства, мономанія, въ прежнемъ смыслѣ этого слова. Все мышленіе и чувство пациентовъ преисполняется единственной неотвязкой мыслью или боязнью супружеской неувѣрности, всѣ другіе интересы отступаютъ на задній планъ, даже трудъ становится дѣломъ второстепеннымъ, и пациенты лишь постольку работаютъ, поскольку это необходимо для поддержанія ихъ существованія. Сама мысль, однако, не достигаетъ здѣсь доказательной силы бредовыхъ представленій, о которой мы выше говорили. Въ нашихъ вышеприведенныхъ случаяхъ больные знали, что другой супругъ имъ невѣренъ,—по крайней мѣрѣ, при маническихъ и галлюцинаторныхъ формахъ; это убѣжденіе проявляется еще сильнѣе при разнаго рода формахъ паранойи.

Здѣсь, однако, представленіе носитъ болѣе нормальный характеръ, но тѣмъ самымъ оно представляетъ гораздо большую опасность. Больной лишь испытываетъ несокрушимую вѣру, у него лишь эмоціональное убѣжденіе въ томъ, что жена,—эта форма встрѣчается наиболѣе часто у мужчинъ,—измѣняетъ ему и измѣняла ему уже раньше. А такъ какъ заболѣваніе не поражаетъ въ

то же время его интеллекта и его механизма суждений, то онъ ищетъ все время какихъ-либо доказательствъ. Его жизнь превращается въ сплошную цѣпь самыхъ невѣроятныхъ обвиненій и фантастическихъ продуктовъ фантазіи; это безконечная вереница всевозможныхъ хитроумныхъ наблюдений, вѣчной слѣжки, стараній когда-нибудь *in flagranti* констатировать прелюбодѣяніе. Наряду съ фантазіями о послѣднихъ и импульсу къ наблюдению и выслѣживанію имѣется еще третій моментъ, наличность котораго особенно тяжела для несчастныхъ женщинъ: это неукротимое желаніе добиться признанія; а такъ какъ послѣднее, конечно, очень трудно, то больной придумываетъ всевозможныя средства душевныхъ и даже физическихъ пытокъ, лишь бы вынудить такое признаніе.

Это начинается обычно уже въ первую брачную ночь, когда подвергаются тщательному разслѣдованію мельчайшія детали; затѣмъ появляется желаніе выпытать всѣ подробности о половой жизни до брака. Вслѣдъ за этимъ появляются на сцену и всевозможныя подозрительныя «факты», доказывающіе неудовлетворенность жены и ея стремленіе соблазнить каждаго мужчину, котораго она видитъ. При этомъ опять характерно то, что ни всѣ неудачи, ни всѣ бесплодныя наблюдения,

ни неприкосновенность замковъ, ни какія бы то ни было предохранительныя мѣры ничего не доказываютъ. Хитроумная женщина, навѣрное, нашла какой-нибудь выходъ, навѣрное, придумала какую-нибудь новую комбинацію. Такой мужъ, конечно, несчетное количество разъ возвращается неожиданно домой, придумываетъ всевозможныя поѣздки, которыя онъ вовсе не совершаетъ; постоянно наблюдается при этомъ подозрѣніе при выходѣ жены въ отхожее мѣсто, куда мужъ не можетъ сопровождать ее. Здѣсь якобы наиболѣе удобное мѣсто для разврата.

Характеръ такихъ больныхъ можетъ быть самымъ добродушнымъ; бракъ заключается обычно лишь по любви. Въ пациентахъ мы находимъ наличность особаго опаснаго смѣшенія упрямства, своеправія и тираніи, съ одной стороны, и робости, неувѣренности и слабости, съ другой. Интеллектуальный уровень можетъ быть совершенно нормальнымъ, больные ведутъ правильный образъ жизни, не пьютъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, имѣется налицо интенсивное половое чувство.

Отъ нормальной ревности эти болѣзненные случаи отличаются двумя важными моментами, не говоря уже объ абсурдности и слѣпой силѣ импульса и всей ихъ общей

формы. Во-первыхъ, и здѣсь аффектъ появляется не благодаря сопернику и не благодаря наблюденію надъ дѣйствительными или мнимыми домогательствами расположенія со стороны супруга. Наоборотъ, все горе этихъ людей заключается въ томъ, что никогда ничего подобнаго имъ видѣть не удастся. Первоначально является и здѣсь несомнѣнно склонность къ подозрѣнію супруга,—вынужденное недовѣріе ихъ вѣрности. Во-вторыхъ, тутъ нельзя говорить о «мукахъ ревности», о дѣйствительныхъ душевныхъ страданіяхъ болыного. Онъ преисполняется своимъ стараніемъ что-нибудь выслѣдить и подмѣтить,—эти заботы настолько его поглощаютъ, что дѣло доходитъ даже до проявленій его гнѣва по отношенію къ женѣ. Онъ по своему ее любитъ, идетъ за нею, когда она, наконецъ, теряетъ терпѣніе и уходитъ изъ дому, и можетъ даже иногда принудить себя къ любви къ ней, или обратиться къ врачу, чтобы выяснитъ характеръ страданій. Женѣ, однако, онъ превращаетъ жизнь въ сплошную адъ, мучаетъ ее съ изысканной утонченностью, иногда наноситъ ей даже побои, но вслѣдъ за этимъ готовъ даже просить у нея прощенія.

Случаи такого рода изумительно похожи другъ на друга; тутъ наблюдается совершенно одинаковыя средства и способы выслѣживанія. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ нуж-

нымъ детально рассмотреть одинъ изъ такихъ случаевъ и познакомиться со своеобразнымъ образомъ дѣйствій такихъ «безумцевъ ревности».

А. Ф., коммерсантъ, тридцати трехъ лѣтъ, происходитъ изъ психопатической семьи, ведетъ чрезвычайно солидный образъ жизни, очень прилеженъ, въ хорошихъ отношеніяхъ съ товарищами и со всѣми окружающими, только не съ женой. Не пьетъ. Приходитъ ко мнѣ, чтобы я ему помогъ; этого требуетъ жена. Всѣ говорятъ, что онъ ревнуетъ безъ всякой причины, онъ этому не вѣритъ, но все-таки хочетъ сдѣлать эту послѣднюю попытку, прежде чѣмъ подать прошеніе о разводѣ. Онъ женился на бѣдной хорошенькой славной дѣвушкѣ съ безупречной репутаціей; ей теперь двадцать четыре года. Она хорошая хозяйка, скромная, но онъ убѣжденъ, что она ему измѣняетъ. Съ перваго дня брака она имѣла связь съ однимъ офицеромъ, а потомъ съ однимъ изъ его друзей. У него есть на это серьезныя основанія. Она подолгу остается въ отхожемъ мѣстѣ. Онъ написалъ офицеру, просилъ и умолялъ даже его оставить жену въ покоѣ, а потомъ подошелъ къ нему на улицѣ. Въ результатѣ тотъ подалъ на него жалобу по обвиненію въ оскорбленіи, и онъ былъ наказанъ. Аналогично обстояло дѣло и во многихъ другихъ случаяхъ. Ему приходится

перебзжать изъ города, въ городъ, нигдѣ онъ не можетъ прожить больше двухъ мѣсяцевъ, ему постоянно приходится терпѣть непрятности изъ-за жены. Благодаря этому, конечно, и ихъ матеріальное положеніе не изъ завидныхъ. Его жена обманывала его безконечное число разъ. Доказательство: когда онъ неожиданно возвращается домой, онъ часто застаётъ ее полуодѣтой; она при этомъ смущается. Онъ слышалъ даже не разъ запахъ мужской спермы на ея бѣльѣ.

Онъ дѣлалъ неоднократныя попытки застигнуть ее на мѣстѣ преступленія, но она такъ хитра, что постоянно ускользаетъ отъ него. Ему приходится каждую ночь держать ея руку въ своей, чтобы убѣдиться, что она не встанетъ съ постели. Цѣлыми часами онъ нарочно не спитъ или старается проснуться ночью, чтобы посмотрѣть, что она дѣлаетъ. Ея руку и дверь спальни онъ привязываетъ веревкою къ своей рукѣ; въ дверяхъ у него замокъ съ секретомъ, открывать который умѣетъ только онъ одинъ; кромѣ того, дверь у него каждую ночь запечатывается, полъ посыпается пепломъ: слѣды пепла онъ замѣчалъ у жены на ногахъ. Она хотя и говорила, что вставала ночью изъ-за естественной потребности, но онъ этому не вѣритъ. То, что печати и замки остаются нетрону-

тыми, это правда. Но именно это-то и вселяетъ въ него подозрѣніе, жена постоянно разрушаетъ всѣ его мѣры предосторожности и замечаетъ за собою всѣ слѣды.

Его главнымъ доказательствомъ является однако, «признаніе». Она вѣдь сама ему призналась, значить, это правда. Но какъ онъ достигъ этого? Сперва онъ два-три года тщетно старался поймать ее на мѣстѣ преступленія, билъ ее даже, но ничто не помогало. Онъ готовъ ей все простить, лишь бы она только призналась. Но она, однако, продолжала упорно отрицать свою вину,—тогда онъ прибѣгъ къ хитрости и сказалъ: «Ты видишь, я не нахожу себѣ мѣста. Признайся мнѣ, я тогда успокоюсь. Все это будетъ предано забвенію». Она уступила его желанію. Онъ спросилъ ее: «Вѣдь, правда, ты была въ связи съ офицеромъ? Онъ проникъ къ тебѣ однажды въ комнату, поцѣловалъ тебя и т. д.?»

Добившись этого «признанія», онъ изготавилъ длинную рукопись; онъ исписалъ четыре листа со всѣми наблюденіями и добавилъ сюда, конечно, и признаніе. То, что она впоследствии отрицала послѣднее, ничего не доказываетъ. Онъ очень радъ, что все это у него записано.

Жена его измучена въ конецъ. Не смотря

на свой мягкой характер, ей противно безпрестанно, и день и ночь, слышать только разговоры о половой жизни и о таких подробностях, о которых она никогда не имѣла понятія. Я пробовалъ уговорить этого человѣка, доказывалъ ему всю нелѣпость ея «признанія» и обращалъ его вниманіе на всю безнравственность его поведенія. Онъ слушалъ меня, хотя и недовѣрчиво, но все же терпѣливо,—вообще это былъ человѣкъ добрый, со мной онъ былъ всегда очень вѣжливъ и любезенъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ принималъ всевозможныя лѣкарства для успокоенія. Ну, а результатъ? Спустя три мѣсяца онъ исчезъ изъ нашего города; а еще черезъ два меня вызвали на судъ въ качествѣ свидѣтеля, потому что онъ подалъ прошеніе о разводѣ. Очевидно, однако, что прошеніе это онъ вскорѣ взялъ обратно, такъ какъ я больше объ этомъ ничего не слыхалъ.

Мѣсто не позволяетъ намъ приводить еще и дальнѣйшіе случаи такого же рода. Мы постараемся, однако, иллюстрировать небольшимъ примѣромъ различіе между этой формой и ревностью при *mania levis*.

Б. К., ремесленникъ сорока пяти лѣтъ; женатъ на красивой двадцатичетырехлѣтней вдовѣ съ хорошей репутаціей и добродушнымъ характеромъ; до свадьбы у нея былъ

табачный магазинъ. Самъ онъ вель солидный образъ жизни, тщательно слѣдилъ за своей внѣшностью, отличался трудолюбіемъ. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ сталъ раздражительнымъ, началъ говорить больше, чѣмъ раньше, сталъ проявлять властолюбіе. Въ свою жену онъ влюбленъ. Половое чувство у него очень интенсивно. Вскорѣ проявилась и ревность; онъ убѣжденъ, что ему удалось «открыть» ея связь съ хозяиномъ и съ двумя или тремя покупателями. Этому пациенту не нужно было искать и выслѣживать,—у него были доказательства. Ему достаточно того, что хозяинъ охотно разговариваетъ съ его женою, что она одинъ разъ пробыла долгое время въ его квартирѣ.

Онъ посылаетъ хозяину анонимныя письма, полныя всевозможныхъ циничныхъ ругательствъ; а однажды бросаетъ ему обвиненіе даже, прямо въ лицо. Тотъ подаетъ въ судъ, и его наказываютъ за оскорбленіе. Съ женою у него происходятъ теперь ежедневныя сцены, онъ таскаетъ ее за волосы, но тотчасъ же проситъ прощенія. Хорошо поставленный табачный магазинъ приходится продать; ему самому надоѣдаетъ работать на фабрикѣ. Онъ долженъ быть самъ себѣ господиномъ, т. е. имѣть возможность слѣдить за женою. Впрочемъ, вести дѣло и безъ того уже стало трудно, такъ какъ онъ обруши-

вается чуть ли не съ ругательствами на каждого новаго покупателя. Вмѣстѣ съ женою онъ начинаетъ новое дѣло—агентурное.

Сильная ревность продолжается два-три года; вслѣдъ за этимъ пациентъ становится спокойнѣе, примиряется съ женою, но никогда не признается въ томъ, что онъ ошибался. Онъ готовъ признать развѣ только, что жена не сдѣлала послѣдняго шага. Впослѣдствіи манія ревности у него не проявлялась, т. е. поддавалась исцѣленію.

Какъ ни кратко изложенъ этотъ случай, различіе бросается все же въ глаза; тутъ тѣ же самыя мысли, то же самое желаніе слѣдить и наблюдать. Но нашему второму пациенту не приходится посвящать полжизни на шпионство; у него тотчасъ же появляются доказательства, онъ знаетъ, что жена ему измѣняетъ и дѣйствуетъ согласно этому. Если онъ психически и сильнѣе боленъ, чѣмъ другой пациентъ, то все же его страданія значительно мягче. У него манія вытекаетъ лишь изъ его аномально возбужденнаго и экзальтированнаго настроенія, въ которомъ выражается преходящее разстройство; въ первомъ же случаѣ мы имѣемъ передъ собою неутолимое желаніе думать исключительно о прелюбодѣяннѣ и ни о чемъ другомъ. Этотъ случай поддается исцѣленію, первый же неисцѣлимъ, если даже па-

циентъ будетъ женатъ три или сколько угодно разъ.

Поистинѣ счастье, что эта форма наблюдается довольно рѣдко¹⁾. Правда, зачастую очень трудно провести границу между нею и эксцессивно нормальною ревностью, и особенно аффектомъ у неврастениковъ и истериковъ. Я полагаю назвать эту форму «импульсивной маніей».

Если мы видѣли, такимъ образомъ, что настоящая манія ревности прогностически не неблагоприятна и даже, наоборотъ, что большинствомъ этихъ случаевъ поддается исцѣленію, хотя зачастую и повторяется периодически, то все же нерѣдко манія (при отсутствіи алкоголизма) наблюдается при формахъ рѣзко выраженной паранойи и *dementia paranoïdes*; здѣсь она почти всегда поддается излѣченію, какъ и вообще всѣ эти заболѣванія.

Клиническими признаками всѣхъ параноическихъ заболѣваній, какъ установлено еще со времени Вестфала, т. е. уже свыше сорока лѣтъ, обосновывается то, что наблюдается преимущественно заболѣваніе интеллектуальнаго аппарата, которое выражается въ образованіи неисцѣлимыхъ бре-

¹⁾ Я лично наблюдалъ ее всего раза четыре-пять. Ясперсъ упоминаетъ о трехъ случаяхъ.

довыхъ идей. Онѣ могутъ оставаться единственными аномальными симптомами, мышление и даже чувство,—въ послѣднемъ слѣдуетъ исключить тѣ представленія, которыя соприкасаются съ бредовой идеей,—можетъ протекать столь нормально, какъ и раньше; всѣ профессиональная и социальная отношенія и функціи сохраняютъ свой обычный характеръ. Насколько мало пациентъ представляется окружающимъ душевно-больнымъ, мы можемъ видѣть изъ того факта, что великій Жанъ-Жакъ Руссо половину своей жизни страдалъ параноической маніей преслѣдованія и какъ разъ въ этотъ періодъ создалъ свои безсмертныя творенія.

Относительно клиническаго разграниченія отдѣльныхъ параноическихъ формъ не достигнуто, впрочемъ, еще до сихъ поръ единодушія; отъ послѣдняго мы, можетъ быть, еще дальше теперь, чѣмъ пять, десять лѣтъ назадъ. Относительно же важнѣйшихъ критеріевъ—а это именно только и интересуетъ насъ—не имѣется, однако; никакихъ серьезныхъ противорѣчій; мы предпочитаемъ придерживаться здѣсь наипростѣйшей классификаціи и различаемъ: а) систематическую, скорѣе болѣе хроническую и медленно развивающуюся форму, при которой отсутствуютъ обычно грубыя галлюцинаціи, остаются въ неприко-

сповенности весь духовный обликъ и интеллигентность и при которой образуется довольно связанная, логически разработанная и обоснованная бредовая система. Это *paranoia chronica simplex*. Это отнюдь не чистая форма психическаго заболѣванія, ее слѣдуетъ разсматривать, какъ разновидность психическаго вырожденія на почвѣ врожденнаго психическаго предрасположенія.

Отъ нея отличается вторая, значительно болѣе часто наблюдаемая форма, б) хроническая галлюцинаторная паранойя, которая въ общемъ совпадаетъ съ *dementia praecox paranoïdes* Крепелина. И тутъ на первый планъ выступаетъ манія преслѣдованія; исключая, однако, участія обильныхъ здѣсь галлюцинацій, тутъ отсутствуетъ внутренняя замкнутость бредовыхъ представленій,—весь духовный обликъ, а также и интеллигентность претерпѣваютъ съ теченіемъ времени измѣненія и въ концѣ наблюдается полное разрушеніе личности; однако, тутъ наблюдается и промежуточная фаза, при которой пациенты сохраняютъ свои бредовыя идеи въ менѣе отчетливой формѣ, но зато могутъ исполнѣ нормально участвовать въ семейной и трудовой жизни. Одинъ пациентъ такого рода продолжалъ даже службу въ государственномъ банкѣ; незамужнія дѣвушки могутъ служить при этомъ въ конто-

рахъ или же заниматься шитьемъ. Поддающіяся исцѣленію формы мы (вмѣстѣ съ Крепиномъ, Блейлеромъ и др.) относимъ къ числу манически депрессивныхъ психозовъ, между тѣмъ какъ многіе другіе авторы (Ціентъ, Зимерлингъ, Вернеръ, Томсенъ, Кеппенъ и др.), согласно старой схемѣ, считаютъ ихъ все еще «острой галлюцинаторной паранойей».

Все это мы считали необходимымъ сообщить для пониманія со стороны не-специалиста. Для психологическаго пониманія простѣйшая хроническая паранойя даетъ намъ наиболѣе ясную точку зрѣнія. Если мы представимъ себѣ наипростѣйшій случай такого рода, то примѣромъ намъ можетъ послужить слѣдующее: одинъ коммерсантъ тридцати лѣтъ замѣчаетъ, что его vis-a-vis, одна молодая дама изъ уважаемой семьи, имъ интересуется. Онъ пишетъ ей письма, въ которыхъ увѣряетъ ее въ своей любви. Почти одновременно съ этимъ онъ замѣчаетъ, что у него есть множество враговъ, которые завидуютъ его счастью. На улицѣ ему смѣются прямо въ лицо,—куда онъ приходитъ, всѣ смотрятъ на него, и онъ слышитъ, какъ по его адресу шепчутся. Дома отъ него утаиваютъ важныя письма, его платья намѣренно портятся прислугой; въ конторѣ, гдѣ онъ работаетъ выше шести лѣтъ, товарищи относятся къ не-

му самымъ отвратительнымъ образомъ, такъ что онъ вполне серьезно обращается къ нимъ и съ однимъ изъ нихъ вступаетъ въ споръ. Онъ не рѣшается больше ходить въ знакомыя кафе и, даже отправившись по дѣлу во Францію, онъ видитъ, что и тамъ у него много враговъ. Въ ресторанѣ, куда онъ входитъ, всѣ переглядываются, нѣкоторые демонстративно покидаютъ залъ, другіе говорятъ: «Вотъ онъ, вотъ онъ!» Кельнеръ не хочетъ ему подавать и заставляетъ его ждать дольше другихъ. Онъ замѣчаетъ уже давно, что его тѣло измѣнилось и какъ бы отравлено: мысли его «ускользаютъ», его силы слабѣютъ, половая потенція также; въ другихъ случаяхъ, однако, онъ наблюдаетъ у себя повышенное половое чувство. Когда онъ видитъ любимую дѣвушку у окна, къ ней тотчасъ же подходитъ ея братъ и уводитъ ее. Самъ онъ испытываетъ при этомъ какую то дрожь всего тѣла, вѣроятно благодаря гипнозу, которымъ на него оттуда стараются воздѣйствовать.

Причина всего этого: родственники дѣвушки не хотятъ ея брака, они возстановили противъ него весь городъ и особенно персоналъ конторы. Чтобы спасти свое существованіе, онъ написалъ дѣвушкѣ, что по всей вѣроятности ошибся; онъ отказывается отъ нея. Однако, онъ не получилъ даже отвѣта. Исторія эта

длится около двухъ лѣтъ и, по есей вѣроятности, будетъ продолжаться и дальше.

Въ нѣкоторыхъ, довольно рѣдкихъ случаяхъ на мѣсто только что очерченной нами типичной картины наблюдается другая, при которой на первый планъ выступаетъ маниа ревности, представленіе о супружеской невѣрности. Мнѣ кажется наиболѣе цѣлесообразнымъ иллюстрировать этотъ случай однимъ изъ примѣровъ Ясперса¹⁾, которые изложены имъ очень детально. Мы приведемъ здѣсь этотъ примѣръ въ извлеченіи.

Максимъ М., учитель сорока восьми лѣтъ, въ молодости отличался здоровьемъ; съ двадцати четырехъ лѣтъ постоянно ссорился съ пасторомъ мѣстечка, гдѣ онъ жилъ, и вообще со всѣми обывателями; онъ интриговалъ, возбуждалъ людей другъ противъ друга, говоря, что къ нему скверно относятся. Вслѣдствіе этого его неоднократно переводили съ мѣста на мѣсто. Нѣсколько лѣтъ затѣмъ онъ прожилъ спокойно. На сорокъ третьемъ году у него обнаружилась вдругъ сильная ревность по отношенію къ женѣ, съ которой онъ прожилъ пятнадцать лѣтъ и отъ которой имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Его жена была образцовой матерью и супругой;

¹⁾ J a s p e r s, „Eifersuchtswahn.“ „Zeitschr. f. d. gesamte Neurologie u. Psychiatrie“ 1910.

прошлое ея не было незапятнано ничѣмъ. Какой то негодяй ему разсказалъ, что онъ знаетъ троихъ людей, съ которыми его жена ему измѣняла.

М. находится въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи. Вначалѣ ему кажется, что жена хочетъ его отравить: блинчики имѣютъ какой-то горькій привкусъ; онъ заболѣваетъ, у него дѣлается рвота. Нѣсколько дней спустя, въ маѣ 1903 года М. хватается за топоръ, выгоняетъ беременную жену изъ дому и подымаетъ скандалъ. Ему кажется, будто эти трое людей стерегутъ его передъ домомъ и замышляютъ убійство. Онъ обращается съ письмомъ къ прокурору и къ школьнымъ властямъ; жена его давно уже находится въ связи съ бургомистромъ и еще съ двумя мужчинами. Всюду ему мерещится ядъ. Въ школу онъ больше не ходитъ и подаетъ прошеніе о разводѣ.

20-го мая 1903 года М. помѣщаютъ въ психіатрическую лѣчебницу. Здѣсь онъ ведетъ себя совершенно спокойно, разсудительно и вѣжливо относится къ персоналу. Конечно, помѣщеніе въ психіатрическую лечебницу—лишь махинаціи его жены и бургомистра,—они могутъ теперь спокойно продолжать свою связь.

Онъ подаетъ одно прошеніе о разводѣ за

другимъ, рассказываетъ въ подробностяхъ событія злополучной ночи и утверждаетъ, что совершенно здоровъ—онъ сдѣлался нервнымъ только благодаря яду.

Съ теченіемъ времени М. придумываетъ еще цѣлый рядъ новыхъ преступленій жены. Она хотѣла отравить его еще въ 1902 году. Въ 1894 году онъ, вернувшись однажды домой, засталъ въ спальнѣ жены Шмидта; къ сожалѣнію, тотъ отъ него ускользнулъ. Въ 1895 году она пригласила къ себѣ въ кухню цѣлую компанію изъ пѣвческаго хора, которымъ онъ дирижировалъ; еще какъ-то она заманила къ себѣ въ кухню маляра и онъ подслушалъ ихъ разговоръ. А потомъ пошла исторія съ бургомистромъ, которая длится еще до сихъ поръ. Его жена, дьявольская женщина, все отрицаетъ. Она властолюбива, избалована и капризна; онъ долженъ былъ терпѣть всю эту гадость отчасти изъ желанія избѣгнуть скандала, отчасти же потому, что она запугивала его угрозами.

Попытка жены спустя нѣсколько мѣсяцевъ взять его изъ психіатрической лечебницы не увѣнчалась успѣхомъ. Ей вскорѣ пришлось уйти изъ дому. Больной провелъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ лечебницѣ, оставаясь по прежнему вѣрнымъ себѣ и нормальнымъ рѣшительно во всемъ, кромѣ своей маніи, хотя «страннымъ образомъ» ему не уда-

валось убѣдить въ истинномъ положеніи вещей начальство, врачей и вообще постороннихъ.

Черезъ три года его выписали, онъ зажилъ одинъ, семья получала пенсію, а самъ онъ поддерживалъ свое существованіе частными уроками. Никакими странностями не отличался. Умственные способности нисколько не понизились, весь характеръ не претерпѣлъ никакихъ измѣненій. Отъ своихъ мыслей онъ, однако, не отказался.

Тутъ передъ нами самая существенная сторона процесса: психопатически расположенный учитель, обнаруживавшій уже съ молодыхъ лѣтъ разнаго рода навязчивыя идеи, попадаетъ на сорокъ второмъ году своей жизни въ возбужденіе, которое, будучи вызвано какими то сплетнями, вызываетъ въ немъ манію супружеской невѣрности, соединенную съ маніей отравленія и другими аномальными физическими ощущеніями.

Сперва нѣсколько человекъ, а потомъ и всѣ, съ кѣмъ когда-либо встрѣчалась его жена, обвиняются имъ безъ всякаго фактическаго основанія въ прелюбодѣяніи съ его женою. Тутъ играютъ несомнѣнную роль мгновенные образы фантазіи, которые тотчасъ же перемѣшиваются и комбинируются съ фактами. Галлюцинацій мы здѣсь не наблюдаемъ; тутъ все тотчасъ же принимаетъ ха-

раκτήрь неопровержимой истины. Въ остальномъ же интеллигентный и способный человѣкъ не претерпѣваетъ никакихъ измѣненій.

Характеръ психическаго разстройства тутъ ясенъ. Механизмъ сужденія нѣсколько отклоняется отъ нормы. Все, что пациентъ живо себѣ представляетъ, тотчасъ же *eo ipso* становится истиной, субъективно непоколебимой. Это относится, однако, лишь къ области маніи; во всемъ остальномъ разсудокъ работаетъ, какъ и раньше. Бредовыя сужденія совершаются благодаря этому лишь тамъ и тогда, когда обнаруживается одновременно и сильное аффективно-психическое возбужденіе. Ввиду этого зачастую многіе высказывались, что сильный аффектъ является уже самъ по себѣ психологической причиной, вызывающей въ субъектѣ бредовое сужденіе. Каждый человѣкъ вѣритъ въ то, во что ему хочется вѣрить; мать всегда будетъ увѣрена, что ея сынъ правъ въ спорѣ; изобрѣтатель убѣжденъ, что его изобрѣтеніе геніально, даже если всѣ противъ этого спорятъ.

Что это объясненіе не можетъ, однако, удовлетворить еще насъ, показываетъ наиболѣе ярко тотъ превосходный примѣръ, который дастъ намъ вышеупомянутая сверхчѣнная ревнивая вѣра. Эти лица находятся въ состояніи сильнѣйшаго аффекта и все же всю

свою жизнь гонятся за доказательствами, ни когда, однако, ихъ не получая. Они не достигаютъ, такимъ образомъ, даже законченнаго бредового сужденія параноика и даже маниака. Но отсюда проистекаютъ все же ихъ постоянныя волненія; все, что осуществляется здѣсь въ интеллектѣ, является страстною вѣрою. Вѣра, однако, не есть еще знаніе; точно также обстоитъ дѣло и съ религіей. Экстатичный человѣкъ можетъ достигъ спокойнаго знанія,—другой же смертный съ нормальнымъ мыслительнымъ аппаратомъ достигаетъ болѣе или менѣе искренней вѣры. Нормальный человѣкъ знаетъ только, что онъ воспринимаетъ своими чувствами; все остальное онъ можетъ только предполагать: такъ обстоитъ дѣло и съ импульсивно ревнивыми людьми; нашъ пациентъ, напримѣръ, лгалъ самому себѣ, когда утверждалъ, что признаніе вселило въ него увѣренность. Поэтому-то онъ ни на минуту и не прекращалъ своей погони за доказательствами. Параноика, однако, отнюдь не можетъ смутить тотъ фактъ, что во всемъ мірѣ нѣтъ человѣка, который бы съ нимъ хотя бы отчасти былъ согласенъ.

На чемъ, въ конечномъ счетѣ, основывается измѣненный механизмъ сужденія при чистой маніи,—объ этомъ много говорили и другіе авторы, и я самъ. Я лично предполагаю, что повышеніе интенсивности представленій

играетъ рѣшающую роль, все равно, какъ въ экстазѣ; другіе же считаютъ наиболѣе существеннымъ моментомъ усиленіе аффекта (Шпехтъ, Блейлеръ и др.),—на мой взглядъ это неправильно, третьи предполагаютъ въ качествѣ причины повышенную или пониженную аперцепцію (Берце). Гитцигъ придавалъ первенствующее значеніе пониженію интеллекта; это во всякомъ случаѣ ошибочно. Вернике выставляетъ теорію, что бредовая идея совершенно отдѣлена отъ прочаго содержанія мышленія. Эта проблема одна изъ самыхъ интересныхъ въ психопатологіи; тѣмъ не менѣе рамки нашей работы не позволяютъ намъ останавливаться на ней подробнѣе.

Мы скажемъ только одно: субъективное твердое убѣжденіе достигается здѣсь обычно въ тотъ самый моментъ, когда возникаетъ идея. Многіе пациенты говорятъ, что они испытываютъ чувство, будто должны принять это, даже если ихъ собственный разумъ и протестуетъ. Одинъ пациентъ видитъ, какъ прохожій сплевываетъ; ему тотчасъ же «внушается», что тотъ это дѣлаетъ, желая его оскорбить.

Относительно галлюцинаторной паранойи намъ достаточно сдѣлать всего лишь нѣсколько указаній. Необходимо установить тотъ фактъ, что она наблюдается значитель-

но чаще, чѣмъ простая систематическая форма и что далѣе въ ней значительно чаще наблюдается наличность маніи прелюбодѣнія и ревности. Идеи обладаютъ вообще точно такимъ же содержаніемъ и носятъ тотъ же характеръ и сопровождаются только все возможными галлюцинаціями по большей частью голосами, но также и галлюцинированными общими чувствами, главнымъ образомъ въ половой сферѣ.

Одна сорокалѣтняя женщина, напимѣръ, отличавшаяся съ молодыхъ лѣтъ аномальнымъ характеромъ, съ ярко выраженной наследственностью, подвергается кастраціи ввиду тяжелаго заболѣванія. Тотчасъ же у нея появляется манія, что мужъ ее больше не любитъ, такъ какъ она не можетъ рождать дѣтей. Поэтому она все время сердится на него и обвиняетъ въ томъ, что онъ при помощи нѣкоторыхъ кушаній возбуждаетъ ее половое чувство; она испытываетъ какія-то странныя ощущенія въ половой сферѣ. У нея имѣется странная способность во всемъ, что ей говорятъ, слышать нѣчто, совершенно другое, то, о чемъ она сама думаетъ. Такъ, она воображаетъ, будто въ отвѣтъ на ея жалобу мнѣ на боли въ области живота, я утверждаю, что это родовыя схватки; она убѣждена, что она уже не разъ съ тѣхъ поръ родила маленькихъ дѣтей, которыя всякій

разъ со злымъ умысломъ были устраняемы отъ нея мужемъ. Мужъ осыпаетъ ее ежедневно отвратительною бранью; такъ же относится къ ней и прислуга. Благодаря постояннымъ обвиненіямъ и сценамъ въ домѣ воцаряется адъ. Ей кажется, будто я ей сказалъ: берегитесь вашего мужа, онъ хочетъ отъ васъ избавиться.

Спустя три-четыре года появляются массовыя галлюцинаціи; ея мужъ страстно хочетъ ребенка. У него теперь цѣлый рядъ любовницъ. Къ ней самъ онъ не прикасается (мужъ ея самъ былъ человѣкомъ болѣзненнымъ и уже не молодымъ). Отъ него она слышитъ всевозможную брань; прохожіе на улицѣ и покупатели въ магазинѣ рассказываютъ все время объ его интрижкахъ: «А, знаете, сейчасъ вашъ мужъ у фрейлейнъ Н!»—«Что за глупая женщина, ничего не замѣчаетъ!»—«Развѣ вы не знаете, что у вашего мужа уже трое незаконныхъ дѣтей?» Семейныя сцены становятся все болѣе тягостными, жена запирается къ себѣ въ комнату; ей повсюду мерещатся попытки отравленія. Въ исторію съ незаконными дѣтьми паціентка твердо вѣрить. Въ концѣ концовъ она уходитъ отъ мужа и подаетъ прошеніе о разводѣ. Въ остальномъ она хотя и была умственно ограниченою, но въ общемъ оставалась нормальной, мыслила и говорила совершенно, какъ раньше, и не об-

наруживала никакого душевнаго вырожденія.

Здѣсь, такимъ образомъ, идея супружеской молодости, а затѣмъ и измѣны долгіе годы стояла на первомъ планѣ, будучи вызвана у психологической женщины злополучной кастраціей, которая ее угнетала и волновала. Въ другихъ случаяхъ измѣненію подвергается вся психика паціента. Женщина въ климактерическій періодъ начинаетъ вдругъ замѣчать, что прислуга ее повсюду обманываетъ, шпионитъ за нею и говоритъ про нея всякія гадости. Вслѣдъ за этимъ ей представляется, что сосѣди вслухъ ругаютъ ее, и она имъ отвѣчаетъ. Такъ какъ противъ этого протестуетъ ея мужъ, то наступаетъ и его очередь; онъ развратничаетъ со всѣми. Она прогоняетъ одну прислугу за другою. Спустя годъ-два, вся женщина совершенно преображается. По цѣлымъ мѣсяцамъ она не выходитъ изъ дому; она, правда, хозяйничаетъ, но по ночамъ бродитъ по комнатамъ и громко ругается. Супруги спятъ въ разныхъ комнатахъ. Вскорѣ съ ней говорятъ лишь о самыхъ необходимыхъ вещахъ; она не интересуется ничѣмъ, ничего не хочетъ знать. Всѣ люди ея враги,—ея мужъ сталъ пашей, который ежедневно мѣняетъ любовницъ. Для него у жены есть только брань; «Оставь меня въ покоѣ, негодай!» Время отъ времени она нападаетъ на какую-нибудь дѣвушку въ

домѣ и начинаетъ ее бить. Пребываніе въ психіатрической лѣчебницѣ не принесло ей пользы. Кое-что у нея все же сохранилось; когда я являюсь къ ней, она разсудительно сообщаетъ мнѣ о своемъ здоровьѣ. Ни о какомъ супружескомъ общеніи, даже въ духовномъ смыслѣ, не можетъ быть и рѣчи; она утратила даже интересъ къ школьнымъ занятіямъ своихъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ прошло, однако, семь лѣтъ, но какихъ-либо существенныхъ перемѣнъ я не замѣтилъ.

Это образчикъ болѣе тяжелой формы *dementia paranoïdes*. Бредовыя идеи и здѣсь непоколебимы: но имъ недостаетъ логической связи и системы. Духовные интересы значительно понижаются, хотя, однако, нельзя констатировать какихъ-либо опредѣленныхъ дефектовъ. Во всякомъ случаѣ, однако, такія лица совершенно потеряны для какой-либо соціальной формы сожителства.

Поставить діагнозъ преувеличенныхъ и часто причудливыхъ формъ ревности не трудно и профану; болѣзненность накладываетъ свой очевидный отпечатокъ на идеи, а что галлюцинаціи всегда носятъ психопатическій характеръ, какъ только появляются въ обильномъ количествѣ, это знаетъ всякій, за исключеніемъ больного, которому онѣ постоянно кажутся вполнѣ реальными. Устремленіе аномальныхъ идей на чувство рев-

ности было, однако, во всѣхъ патологическихъ формахъ всегда чѣмъ-то скорѣе случайнымъ, за однимъ единственнымъ исключеніемъ. Болѣзненное подозрѣніе, какъ мы уже говорили, представляетъ собою одно изъ типическихъ явленій, особенно въ началѣ душевнаго заболѣванія, безразлично проявляется ли оно первоначально благодаря аномальному душевному состоянію въ формѣ раздражительной экзальтаціи или депрессіи или же проистекаетъ изъ психической восприимчивости, соединенной съ тенденціей къ маніямъ и къ бредовымъ сужденіямъ вообще. Въ этихъ случаяхъ подозрѣніе очень часто находитъ свой источникъ въ какомъ либо близкомъ больному лицѣ, главнымъ образомъ въ супругѣ. Нерѣдко мы видимъ наличность особыхъ мотивовъ,—въ одномъ случаѣ, напримѣръ, легкомысленныя сплетни на счетъ супруги, въ другомъ же, злополучную участь пациентки, претерпѣвшей туберкулезную операцію и ставшей безплодной. Последняя и направляла ея бредовую идею на супружеское сожителство. Еще въ одномъ случаѣ (о которомъ мы еще не говорили) благодаря ошибкѣ почтальона письмо чьей-то содержанки получилось на имя супруга и кромѣ того въ томъ же самомъ домѣ семья приняла на воспитаніе незаконнаго ребенка. Это вселило въ жену подозрѣ-

ніе, а такъ какъ она находилась какъ разъ въ климактерическомъ періодѣ и у нея и безъ того обнаруживались зачатки галлюцинаторной паранойи, то идеи ея устремились на чувство ревности, которая съ тѣхъ поръ стала играть и играетъ еще и теперь доминирующую роль.

Иначе обстоитъ дѣло съ тѣмъ своеобразнымъ заболѣваніемъ, которое мы назвали «болѣзью ревности»; здѣсь этотъ импульсъ и аффектъ являются налицо во всемъ духовномъ обликѣ человѣка и проявляются, покуда существуетъ супружеское сожителство, въ формѣ неукротимаго могущественнаго стремленія представлять себѣ измѣну и прелюбодѣяніе и направлять все мышленіе на отыскиваніе неопровержимыхъ доказательствъ преступленія.

Третью категорію болѣзненной ревности мы встрѣчаемъ въ области дегенерации на почвѣ алкоголизма. Эта форма, какъ мы уже знаемъ, практически наиболѣе важная,—во-первыхъ потому что она несомнѣнно наиболѣе часто наблюдается и затѣмъ еще потому, что, соотвѣтственно всему духовному облику алкоголиковъ, здѣсь обнаруживается особенно сильная тенденція къ тяжелому обращенію съ несчастными женщинами и даже къ угрозамъ ихъ жизни. Въ третьихъ, наконецъ, идеи протекаютъ тутъ параллель-

но съ теченіемъ ихъ мотива, алкоголизма, и потому обычно должны считаться неисцѣлимыми.

Эта форма ревности можетъ проявляться въ связи съ различнаго рода психозами алкоголиковъ, начиная отъ delirium tremens вплоть до такъ называемаго псевдопаралича на почвѣ алкоголизма. Значительно чаще, однако, она обнаруживается въ формѣ продолжительнаго симптома, характернаго для психического измѣненія самаго по себѣ, которое злоупотребленіе алкоголемъ съ теченіемъ времени вызываетъ въ мозгу и психикѣ больного. На немъ-то мы теперь и остановимся нѣсколько подробнѣе.

Алкоголизмъ наряду съ другими, различными физическими расстройствами обуславливаетъ психическую дегенерацию, которая въ равной мѣрѣ ослабляетъ интеллектуальныя силы и портитъ характеръ. Послѣдній становится грубо эгоистичнымъ, безучастнымъ ко всему окружающему міру, особенно же къ семьѣ. Больные становятся грубыми, жестокими, всѣ соображенія морали, любви и разсудка исчезаютъ. Крафтъ Эбингъ характеризуетъ это состояніе чрезвычайно мѣтко: во-первыхъ, исчезаютъ всѣ понятія чести, морали и приличія, алкоголики становятся циничными и жестокосердыми (inhumanitas ebriosa),

Сюда присоединяется, во-вторыхъ, повышенная раздражительность, злобность, легко доходящая до проявленія бѣшенства (*ferocitas ebriosa*). Въ-третьихъ, главнымъ образомъ, по утрамъ наблюдается угнетенное состояніе, вплоть до утомленія жизнью (*morositas ebriosa*). Въ четвертыхъ, для алкоголика характерна слабость воли,—онъ все болѣе становится безучастнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей по отношенію къ семьѣ и труду. Интеллектуальныя силы понижаются, память слабѣетъ, находчивость исчезаетъ. Черезъ опредѣленный промежутокъ времени можетъ наступить помѣшательство.

Послѣдней типической особенностью является склонность къ супружескому подозрѣнію. «Она красной нитью проходитъ черезъ весь процессъ психической дегенерации» и обнаруживается уже въ самомъ раннемъ періодѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что поводъ къ этому мы должны искать во всей жизненной ситуациі алкоголика, онъ живетъ въ душевной аморальной атмосферѣ кабака съ его проститутками и слышитъ постоянно циничныя остроты и замѣчанія, неразрывно связанныя съ сексуальной областью; онъ посѣщаетъ публичные дома, семья становится ему тяжелымъ бременемъ, дѣти—упрекомъ въ его расточительно-

сти, новая беременность жены вселяетъ въ него ужасъ. Нерѣдко кажется даже, будто его упреки женѣ имѣютъ цѣлью унижить ее и оскорбить. Такіе моменты не могутъ быть все же сущностью интересующаго насъ вопроса. Тотъ же самый аффектъ наблюдается, правда, въ менѣе рѣзко выраженной формѣ у еще не совсѣмъ опустившихся и морально даже безукоризненныхъ алкоголиковъ. Къ обыкновеннымъ категоріямъ нравственно опустившихся пьяницъ, не исключая и женщинъ,—относится все то, что мы говорили выше по поводу психологической основы подозрѣнія. Здѣсь снова передъ нами тѣ зловѣщія комбинаціи чувства невѣрности съ наличностью грубо деспотическаго, сварливаго характера. Насъ нисколько не удивляетъ, что алкоголикъ боится жены; онъ самъ стыдится своего порока. Жена, съ своей стороны, осыпаетъ упреками мужа, который обычно пропиваетъ половину или даже треть своего заработка. Тотъ отвѣчаетъ ей не менѣе раздраженно, такъ какъ старается заглушить въ себѣ угрызения совѣсти. Не говоря уже обо всемъ этомъ, алкоголикъ терроризуетъ обычно всю свою семью. Соотвѣтственно своему характеру, ставшему грубымъ и порочнымъ, онъ думаетъ и о другихъ лишь самое скверное и предполагаетъ у жены наличность дурныхъ половыхъ инстинктовъ,—уже потому,

что тѣмъ самымъ онъ мысленно мститъ ей за упреки. «Она вѣдь еще хуже тебя самого», думаетъ онъ и оправдывается тѣмъ самымъ передъ собою, извиняетъ свой порокъ, свой развратъ и т. д.

Но и этого мало. Съ удивительнымъ единодушіемъ, жены алкоголиковъ и сами еще не совсѣмъ опустившіеся пьяницы сообщаютъ о томъ, что они каждую ночь во хмелю требуютъ исполненія супружескихъ обязанностей со стороны своей измученной жены, и такъ уже преисполненной отвращенія къ пьяному мужу; для нея это зачастую невыносимо, а иногда и вообще невозможно отчасти благодаря опьяненію мужа, отчасти же благодаря его пониженной потенціи. Онъ прибѣгаетъ тогда обычно къ насилію, но не достигаетъ удовлетворенія своей страсти, раздражается и осыпаетъ жену бранью. Вслѣдъ за этимъ онъ съ завистью начинаетъ смотрѣть на другихъ здоровыхъ мужчинъ; рано или поздно наступаетъ моментъ, когда онъ думаетъ и открыто заявляетъ, что жена не хочетъ имѣть съ нимъ сношеній потому, что ей нравятся другіе.

Тѣмъ самымъ въ этихъ грубыхъ эгоистичныхъ натурахъ исчезаетъ послѣднее, что связывало ихъ до сихъ поръ съ женою. Тѣмъ болѣе ярко выступаютъ наружу злоба, возмущеніе и мстительность. Когда, наконецъ,

жена, измученная и усталая, уходитъ отъ мужа, который ее болѣе не въ состояніи содержать, который ее каждый день бьетъ и ругаетъ, къ которому она и дѣти питаютъ лишь ужасъ и отвращеніе,—тогда въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ подвергается серьезной опасности сама ея жизнь. Разводъ долженъ быть отмищенъ ножомъ и револьверомъ. Эти угрозы осуществляются къ счастью, значительно рѣже, чѣмъ на первый взглядъ кажется, ибо каждый случай такого рода «попадаетъ въ газеты», между тѣмъ какъ безчисленные разводы остаются скрытыми. Я лично полагаю, на основаніи собственныхъ наблюденій, что такіе насильственные акты, вызванные мстостью или ревностью со стороны алкоголиковъ, совершаются развѣ только въ пяти процентахъ всѣхъ случаевъ, между тѣмъ какъ въ половинѣ ихъ безусловно наблюдаются угрозы. Однако, и этотъ процентъ все еще заставляетъ насъ дрогнуть.

Вообще, что касается характера самихъ идей, то онъ страннымъ образомъ въ чрезвычайно незначительной степени отклоняется отъ логической нормы. Бредовыхъ представлений до появленія истиннаго психоза на почвѣ алкоголизма почти не наблюдаются. Алкоголикъ обнаруживаетъ, въ сущности, лишь сильное подозрѣніе, исходя при этомъ изъ

самыхъ обыденныхъ точекъ зрѣнія,—изъ того, что жена поздно возвращается домой, запирается ночью у себя въ комнатѣ, относится любезно къ другимъ мужчинамъ, его самого отталкиваетъ и т. д. Столь же рѣдко наблюдаются и галлюцинаціи, манія отравленія и пр. Алкоголикъ далекъ и отъ настоящаго стремленія слѣдить за женою. Для этого у него вообще слишкомъ слабая воля и слишкомъ большая общая вялость. Его ревность проявляется въ циничной брани и въ жестокихъ побояхъ; она превращается въ бурную вспышку лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ имѣетъ внѣбрачную связь съ молодой красивой женщиной. Въ этихъ случаяхъ болѣе счастливый соперникъ долженъ страшиться его, здѣсь возможна самая страшная месть. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошелъ такой случай: однажды утромъ какой то человѣкъ напалъ на служанку иprehладнокровно убилъ ее только потому, что она сообщила его любовницѣ, что онъ женатъ. Не смотря на его хитрость, онъ былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія и приговоренъ къ смертной казни.

Въ иной формѣ, чѣмъ у обыкновеннаго алкоголика, проявляется зачастую аномальная ревность, когда дѣло идетъ о пожилыхъ лицахъ. Старческое слабоуміе склонно вообще къ подозрѣніямъ. Мысль объ от-

равленіи почти всегда бываетъ здѣсь налицо, упреки и брань носятъ здѣсь еще болѣе грубый характеръ, и слабоумный старикъ очень быстро во всемъ твердо «убѣждается». Зачастую мы имѣемъ тутъ и всякаго рода галлюцинаціи. Онѣ образуютъ тѣ самые «факты», въ которые вѣрятъ алкоголики и которые тщательно хранятъ въ своей душѣ, когда злосчастный алкоголизмъ съ теченіемъ времени исчезаетъ.

Въ заключеніе упомянемъ еще между прочимъ о томъ, что слабоуміе стариковъ въ общемъ даже тамъ, гдѣ нѣтъ налицо алкоголизма, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ склонно къ сексуальнымъ аномальностямъ. Съ одной стороны, у нихъ проявляется похотливость и половое влеченіе, съ другой же, имъ всюду, особенно ночью, мерещится открытый развратъ. Ночныя видѣнія переносятъ ихъ зачастую въ публичные дома; молодыя женщины, иногда даже собственныя дочери преслѣдуются упреками въ развратѣ. Одинъ пожилой пациентъ обнаруживалъ даже своеобразную ревность по отношенію къ поселившемуся въ домѣ племяннику. Онъ якобы вступилъ въ связь съ его дочерью, хотя послѣдняя страдаетъ тяжелой формой базедовой болѣзни и была очень некрасива; онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не прогналъ своего племянника изъ дому.

Этимъ поступкомъ онъ въ послѣдствіи очень гордился.

Заключеніе. Въ концѣ длиннаго пути, пройденнаго нами, необходимо еще разъ резюмировать вкратцѣ тѣ важнѣйшіе выводы, къ которымъ мы пришли. И если мы здѣсь впервые систематически подвергли изслѣдованію психологическія основы, на которыхъ покоится столь распространенный и столь въ общемъ вредный аффектъ, какъ ревность, то я надѣюсь, что эта попытка принесла все же плоды какъ практической, такъ и теоретической цѣнности. Ревность считается почти всегда своеобразнымъ чувствомъ, которое само по себѣ превращается обычно въ пламенную и бурную страсть. Это возрѣніе, несомнѣнно, заимствовано изъ проявленія аффекта въ сферѣ любви. Практически несравненно важнѣе проявленіе этого аффекта во всѣхъ остальныхъ случаяхъ человѣческой дѣятельности, въ области труда, профессіи, семьи, искусства, науки и общественной жизни, проявленіе, которое мы выше назвали **соревнованіемъ** (въ противоположность эротической ревности).

Если мы посмотримъ, какіе же психические процессы мы называемъ при этомъ ревностью, то мы въ обѣихъ категоріяхъ найдемъ не простыя чувства и аффекты, а болѣе

или менѣе сложные комплексы. Элементъ или процессъ, который имѣется всякій разъ налицо и который дѣйствительно представляется существеннымъ моментомъ ревности, всегда носитъ двойственный характеръ: онъ состоитъ изъ чувства безпокойнаго возмущенія при видѣ конкурента и импульса устранить послѣдняго. Если идти дальше, то можно замѣтить, что какъ разъ эти чувства происходятъ изъ психическаго явленія наиболѣе общаго характера и изъ первоначально безусловнаго интенсивнаго аффекта: когда мы созерцаемъ какую-либо дѣятельность, связанную для насъ съ интенсивнымъ пріятнымъ чувствомъ, то въ насъ пробуждается активные импульсы. Намъ бы хотѣлось занять мѣсто другого, который принимаетъ участіе въ дѣйствительности, мы хотѣли бы его оттѣснить.

Въ ревность въ практическомъ смыслѣ превращается такое чувство лишь въ томъ случаѣ, когда къ нему присоединяются сопутствующіе моменты и ощущенія: наиболѣе важную роль играетъ при этомъ, если другой проявляетъ свою дѣятельность аналогично съ нами, и если эта дѣятельность приносить ему обильные плоды или сопровождается успѣхомъ. Нами овладѣваетъ тогда страхъ, что онъ можетъ причинить намъ

ущербъ,—задѣтое самолюбіе повышаешь въ насъ, далѣе, зависть и чувство неудовольствія; очень часто онъ нарушаетъ наши непосредственные интересы,—коммерсантъ можетъ, на примѣръ, отвлечь отъ насъ покупателей,—мы должны защищаться изъ чувства самосохраненія.

Аналогично обстоитъ дѣло и при эротической ревности: если любящій видитъ, что другой старается снискать расположеніе любимого человѣка, то это его, несомнѣнно, повергаетъ въ состояніе возбужденія, и онъ захочетъ устранить конкурента. Сильнѣе его чувство становится, однако, лишь тогда, когда ему кажется, что у него есть основаніе бояться, особенно когда начинаетъ колебаться его вѣра въ любимого человѣка.

Эти категоріи чувствъ, которыя пробуждаются въ нашемъ отношеніи къ сопернику, имѣютъ вполне реальную основу,—тутъ ставятся на карту существенные интересы, оскорбленіе нашего самолюбія и т. п. Чѣмъ же объясняется, что именно этотъ активный импульсъ выступаетъ на первый планъ, что отъ проявленія «рвенія» все возбужденное состояніе и получаетъ свое наименованіе «ревности»? Какъ разъ въ этомъ психологическое изслѣдованіе дало намъ чрезвычайно цѣнные выводы. Если моментъ повышеннаго «рвенія» обнаруживается лишь

въ качествѣ побочнаго чувства во всемъ комплексѣ представленій и ощущеній, то онъ все болѣе и болѣе выступаетъ затѣмъ на первый планъ и непосредственно обуславливаетъ упорство и ожесточенность соперничества.

Борьба интересовъ, зависть, недовѣріе, подозрѣніе и т. д. даютъ, несомнѣнно, основу и содержаніе всему состоянію возбужденія; но къ дѣйствіямъ, къ рѣшеніямъ они ведутъ лишь путемъ рефлексій. Интенсивный импульсъ оттѣсненія, однако, внести активный ферментъ, онъ побуждаетъ къ дѣйствіямъ и только онъ одинъ проявляется съ могуществомъ непосредственнаго чувственнаго переживанія. Онъ даетъ, слѣдовательно, такъ сказать, готовые активные импульсы. Насколько это важно, мы видимъ, на примѣръ, при всякомъ систематическомъ проявленіи силы, которая сама собою превращается въ форму спорта и состязанія.

Таковъ, слѣдовательно, первый моментъ. Это рвеніе оказывается, однако, во вторыхъ, чрезвычайно способнымъ къ повышенію. Это объясняется уже самою природою импульса и является смысломъ слова «рвеніе». Но еще болѣе важную роль играетъ характеръ данныхъ ситуаций. Пробудившаяся боевая готовность должна побудить и другихъ къ сопротивленію, она поражаетъ ихъ въ самое чувствительное мѣсто, касается ихъ

успѣшной дѣятельности. Она можетъ также возбудить ревность и въ нихъ. Борьба же порождаетъ пламя, которое само себя раздуваетъ; споръ становится все болѣе горячимъ, а тѣмъ самымъ въ него включаются и дальнѣйшія могущественныя цѣнности. Честь, почетъ и слава ставятся на карту; создаются личныя рѣзкія противорѣчія. Это чрезвычайно опасная стадія; такія чувства внѣдряются глубоко въ психику и нелегко затѣмъ исчезаютъ.

И затѣмъ третій моментъ. Ревности не достаётъ опредѣленнаго содержанія, не достаётъ и способности къ завершенію. Каждый день устраняются какіе-либо объекты спора. Страсть и зависть могутъ смолкнуть. Ревность же продолжается до тѣхъ поръ, пока существуетъ состязаніе, конкуренція,—а вѣдь послѣдняя никогда не прекращается въ нашей соціальной жизни.

Тѣмъ самымъ объясняется демоническое могущество ревности; но этимъ могуществомъ она не обладаетъ съ самаго начала. Она дѣйствуетъ скорѣе лишь въ качествѣ избавляющаго раздраженія, которое включаетъ возбуждающій аффектъ въ опредѣленную ситуацію,—психическою силою она становится лишь тогда, когда ее постоянно и систематически развиваютъ и взращиваютъ.

Ясно, такимъ образомъ, какое практическое значеніе имѣетъ наше психологическое изслѣдованіе,—особенно, если принять во вниманіе, какую могущественную роль играетъ ревность въ самыхъ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности: въ кругу семьи, во всѣхъ техническихъ и административныхъ учрежденіяхъ, въ искусствѣ и наукахъ и прежде всего въ общественной жизни, гдѣ ревность проявляется въ формѣ массоваго возбужденія.

Мы видѣли, что—исключая, разумѣется, аффектовъ болѣзненной душевной жизни—ревность отнюдь не является аффектомъ, необходимо вытекающимъ изъ существа человѣческой природы.¹⁾ Подобно тому, какъ противоположность ея—состраданіе, можно было развивать и взращивать въ теченіе всего развитія нашей культуры, такъ можно, наоборотъ, вырывать почву изъ-подъ ногъ этого вреднаго и опаснаго аффекта. Для этого существуютъ два средства: такъ какъ соперничество въ человѣческой дѣятельности является налицо всюду, то необходимо стараться ослаблять и примирять реальныя противорѣчія нашихъ интересовъ для того, что-

¹⁾ Психологически необходимо лишь чувство, сопряженное съ проявленіемъ дѣятельности, которое само по себѣ можетъ остаться вполне невиннымъ.

бы къ нимъ не примѣшивалось чувство ревности. Устраненіе вредныхъ послѣдствій возможно здѣсь путемъ законодательства и соціальной помощи.

Вторымъ столь же важнымъ средствомъ служить намъ самопознаніе,—изученіе развитія и опасности ревности. Педагогика и соціальная этика должны систематически заниматься этой проблемой; необходимо, дайте знать, что при развитіи честолюбія и чувства національнаго величія пробуждаются импульсы ревности. Прежде всего нужно сдерживать всѣ виды массоваго возбужденія, —необходимо постоянно строго учитывать, насколько велики опасности, создаваемыя вмѣшательствомъ прессы и народныхъ массъ въ обсужденіе и рѣшеніе вопросовъ общественныхъ и національнаго соперничества.

Здѣсь мы, на мой взглядъ, достигли того пункта, гдѣ намъ приходится подыскивать средства для устраненія національной ревности. И если наше изслѣдованіе пробудитъ хотя бы это желаніе и заставитъ задуматься надъ этимъ вреднымъ и губительнымъ аффектомъ, то мы уже всецѣло вознаграждены за нашъ трудъ.

Необходимо принять во вниманіе еще одно обстоятельство. Стремленіе къ дѣятельности и къ оттъсненію вполне оправдывается, повидимому, обстоятельствами, заложен-

ными въ фактъ соперничества. Мы думаемъ, что мы дѣйствительно вполне сознательны, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ движемся чисто инстинктивнымъ влеченіемъ; и на самомъ дѣлѣ именно послѣдній и образуетъ основной моментъ страсти.

Тѣмъ самымъ, правда, констатированіе личности ревности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ становится нерѣдко чрезвычайно трудной задачей. Мстительность, скупость и даже зависть бросаются обычно въ глаза наблюдателю, такъ какъ здѣсь аффекты не покрываются вполне разумными и справедливыми мотивами. Ревность, однако, лишь тогда очевидна и явна, если она проявляется безъ достаточнаго реальнаго основанія, на примѣръ, когда человѣкъ постоянно и нелѣпо подозрѣваетъ и жалуется на свою супругу, или когда художникъ нападаетъ на талантливыя работы своихъ коллегъ. Обычно, однако, любящій человѣкъ опирается на существующія, по крайней мѣрѣ въ его сознаніи, фактическія обстоятельства; художникъ старается оправдать свою неприязнь къ собрату доводами по существу, а въ искреннемъ соперничествѣ энергичная и выступающая даже агрессивно защита собственныхъ интересовъ оправдывается суровостью борьбы за существованіе. Какую роль играютъ тутъ составныя части ревности, можно

опредѣлять въ общемъ по двумъ основнымъ критеріямъ интересующаго насъ аффекта: по преобладанію интенсивныхъ импульсовъ отъ тѣснаго, — особенно когда въ нихъ отчетливо обнаруживается зависть, — и по продолжительной непримиримости и неспособности къ завершенію всей борьбы. — Таковы своеобразныя черты ревности.

Тѣмъ не менѣе, это отнюдь не качественно своеобразныя признаки, — и лишь избытокъ аффектовъ и чувствъ въ этомъ направленіи могутъ побудить насъ различить въ каждой данной ситуациіи вліяніе ревности. Этотъ конечный результатъ не можетъ насъ удивить, если мы примемъ во вниманіе, что весь аффектъ въ конечномъ счетѣ зиждется на повседневнои психическомъ явленіи, активномъ импульсѣ. Тѣмъ не менѣе, въ нашей социальной жизни все еще имѣется этотъ могущественный и вредный моментъ.

К-во „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

Москва, Садовники, д. № 9. Телефонъ 177-14.

І. ОТДѢЛЪ НАУЧНЫЙ И НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

Д-ръ Н. Котикъ. Непосредственная передача мыслей. Экспериментальное изслѣдованіе. 2-ое дополнен. изд. Ц. 1 р. 25 к.

„Поразительные выводы автора открываютъ новые въ настоящее время почти необозримые горизонты“.

„März“ № 14, 1909 Dr. Bergmann.

Д-ръ Абрагамъ. Сонъ и мифъ. Цѣна 60 к.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Леонардо-да Винчи. Ц. 50 к.

Проф. Зигмундъ Фрейдъ. Психопатологія обыденной жизни. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Забываніе собственныхъ именъ. Забываніе иностранныхъ словъ. Забываніе именъ и словосочетаній. О воспоминаніяхъ дѣтства и о воспоминаніяхъ, служащихъ прикрытіемъ. Обмолвки. Очистки и описки. Забываніе впечатлѣній и намѣреній. Дѣйствія, совершаемыя по ошибкѣ. Симптоматическія и случайныя дѣйствія. Ошибки. Комбинированныя дефектныя дѣйствія. Детерминизмъ. Вѣра въ случайности и суевѣрія. Общее замѣчаніе. Цѣна 1 руб.

Того же автора. Толкованіе сновидѣній. Съ предисловіемъ д-ра Н. Котикъ. Цѣна 3 р.

Д-ръ Левенфельдъ. Сексуальныя проблемы. Содержаніе: О сексуальной конституціи; эротика и чувственность; половое влеченіе, какъ двигательная сила въ духовной жизни. Предисловіе д-ра Вырубова. Ц. 2 р.

ЕГО-ЖЕ. Гипнотизмъ. Цѣна 2 руб.

Д-ръ Оппенгеймеръ. Материнское и искусственное вскармливаніе грудныхъ дѣтей. Ц. 30 к.

Д-ръ Миллеръ. Сексуальная біологія (половая жизнь человека и животнаго). Съ предисловіемъ д-ра А. Н. Бэрнштейна. Ц. 2 р. 50 коп.

Д-ръ Заблудовскій. Краткій учебникъ частной хирургіи. Съ предисловіемъ д-ра Н. И. Напалкова. Ц. 2 р. 50 коп.

Проф. Диппе. Краткое руководство по внутреннимъ болѣзнямъ для врачей и студентовъ. Испр. и перераб. Изд. съ предисловіемъ проф. Н. О. Голубова. Ц. 1 р. 50 к.

Д-ръ А. Вигуръ. Психическая зараза. Съ предисловіемъ проф. Ф. Рыбакова. Цѣна 1 руб.

Проф. Эрнстъ Махъ. Принципъ сохраненія энергіи. Цѣна 30 коп.

Проф. Максъ Ферворнъ. Естествознаніе и міросозерцаніе. — Проблема жизни. (Двѣ лекціи). Цѣна 50 к.

Проф. Максъ Ферворнъ. Вопросъ о границахъ познанія. Цѣна 30 коп.

„Достоинство брошюры—въ большомъ мастерствѣ популярнаго изложенія“.
(„Р. Вѣд.“. 1909 г.).

Проф. І. Боасъ. Диагностика и терапія желудочныхъ болѣзней. Т. І. Съ предисловіемъ прив.-доц. Д. Плетнева. Ц. 2 р. 50 коп. Т. II. (Печ.).

Проф. Гертвигъ. Учебникъ зоологін, т. І. Переводъ подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Моск. Ун. Г. А. Кожевникова. Ц. 1 р. 50 к., Т. II ц., 2 р.

Проф. Фрицъ фонъ-Винкель. Общая гинекологія. Переводъ, разрѣш. авторомъ. Съ предисловіемъ проф. Моск. Ун. Н. И. Побѣдинскаго. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

„Затронутые опытнымъ и авторитетнымъ профессоромъ вопросы въ изложеніи, вполне доступномъ и не специалисту, дѣлаютъ „Общую гинекологию“, въ большей ея части интересной и поучительной не только для врача, но и для всякаго образованнаго человѣка“. (Изъ предисл. проф. Н. Побѣдинскаго).

Д-ръ С. Рабовъ. Проф. Лозанскаго Ун. Карманная рецептура и фармакопоя. Пособіе при прописываніи лѣкарственныхъ веществъ для врачей и студентовъ. Переводъ съ 43 дополненаго и исправленнаго нѣмецкаго изд. Подъ редакціей магистра фармации И. И. Кальпинга, съ предисловіемъ проф. Имп. Моск. Ун. Н. Ф. Голубова. 3-е изд. Ц. 1 р. (въ переплетѣ).

Д-ръ І. Ф. Гейт. еръ. Электромагнитныя колебанія и волны. Перев., разрѣшен. авторомъ. Подъ редакц. и съ предисл. лаборанта Имп. техн. учил. Б. С. Швецова. Цѣна 1 р. 25 к. въ (переплетѣ). Учен. Комит. М. Н. П. допущено въ библиот. низш. учебн. завед.

П. Элихъ и С. Хата. Экспериментальная химіотерапія спиллезныхъ заболѣваній. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ С. монъ. Гигіена женщины. Перев., разрѣш. авторомъ. Съ предисловіемъ проф. Моск. Ун. Н. И. Побѣдинскаго. Ц. 2 р.

И. Ремсень. Неорганическая химія. Самостоят. обработка проф. К. Зейберта. Подъ ред. проф. Имп. Техн. Уч. Н. А. Шилова. (печ.). Цѣна въ переплетѣ 2 р. 50 к.

Проф. А. Пуанкаре. 1) Новая механика; 2) Эволюція законовъ. Двѣ статьи. Ц. 60 к.

Ярф. Жанъ Бек. еэль. Эволюція матерін и міровъ. Ц. 60 к.

Проф. Вильгельмъ Оствальдъ. Насущная потребность. Ч. I. Переводъ подъ редакціей проф. А. Сапожникова. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ Цольшамъ. Расовыя проблемы. Съ предисловіемъ д-ра Вырубова. Ц. 3 р.

Вильямъ Минтъ. Логика. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доц. Н. В. Самсонова. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

Жанъ Мишлэ. Вѣдма. Иллюстрированное изданіе. Перев. и предисл. прир.-доц. В. М. Фриче. Ц. 2 р.

Ади Мэгрэнъ. Романтизмъ и нравы. Съ предисловіемъ И. Игнатовъ. Ц. 2 р. 50 к.

Мелуаръ Джакомо Казанова. Иллюстр. пзд. Перев. и предисл. пр.-доц. В. М. Фриче. Т. I. Бурные годы. Ц. 2 р. 50 к. (тт. I и II печатаются).

О. Пиртингъ. Россія и папскій престолъ т. I. Ц. 3 р.

Юлія Гессенъ. Кровавый навѣтъ въ Россіи. Ц. 10 к.

Графъ Паоло Мантэгацци. Современные женщины. 2-ое изданіе. Ц. 1 р.

Ипполитъ Тэнъ. Философія искуства. Иллюстрированное изданіе большого формата. Ц. 2 р.

Для родителей и педагоговъ.

Пр. ф. Оппенгеймъ. Воспитаніе и нервныя страданія дѣтей. Цѣна 30 к.

„Докладъ заслуживаетъ широкаго вниманія интеллигентныхъ родителей“. (Д-ръ Капланъ).

Маріи Лишневская. Половое воспитаніе дѣтей. 2-е изд. Цѣна 30 к.

„Брошюра Маріи Лишневской можетъ сослужить всему человѣчеству громадную пользу“.

(„Утро Россіи“).

Элленъ Кей. Мать и дитя. Цѣна 30 к.

„Небольшую работу Элленъ Кей мы горячо рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей. Брошюра написана сжато, конспективно, но очень живо и ярко. Перев. сдѣланъ хорошимъ, вполне литературнымъ языкомъ“.

(„Рѣчь“, 13 окт. 1908 г.).

Проф. А. фонъ-Штрюмпель. Нервность и воспитаніе. Переводъ, разрѣшенный авторомъ. Цѣна 30 к.

II. отдѣлъ художественной критики.

В. Переверзевъ. Творчество Достоевскаго. Съ предисловіемъ П. Н. Сакулина. Цѣна 1 р. 25 к.

Фридрихъ Куммеръ. О смѣнѣ литературныхъ поколѣній и литературы. кумировъ. Перев. подъ ред. и съ предисл. П. С. Когана. Ч. 25 коп.

В. М. Фриче. Отъ Чернышевскаго къ „Вѣхамъ“. Ц. 40 к.

В. М. Фриче. Торжество пола и гибель цивилизаціи. (По поводу книги Вейнингера „Полъ и характеръ“). Цѣна 55 к.

Людвиг Зеринг. Метерлинк, как философ и поэт. Цѣна 60 коп.

Метерлинк, как философ внутренней жизни.—Мирозерцаніе Метерлинка.—Стихотворенія и первыя драмы.—Драмы философа жизни.—Метерлинк, как теоретикъ искусства.

„Книга Зеринга прочтется съ большимъ интересомъ русскими поклонниками Метерлинка, тѣмъ болѣе, что наша критическая литература о немъ совсѣмъ не велика“.

(„Одесское Обозрѣніе“).

Гальфданъ Лангаардъ. Оскаръ Уайльдъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. 2-ое изданіе. Цѣна 40 коп.

„Предлагаемая книга стремится дать возможно болѣе полное изображеніе захватывающей по своей трагичности жизненной судьбы Оскара Уайльда“.

Германъ Эссейнъ. Августъ Стриндбергъ. Опытъ психологической характеристики. Цѣна 40 коп.

Критическій очеркъ Эссейна можетъ быть прочитанъ съ пользою всѣми, кто интересуется эволюціей творчества Стриндберга. („Русскія Вѣдомости“).

Андрей Левенсонъ. Германъ Бангъ. Критическій очеркъ. Цѣна 30 к.

Ю. Еабъ. Бернаръ Шоу, какъ писатель и художникъ. Цѣна 50 к.

Эдуардъ Замакоисъ. Бласко Ибаньесъ. Критическій очеркъ. Цѣна 50 к.

„Эта небольшая книжка является необходимымъ дополненіемъ къ тридцати томамъ сочиненій испанскаго Золя, вышедшимъ въ русскомъ переводѣ. Знаменитый испанскій писатель, которому теперь 43 года, вышелъ изъ купеческой семьи, и его жизнь замѣчательно богата событіями. Изъ бѣдности, благодаря успѣху его романовъ, онъ достигъ богатства, а масса неурядицъ (онъ сидѣлъ до 30 разъ въ тюрьмѣ за газетныя статьи) не ослабила его кипучей энергіи и любви къ жизни. Къ тому же онъ совершилъ цѣлый рядъ путешествій по Европѣ и Южной Америкѣ, что дало ему массу впечатлѣній. Плодовитый авторъ въ настоящее время работаетъ надъ исторіей Аргентины, гдѣ думаетъ основать испанскую колонію подъ названіемъ „Сервантесъ“, для чего изучаетъ также вопросы электричества и агрикультуры, насосы, водопады и новые способы орошенія. Вообще, жизнь Ибаньеса не менѣе интересна, чѣмъ его романы, заканчивающіеся всегда трагически, несмотря на его любовь къ жизни“.

(„Россія“, 4 окт. 1911).

Михаиль Тригоринъ. Проблема пола и „Санинъ“ Арцыбашева. 2-ое изданіе. Цѣна 35 коп.

„Нашумѣвшій романъ Арцыбашева возбудилъ всеобщее вниманіе русскаго общества. Въ предлагаемой книжкѣ авторъ

разсматриваетъ его, какъ одну изъ попытокъ разрѣшенія полового вопроса, и наглядно доказываетъ полнѣйшую ея неудачу.

III. ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Артуръ Куптъ. Около жизни. Романъ. Ц. 1 р.

Артуръ Шницель. Юный Медардъ. Цѣна 1 руб.

Анри Берштейнъ. Когда меня не станетъ. Цѣна 50 к.

М. Ленгелъ. Тайфунъ. Цѣна 50 коп.

Я. Гордннъ. Убой. Цѣна 50 коп.

М. Бродскій. Жить надо (разказы). Ц. 1 руб.

Западные Сборники. Книга первая.

Содержаніе: Томасъ Маннъ, Gladius Dei. Гансъ фонъ-Ка-
лингерь, Горбунъ. Гугъ фонъ-Гофмансталъ, Сказка. Яковъ Вас-
серманъ, Старикъ. Петеръ Альтенбергъ, Революціонеръ.

Феликсъ Голлендеръ, Пріемышъ, Иоганнъ Шлафъ, Другая.
Цѣна 1 руб.

Западные Сборники. Книга вторая.

Содержаніе: Клара Фибигъ, Святой. Яковъ Вассерманъ, Ко-
ролева Иоанна Кастильская. Георгъ Гиршфельдъ, Въ чужихъ
рукахъ. Гергартъ Гаупманъ, Изъ путешествія въ Грецію. Иоган-
несъ Іензенъ, Луизонъ. Томасъ Маннъ, Женщина. Э. фонъ-Кей-
зерлингъ, Деревня. Зигфридъ Требишъ, Конецъ свѣта. Цѣна
1 руб.

Германъ Зудерманъ. Розы. Тетралогія.

Содержаніе: Лучи солнца. Марго. Прощальный визитъ. При-
цесса. Цѣна 1 руб.

Джоржъ Мередитъ. Эгонистъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Отто Рунгъ. Вереница тѣней. Романъ. Ц. 1 р.

Антоніо Фогатцаръ. Отжившій мірокъ. Романъ. Ц. 1 р.

Александръ Шрванзадъ. Честь. Романъ. Ц. 1 р.

„БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПРОБЛЕМЪ“.

При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ю. А. Веселовскаго, П. С. Когана, Л. Козловскаго и В. М. Фриче.

Приступая къ изданію настоящей бібліотеки, к-ство „Со-
временныя Проблемы“ задается цѣлью ознакомить русскую чи-
тающую публику съ лучшимъ образцами творчества западно-
европейскихъ писателей, при чемъ главное вниманіе будетъ
удѣлено одной изъ высшихъ формъ литературнаго творчества;
роману. Каждый томъ будетъ снабженъ критическимъ очеркомъ,
посвященнымъ данному писателю.

Книга I. **Германъ Гессе.** Петеръ Каменщипдъ, Романъ. Переводъ
съ 50-го нѣм. изд. съ крит. очеркомъ Ю. И. Айхен-
вальда. Цѣна 1 руб.

„Все это рассказано у Гессе красиво, поэтично, съ лю-
бовью и лаской и во всемъ этомъ такъ много человѣческаго
содержанія и той внутренней жизни, которая гораздо реальнѣе
жизни вѣнщей“.

Изъ предисловія Айхенвальда.

„Романъ этотъ овянъ чарами своеобразнаго и властнаго лиризма... Онъ нерѣдко заставляетъ думать о Гамсунѣ. Тотъ же лиризмъ и чисто субъективное настроеніе, тотъ же пафосъ и свободная непринужденность манеры, допускающая смѣлыя обращенія и неожиданныя отступленія. По-гамсуновски вдохновенны нѣкоторыя картины природы. Много тонкаго и поэтичнаго“.

(Викторъ Гофманъ. „Рѣчь“ 1910, № 45).

Книга П. Колетта Иверъ. Королевы науки. Романъ. Съ критическимъ очеркомъ П. С. Когана. Перев. съ 34-го франц. изд. Ц. 1 р. 50 к.

„Прекрасный романъ Коветты Иверъ о страданіяхъ борющейся и побѣжденной женщины-личности—новый документъ, свидѣтельствующій о безсиліи современнаго общества разрѣшить стоящія передъ нимъ проблемы“.

Изъ предисловія Когана.

„Романъ читается съ интересомъ и тѣмъ же на нѣкоторые вопросы современности“.

(„Утро Россіи“, 1910, № 108).

Книга Ш. Ж. Рени. Въ сѣтяхъ жизни. Романъ. Съ крит. очеркомъ Ю. И. Айхенвальда. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга IV. Пьеръ Милль. Пробужденіе души. Съ крит. очеркомъ Л. Козловскаго. Цѣна 1 руб.

Книга V. Грѣ де-Ренъ. Полуночная свадьба. Романъ. Съ крит. очеркомъ Ю. А. Веселовскаго.

Книга VI. Казимиръ Тетмаеръ. Романъ панны Опальской съ паномъ Глунякомъ. Ц. 1 р.

Богатовинъ. Женщина съ прошлымъ. Романъ. Ц. 1 р.

Гансъ фонъ-Каленбергъ. Вѣчная жидовка. Романъ. Ц. 1 р.

Проф. МАКСЪ ФЕРВОРНЪ

Докторъ медицины и философіи, профессоръ физиологіи и директоръ физиологическаго института Геттингенскаго университета.

Собраніе сочиненій.

Авторизованный переводъ подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Моск. У-та Г. А. Кожевникова.

Томъ I. ОБЩАЯ ФИЗИОЛОГІЯ. Основы ученія о жизни. Выпускъ первый. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Томъ II. ОБЩАЯ ФИЗИОЛОГІЯ. Выпускъ второй. Ц. 3 р. въ перепл. 3 р. 50 коп.

Томъ III. ОБЩАЯ ФИЗИОЛОГІЯ. Выпускъ третій. Ц. 1 р. 75 коп.

„Внимательно прочитавшій „Общую физиологію“ читатель обогатитъ себя громаднымъ запасомъ фактическихъ знаній, который будутъ восприняты постепенно, безъ особаго труда, несмотря на то, что многіе затронутые вопросы весьма сложны“.

(Изъ предисл. проф. Г. А. Кожевникова).

Томъ IV. РѢЧИ И СТАТЬИ.

Содержаніе: Предисловіе. Естествознаніе и міросозерцаніе. Принципіальные вопросы въ естествознаніи. Механика душевной жизни. Вопросъ о границахъ познанія. Проблемы жизни. Задачи физиологическаго преподаванія. 328 стр. Ц. 2 рубля.

„Ферворнъ, физиологъ по специальности, послѣдніе годы гяготѣтъ къ двумъ философскимъ дисциплинамъ: эстетикѣ и теоріи познанія. Въ эстетикѣ онъ принадлежитъ къ этнографическо-й школѣ и занимается главнымъ образомъ вопросами первобытнаго искусства и творчества. Въ теоріи познанія онъ стремится въ духѣ Маха примирить естествознаніе съ психологіей. Весь сборникъ, написанный съ обычнымъ для этого блестящаго популялизатора мастерствомъ, распадается на три отдѣла, статьи по общей и частной физиологіи, по теоріи познанія и по эстетикѣ.“

Къ первому отдѣлу относятся статьи: „Механика душевной жизни“, „Проблема жизни“ и „Задачи физиологическаго преподаванія“. Въ „Механикѣ душевной жизни“ Ферворнъ старается сдѣлать въ общихъ чертахъ понятными для широкаго круга лицъ современные воззрѣнія на физиологическіе процессы, происходящіе при явленіяхъ душевной жизни. Особенно полезны общедоступное, ясное изложеніе теоріи нейроновъ, главы о снѣ и гипнотизмѣ. „Проблема жизни“ имѣетъ цѣлью показать, что изъ разсмотрѣнія жизненныхъ явленій нужно удалить неопредѣленное понятіе причинности и изучать жизнь лишь съ точки зрѣнія условнаго метода, т. е. изучать закономерность взаимной зависимости процессовъ. Въ „Задачахъ физиологическаго преподаванія“ Ферворнъ признаетъ, что весьма знаменательно для спеціалиста физиолога, — невозможность для физиологіи обійтись безъ психологическихъ данныхъ и терминовъ. Но несомнѣнно, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ область, отвоеванная физиологіей у психологіи. Къ философическому отдѣлу относятся статьи: „Вопросъ о границахъ познанія“, „Естествознаніе и міросозерцаніе“, „Принципіальные вопросы въ естествознаніи“. Общая ихъ мысль такова: Ферворнъ настаиваетъ на условномъ пониманіи міра, согласно которому въ научномъ изслѣдованіи слѣдуетъ устранить понятія „причинности“ и „силы“ и замѣнить ихъ простымъ описаніемъ послѣдовательности явленій. Проблема познанія и проблема матеріи, границы познанія, которыхъ Дюбуа-Реймонъ объявилъ непригодными, приобрѣтаютъ тогда иной видъ, и принципіальная возможность познанія оказывается столь же безпредѣльной, какъ и вселенная. Къ послѣднему отдѣлу

относятся статьи: „Зачатки искусства“ и „Къ психологii первобытнаго искусства“. Вопросъ объ искусствѣ разработанъ Ферворномъ путемъ естественно-историческаго метода: рисунки дѣтей, живопись и издѣлія первобытныхъ народовъ и ископаемаго человѣка сопоставлены имъ съ генетической точки зрѣнія. Обѣ статьи богато иллюстрированы. Статьи Ферворна всѣми прочтутся съ большимъ интересомъ и пользою. Переведена и издача книга хорошо“.

„Русскія Вѣдомости“ Н С-овъ.

Томъ V печатается.

К. ВАЛИШЕВСКИЙ.

Происхождение современной Россіи.

Т. I. ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ

Краткое содержаніе: Страва и населеніе. Политическая и социальная жизнь. Умственная жизнь. Нравы. Первый русскій царь. Первые преобразования. Движеніе на Востокъ. Взятіе Казани. Завоеваніе Ливоніи. Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ. Идеиная и политическая эволюція. Опричнина. Англоманія Грознаго. Иванъ и Елизавета. Польское нашествіе. Баторій. Потеря Ливоніи. Римъ и Москва. Покореніе Сибири. Ермакъ. Дворъ и интимная жизнь Ивана. Домашняя жизнь Ивана. Семья царя. Личность Грознаго и его дѣло. Смерть Ивана. Характеръ и темпераментъ Грознаго. Познанія и умъ Грознаго. Идеи и чувствованія Ивана. Итоги царствованія.

Цѣна 3 руб., въ полукож. переплетѣ 4 руб.

Т. II. ПЕРВЫЕ РОМАНЗЫ.

Краткое содержаніе: Основаніе династii. Михаилъ Федоровичъ. Отецъ Петра Великаго. Царь и патриархъ Никонъ. Разрывъ. Борьба. Процессъ патриарха. Ссылка. Возмущеніе Стеньки Разина. Внутренняя политика Алексѣя. Внѣшняя политика. Польско-русская Украина. Конфликтъ. Вмѣшательство Москвы. Раздѣлъ. Интеллектуальная эволюція. Расколъ. Моральный кризисъ. Второй Романовъ и его наслѣдіе. Темпераментъ и характеръ Алексѣя. Его умъ. Его сердце. Его окружающіе. Его наслѣдіе. Восшествіе Федора. Конецъ Никона. Правленіе ф.воритовъ. Первый ударъ заступомъ. Общій взглядъ.

Цѣна 3 руб., въ полукожан. переплетѣ 4 руб.,

Т. III. ПЕТРЪ ВЕЛИКИЙ.

Краткое содержаніе: Кремль и нѣмецкая слобода. Царевна Софья. Внѣшняя жизнь. Сотрудники, друзья и фавориты. Женщины, Екатерина. Новый строй. Уничтоженіе стрѣleckаго вой-

ска. Нравственное преобразование Интеллектуальная жизнь. Церковная реформа. Уничтоженіе патриаршества. Социальная реформа. Экономическая дѣятельность. Политическая дѣятельность. Оппозиція. Царевичъ Алексѣй.

Цѣна 3 р. 50 к., въ переплетѣ—4 р. 50 к.

Т. IV. ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА. Ц. 3 р., въ пер. 4 р.

Т. V. ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА. Ц. 3 р. „ 4 р.

Т. VI. ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Ц. 3 р. „ 4 р.

Т. VII. РОМАНЪ ИМПЕРАТРИЦЫ. Ц. 3 р. 50 к. 4 р. 50 к.

Т. VIII. ВЕЛИКАЯ РАЗРУХА. Ц. 3 р. „ 4 р.

ЭДУАРДЪ ФУКСЪ.

ИСТОРИЯ ПРАВОВЪ. Томъ I. (Эпоха возрождения). Роскошно иллюстрированное изд. Около 400 иллюстрацій на отдѣльныхъ таблицахъ, состоящихъ изъ рѣдкихъ документовъ по исторіи правовъ и искусства. Цѣна 6 руб. Въ роскошномъ переплетѣ 7 руб. 50 коп.

Содержаніе перваго тома.

I. Предисловіе автора къ русскому изданію.

I. Происхожденіе и сущность нравственности. Происхожденіе и основа единобрачія.—Измѣнчивость половой морали.—Законы этихъ измѣненій.—Выводъ относительно будущаго.—Планъ изслѣдованія.

II. Идеаль физическй красоты Ренессанса. Сущность Ренессанса.—Происхожденіе идеала красоты.—Культь физической красоты.—Отношеніе къ наготѣ.—Сущность модъ эпохи Ренессанса.

III. Любовь и бракъ. Основной характеръ любви.—Развитіе индивидуальной половой любви.—Чувственное представленіе о любви.—Добрачное половое общеніе.—Обычай пробныхъ ночей.—Формы взаимнаго ухаживанія.—Бракъ и вѣрность.—Супружеская невѣрность.—Свободное половое общеніе и нравственна испорченность.—Употребленіе пояса цѣломудрія.

IV. Нравственность церкви. Церковь въ эпоху Ренессанса.—Экономическая основа могущества церкви.—Безбрачіе.—Пороки монашества.—Злоупотребленіе исповѣдью.

V. Проституція. Проституція, какъ офиціальное средство обороны.—Размѣры проституціи.—Солдатская дѣвка.—Сутенеры и сводни.—Отношеніе къ проституціи отдѣльныхъ классовъ общества.—La grande Coquette Ренессанса.—Способы привлеченія вниманія, практиковавшіеся проститутками.—Проститутка въ искусствѣ.—Регламентиція проституціи.—Борьба противъ проституціи.—Сифились.

VI. Общественныя развлеченія. Прядильня.—Жизнь въ баняхъ. Курорты.—Игры и танцы.—Праздники и празднества.—Масляничныя игры.—Мистеріи и театр.—Свадебное торжество и свадебныя обряды.—Частныя развлеченія.

VII. Сексуальная патологія. Историческія причины вѣры въ вѣдьмъ.—Эротическая подкладка преслѣдованія вѣдьмъ.—Оргія одержимыхъ.

T. II. ВѢКЪ ГАЛАНТНОСТИ.

Содержаніе втораго тома.

I. Эпоха абсолютизма. Психика подданнаго.—Общественная ложь.—Галантность.

II. Новый Адамъ и новая Ева. Идеаль красоты эпохи абсолютизма.—Культь интимной женской красоты.—Физическій портретъ мужчины и женщины.

III. Ливрея распутства. Величіе: шлейфъ, фонтанжъ, парикъ.—Роль каблука.—Декольтѣ.—Кринолинъ.—Красочная скала стараго режима.—Роскошь костюма.

IV. Любовь. Культь техники.—Рафинированность и сентиментализмъ.—Сексуальное воспитаніе.—Любовь, какъ произведеніе искусства.—Авансы въ счетъ брака.—Женская потребность въ любви.—Юридическая формула.—Герой стараго режима.—Оргія.—Венера и Пріамъ въ монашескомъ облаченіи.—Кнутъ.

V. Проституція. Уличная торговля любовью.—Притоны любви.—Адепты и мастера проституціи.—Полиція и проститутка.—Шппы и розы.

VI. Въ трактирѣ и въ салонѣ. Развитіе трактирной жизни.—Семейныя праздники.—Народныя обычаи.—Народныя праздники и развлеченія.—Танцы и игры.—Театръ.—Опера и балетъ.—Салонъ. Ц. 6 р. въ переплетѣ 7 р. 50 к.

T. III. ЭПОХА БУРЖУАЗИИ.

Того же автора.

Иллюстрированная исторія эротическаго искусства (печатается).

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.

- Германа Банга. 10 т.
Піо Бароха. 2 т.
Бьернстьерне-Бьернсона. 8 т.
Якова Вассермана. 3 т.
Томаса Гарди. 2 т.
Густава афъ-Гейерстама. 11 т.
Жориса-Карла Гюисманса. 3 т.
Бласко Ибаньеса. 15 т.
Маріи Конопницкой. 5 т.
Генриха Манна. 10 т.
Томаса Манна. 4 т.
Менделе-Мойхеръ-Сфоримъ. 2 т.
Леона Переца. 3 т.
Владислава Реймонта. 8 т.
Михаила Сивачева. 3 т.
Августа Стриндберга. 15 т.
Шоломъ Алейхема. 10 т.
Бернара Шоу. 9 т.
Жоржа Экоута. 4 т.

Психологическая библіотека.

Проф. Фрейдъ. Толкованіе сновидѣній. Цѣна 3 р.

Его же. Леонардо да-Винчи. Цѣна 50 коп.

Его же. Психопатологія обыденной жизни.

Его же. Остроуміе. (Печатается).

Д-ръ. Левенфельдъ. Руководство къ изученію внушенія и гипноза. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ д-ра Н. Вырубова. Цѣна 3 р.

Его же. Сексуальныя проблемы. Переводъ подъ ред. и съ предисловіемъ д-ра Н. Вырубова. Цѣна 2 руб.

Д-ръ Н. Котикъ. Непосредственная передача мыслей. 2 дополн. изд. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Д-ръ А. Вигуру. Психическая зараза. Съ предисл. проф. Ф. Рыбакова.

Д-ръ Абрагамъ. Сонъ и миѳъ. Цѣна 60 коп.